

АМТЕРРА

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

МАНА

№ 2(29)
2022

ЖУРНАЛ «ЛИТERRA NOVA» — ТЕРРИТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

*Литературно-публицистическое сетевое издание
с печатью по требованию*

Параметры отбора произведений

1. Любое произведение должно быть интересным (с точки зрения редакции).
2. Редакция имеет право в отказе автору в публикации без объяснения причин.
3. Стихотворные произведения не должны превышать 20000 строк (очень строгое соблюдение нормы обязательно, но желательно).
4. Прозаическое произведение не должно превышать по объему 200000 символов с пробелами.
5. Произведения, размещаемые в номере журнала, должны быть написаны на русском языке.
6. **Произведения принимаются по электронной почте на адрес sandisaba@mail.ru при предоставлении автором:**
 - а) **биографических данных и фотографии;**
 - б) **сведений о публикациях, если есть.**
7. Не принимаются произведения от анонимных авторов. Хотя произведение может быть опубликовано под псевдонимом при обязательном условии, что редколлегия будет знать настоящее имя автора. Не принимаются произведения, содержащие ненормативную лексику, существенно противоречащие литературной политике редакции и пропагандирующие ненависть.
8. Принимаются произведения всех жанров, соответствующих политике журнала: от реалистической до фантастической. Приветствуется разнообразие форм: интервью, эссе, рассказы, зарисовки, повести и романы.
9. Авторы, приславшие свои произведения, автоматически соглашаются на редакторскую правку.
10. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением автора при публикации публицистических произведений.

Формат

Журнал «Литerra Nova» издается форматом Б5 176 x 250 мм, печать цифровая, обложка и восемь страниц — полноцветные, остальные в один цвет, 136 страниц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- **Александр БАЖАНОВ** –
главный редактор sandisaba@mail.ru
- **Александр ЗЕВАЙКИН** –
зам. главного редактора
- **Светлана ТРЕМАСОВА**
- **Алексей МУЗАЛЕВ**
- **Наталья РУЗАНКИНА**
- **Сергей СОЛОНИН**
- **Майя СИДОРОВА**
- **Стас (Степан) НЕСТЕРЮК**

Обложка и иллюстрации

- **Александр ТРЕМАСОВ**

Верстка

- **Владимир КОШКИН**

Издатель

- **Сергей ГОЛОВАНОВ** golovanovcv@mail.ru

Адрес редакции: 430016, г.Саранск, ул.Полежаева, 115-5

Телефоны: 8 (8342) 230171, +79176965448

Е-мейл: sandisaba@mail.ru

Издание напечатано по технологии Print on demand (печать по требованию) по индивидуальному заказу

Литерра Нова ©

ЛИТЭРРА НОВА

ТЕРРИТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-публицистическое сетевое издание
с печатью по требованию

Издается четыре раза в год

12+

2(29) 2022 год

ИЮНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

- 2 ФАНТОМ. Александр ЗЕВАЙКИН. Подарок для внука. *Повесть.*
- 31 МЕМУАР. Наталья РУБИНШТЕЙН. Челнок памяти. *Воспоминания.*
- 54 СТРОФЫ. Анна ПОЛИБИНА-ПОЛАНСКИ. Охапка эпох. *Поэзия.*
- 57 ПРОЗА XXI ВЕКА. Ирина ШУЛЬГИНА. Долго жить и вечно ткать. *Рассказ.*
- 70 ПРОЗА XXI ВЕКА. Ирина БЕЗУГЛАЯ. «Полюби меня, Муся!» *Рассказ.*
- 78 ПАРОДИЯ. Владимир БУЕВ, Айдар ХУСАИНОВ. Поговорим. *Поэзия.*
- 85 ВОЙНА. Майя ГАЛИЦКАЯ. Возвращение. *Рассказ.*
- 89 ПРОБА ПЕРА. Яна МАТЮШКИНА. Жизнь по расписанию. *Новеллы.*
- 94 СТРОФЫ. Никита РЫЖИХ. Я улечу в невиданные страны. *Поэзия.*
- 96 ФАНТОМ. Сергей КАЛАБУХИН. Черный следопыт. Махмудыч. *Рассказы.*
- 107 СТРОФЫ. Наталья КОЛМОГорова. Сердце в кармашке. *Поэзия.*
- 111 ЛУКОМОРЬЕ. Наталия ПЕЧОНОВА. По своему хотению. *Рассказ.*
- 114 СТРОФЫ. Ирина АБДРАШИТОВА. Философия возраста. *Поэзия.*
- 117 ДЕТСКИЙ УГОЛОК. Людмила БЕЛОЗЕРОВА. Если в шкафчике скелет. *Поэзия.*
- 121 ПРОВИНЦИЯ. Вероника ВОРОНИНА. Поморский Гомер и Поморский Харон. *Статья.*
- 124 РЕЦЕНЗЕНТ. Татьяна КРАСНОВА. Ежемила из Листвянки. *Статья.*
- 126 СТРОФЫ. Тамара СЕЛЕМЕНЕВА. Кубанские зарисовки. *Поэзия.*
- 128 ВОКРУГ СВЕТА. Владимир БУЕВ. Бельгийские зарисовки. *Путевые заметки.*

Александр ЗЕВАЙКИН

Родился в 1965 году в Саранске. Лауреат Литературной премии имени А.Н.Терентьева (1997). Лауреат Литературной премии Главы РМ (2004). Лауреат премии «Рождественская звезда» (2013). Автор книг «Легенда» (1994), «Сборщик кидатей» (2006), «Утро туманное» (2015, Канада), «Малец и море» (2020), «Вторник обитания» (2021). Публиковался в русскоязычном германском журнале «Литературные задворки» (Дюссельдорф, 2014, рассказ «Джон и Тимми»), в израильском русскоязычном журнале «Новый дом» (Кармиэль, 2008, рассказ «Море»). Член Союза писателей России с 2001 года. Член редакционной коллегии интернет-журнала «ЛиТерра Nova».

ПОДАРОК ДЛЯ ВНУКА*

Глава 8

ПРОСЧЕТ ПРОФЕССОРА КРАЙСА

Метеостанция представляла из себя двухэтажное строение, причем первый этаж был значительно шире во всех направлениях, поскольку второй этаж опоясывал круговой балкон, встроенный под крышу. Деревья и кусты подкрались вплотную к стенам, лишь у крыльца осталась небольшая свободная площадка: Лори периодически вырубал наступающие кусты. Они долго присматривались к метеостанции, но ничего подозрительного не заметили. Да и мудро было что-то разглядеть: окна первого этажа были забраны крепкими ставнями.

– Надо бы заглянуть на второй этаж, – шепнул шериф.

– Так лестницы же нет, как мы туда попадем? – посетовал Броуди Старший.

Лори внимательно посмотрел на него и улыбнулся.

– А дверь, по-твоему, для чего?

– Так шериф сказал: «заглянуть», а не «войти», – парировал Дымок.

– Войти, конечно, было бы лучше, – шериф, следуя профессиональной привычке, все еще пристально осматривал здание.

– Надо войти, так войдем, – заверил Лори.

Он пошарил рукой под крыльцом и извлек на свет божий ключик от входной двери. Замочек тихо щелкнул раз, потом – второй и... дверь не поддавалась. Лори обвел спутников многозначительным взглядом и прошептал:

– Она закрыта на шпингалет. Там кто-то есть.

– Значит, без лестницы не обойтись, – Питер вопросительно посмотрел на друга.

– Вон тебе лестница, – Лемур указал на раскидистый клен, росший с южной стороны дома. Один из толстых суков этого богатыря касался угла крыши, – Я давно хотел спилить эту ветку: при ветре она кровлю задирает.

– Но все-таки хорошо, что мы не все хотения претворяем в жизнь, – удовлетворенно отметил Питер.

– Да, как правило, появляются более срочные и важные дела. Прошу следовать за мной, господа.

* Продолжение

С ловкостью, удивительной для своего возраста, Лемур вскарабкался на клен, балансируя, как канатоходец, прошелся по ветке, свесился с нее, и, немного раскачавшись, достал ногами широкие деревянные перила балкона. Продолжая держаться одной рукой за сук, второй он ухватился за угловую балясину, подпирающую крышу.

Шериф одобритительно кивнул.

– Он же Лемур. Чему удивляться? – шепотом пояснил Питер.

Лори подал другу условный знак кистью правой руки, и тот подкинул ему автомат, тут же ловко подхваченный.

«Здорово у них получается, – подумал Малыш Гамми, наблюдая, как его дед общается с другом при помощи знаков, не издавая ни единого звука, – настоящие разведчики».

– Теперь пойду я, – шепнул шериф тестю, – Потом пойдет Малыш, а ты – замыкающий. Подстрахуешь его. Ветка толстая, вас двоих выдержит.

Когда шериф полез на дерево, Оголец шепнул деду:

– Деда, сними кастрюлю, она меня перетягивает, я с дерева упаду.

– Хорошо, но только на момент подъема, потом снова наденем.

– А это обязательно?

– Обязательно.

Малыш Гамми сокрушенно вздохнул.

– Такова армейская жизнь, малыш, – успокоил его дед, – У нас военное положение. Враг опасен и коварен, но самое плохое – он нам неизвестен.

– Ладно, – согласился Пит, а про себя решил, что ради нового приключения можно и потерпеть.

Со второго этажа на балкон выходила только одна дверь, и это играло на руку команде шерифа. Окон, правда, было много, но тут уж придется действовать по ситуации. Лори встал на углу, чтобы следить за дверью и просматривать северную сторону.

Шериф помог племяннику переместиться с ветки на балкон. Все у них прошло на удивление складно и тихо. Когда вся команда оказалась на балконе, Лори заглянул в окно и чуть не присвистнул от удивления, поскольку обстановка станции была ему хорошо знакома, то разительные перемены сразу же бросились в глаза, и он на целую секунду даже растерялся, или как говорят на бескрайних просторах известной страны – опешил. Комната напоминала центр управления полетами или диспетчерский зал. Посредине стоял огромный стол, а на нем в два ряда восемь светящихся мониторов. В удобном крутящемся кресле с высокой спинкой сидел уже немолодой мужчина, грузный, лысый, в очках. На голове его

были массивные наушники с микрофоном. Он переезжал от клавиатуры к клавиатуре, бил по кнопкам и что-то говорил в микрофон. Больше никого в комнате видно не было. Лори вопросительно посмотрел на шерифа, шериф – на тестя, и знаком приказал им с Малышом остаться на балконе.

Так же знаками он показал, что им надо резко ворваться и заставить человека врасплох, но Лемур покачал головой и на пальцах показал, что надо войти тихо, поскольку объект в наушниках, то он, наверняка их не услышит. Удивительная беспечность.

Лемур взялся за ручку, потянул ее, и, на удивление, дверь оказалась незапертой. Лори отметил про себя, что его застарелая привычка смазывать все дверные петли, которые попадались на глаза, сейчас пригодилась, как нельзя, кстати, и сыграла в их пользу. Дверь совершенно бесшумно растворилась, пропуская их внутрь. Они осторожно вошли и еще раз осмотрелись. В комнате, действительно, был только один человек, настолько увлеченный своей работой, что даже не заметил гостей, стоящих от него в двух ярдах. Лори пробежался взглядом по мониторам и удивился еще раз. На четырех из них плавало изображение обстановки его дома. «Чтобы это значило?» – подумал Лори, а шериф тем временем прибрал мощный тяжелый пистолет «Гризли» – сорок пятого калибра, лежащий на краю стола и решил положить конец их молчанию. Резко развернув кресло, он сдернул с незнакомца наушники и демонстративно поднес пистолет к его лицу:

– Я шериф округа и требую от вас немедленного объяснения: кто вы и что здесь делаете?

Человек в кресле был настолько ошеломлен появлением незваных гостей, что даже слова от испуга вымолвить не мог. Лори внимательно присмотрелся к его одутловатому лицу и в изумлении прошептал:

– Мать твою! Это же Засранец Вилли! Питер, – он позвал в полный голос, – Идите сюда, у нас очередной сюрприз.

Питеры вошли в комнату.

– Узнаешь? – спросил Лори старшего из них.

– Вот это встреча! – Броди Старший тоже был немало удивлен.

– Так вы его знаете? – вмешался шериф, желая удовлетворить профессиональное любопытство.

– Тридцать пять лет, это точно. Это Вилли Крайс. Мы начинали вместе в одном проекте, и тогда он подавал большие надежды. Был любимчиком шефа, а для всех остальных – Засранцем Вилли. Потом, правда, он все-таки стал профессором, но наши пути к тому времени уже разошлись, – ответил Генрих Птицелов.

Человек, нареченный Засранцем Вилли, наконец-то выдохнул и робко прошептал:

– Так вы живы?

– Как видишь, – отозвался Лори, – Ты здесь один, или с подручными?

– Один.

– Не советую юлить. Я очень вооружен и достаточно сердит, а, стало быть, для тебя очень опасен. Да и шериф у нас не подарок: самый безрассудный стрелок в штате.

Джон с укоризной покачал головой, а Лори подмигнул в ответ: мол, для дела надо.

– Нет, зачем мне вас обманывать?

– Тогда вопрос второй: крысы – твоих рук дело?

– Да, – с готовностью ответил Вилли, – Это плод моего многолетнего труда. Абсолютная боевая машина.

Лори ткнул пальцем в монитор:

– Это камеры на их спинах?

– Да.

– Почему ты заслал их именно в мой дом?

– Я не знал, что это твой дом. Здесь глушь и тишина. Я просто хотел испытать их в деле.

– Ты дал им задание убить меня? – Лори сдвинул брови.

– Нет, что ты! Я же видел, что вы уехали на большой черной машине, и потому дал им первое пробное задание: обследовать строение и составить его подробный план.

– А пистолеты им зачем?

– Пистолеты не настоящие. Просто они должны привыкать к ремням и нагрузкам. А стрелять их еще не научил.

– Так их можно научить? – подключился к расспросу шериф.

– Да, конечно. Частично в них заложен интеллект унисолов.

– Час от часа не легче, – качнул головой Броуди Старший.

– А я уж грешным делом подумал, что ребята из конторы превратили наших унисолов в крыс.

– Ребята из конторы?! – удивился Вилли. – Так все давно порушили. О чем ты?

– Воспоминаниями потом делиться будем, отзывай своих гвардейцев на базу, – вмешался Лори.

– И без фокусов, – добавил Питер. Он подошел к импровизированному пульту, пошарил под столешницей и вынул оттуда еще один пистолет.

– Техника безопасности, – самым беспечным тоном пояснил этот момент Вилли, – Мало ли кто в гости заглянуть может.

– Ты бы лучше дверь запер.

– Так я запер.

– А на втором этаже?

– Виноват, оплошал.

– Питеры, присмотрите-ка за этим клоуном, а мы с шерифом заглянем на первый этаж.

Мальчик в бронежилете и пуленепробиваемом шлеме, производил впечатление супермини-бойца, особенно если учесть тот момент, что опущенное забрало искажало черты лица, и определить возраст было весьма сложно. Вот только тонкие ножки да ручки слегка портили первое впечатление, но это лишь при повторном взгляде. Питер старательно прикрывал внука своим телом, все еще держа Вилли на мушке.

На первом этаже разведчики нашли четыре большие металлические клетки с лежаками и двумя мисками в каждой: для еды и для воды. В углу стояло несколько мешков с сухим кормом для собак и ящики с консервами.

– А почему четыре клетки, ведь крыс – пять? – заинтересовался шериф.

– Об этом мы спросим Вилли, – лаконично отозвался Лори.

– А может, пятая крыса – сама по себе? – выдвинул версию Джон.

– Сами по себе крысы величиной с лабрадора по моему кордону не бродят, – возразил Лори, – Это – во-первых. А во-вторых, едва ли специально выведенные боевые крысы спокойно отреагировали бы на дикого сородича.

– И об этом спросим у Вилли, – согласился шериф.

Они облазили весь этаж, но никого не нашли. Заглянули в подвал, но там все было как всегда, то есть, год, два, три назад, еще до появления Вилли. Они вернулись на второй этаж.

– Как у вас дела? – поинтересовался Лори.

– Наш гений не может вернуть свою команду, – ответил Питер Старший, немного помедлил, и добавил, многозначительно проговаривая каждое слово, – или не хочет.

– Это он зря, – покачал головой шериф, – Надо бы ему захотеть. Во избежание бо-о-ольших неприятностей.

– Да хочу я, хочу, – оправдывался Вилли, – Вот, видите, кнопка вызова? Я ее жму, а сигнал не доходит. Помехи какие-то.

– Вилли, – подступился к нему Лори, – здесь всего двести ярдов! Мой дом в пределах прямой видимости. Выйди на балкон и крикни своих звярюшек на кормежку.

– Они реагируют на электрический импульс от вживленного чипа. Помехи, видите, помехи.

Изображения на мониторах пошли крупной рябью, а потом вообще пропали.

– Ну и что ты теперь делать собираешься? – поинтересовался Лори.

– Надо идти в дом.

– А в доме они тебя послушают? – не унимался мистер Дан.

Вилли немного замялся:

– У меня есть портативный пульт, правда, радиус действия всего тридцать ярдов.

– Успеешь дать отбой, прежде чем они на нас набросятся? – все наседали и наседали на профессора рассерженный Лори.

– Постараюсь. Мне нужен планшет, – несмело заявил Вили, опасливо косясь на автоматы неожиданных гостей.

– Бери, бери. Ты уверен, что он сработает?

– При обнаружении открываем шквальный огонь на поражение, – выдвинул радикальное предложение шериф, – нечего гадать: «успеет – не успеет»!

– Что вы! Что вы! Их нельзя убивать! Они уникальны! Они бесценны!

Питер Старший сузил глаза, холодно посмотрел на Вилли:

– Вот из-за таких засранцев, как ты, мы потеряли Огольца и еще две сотни ни в чем не повинных ребят. Поверь старику на слово: если что-то вдруг пойдет не так, я успею сделать в твоей скворечне пару новых дырок.

Дымок взглянул на шерифа, дабы оценить его реакцию, но тот старательно обследовал помещение и ничего не слышал.

Вилли достал из ящика стола планшет, активировал его.

– Нет, и здесь сигнала нет. Сплошные помехи. Здесь что, под землей атомный реактор?

– Места здесь дикие, глухие, малоизученные, – довольно миролюбиво отозвался Лори, – может и реактор стоит, а может, просто, магнитная аномалия.

– Тогда дайте и мне пистолет, – вдруг потребовал Вилли, – на всякий случай.

– Во всех ужасниках рукотворные твари съедают своих создателей, – зло отозвался Питер Старший, – Не будем нарушать традиции.

– Тогда я не пойду, – заупрямился Вилли.

Лори выразительно посмотрел на шерифа.

– Это не будет противозаконно, если мы на некоторое время, буквально два-три часа, ограничим свободу нашего гения? Там, внизу, пустуют четыре клетки.

– Создаваемая обстановка не исключает временную изоляцию социально опасных объектов и на более длительный срок, – согласился шериф, – Пройдемте в камеру.

– Зачем в камеру? Не надо в камеру. Я иду с вами. Все, все, я иду с вами, – он взял планшет и направился к лестнице, но, не дойдя трех шагов, остановился и повернулся к шерифу, – А может, у вас есть ружье, стреляющее снотворными пулями? На всякий случай. Они уникальны, они бесценны.

– Ты сам должен был первым делом позаботиться об этом, – встрял Питер Старший.

– Ко мне приезжают профессора с такими ружьями. Метить медведей, волков, оленей. Но ружья они увозят с собой, – развел руками Лори.

– Надеюсь, мне удастся наладить с ними связь.

– Ты уж постарайся, – выразительно посмотрел на старого знакомого Лори, – С нами мальчик, так что постарайся.

– Да, да, конечно. Я постараюсь.

– А теперь, вперед, – Лемур подтолкнул Вилли в спину.

По еле приметной тропке они спустились к дому и остановились за хозяйственным блоком.

– Ну и как наши дела, гений? – поинтересовался Лори.

Вилли растерянно водил пальцем по экрану планшетника, на котором одна непонятная таблица тут же сменялась другой.

– Сигнала нет, – в его голосе чувствовались зачатки паники.

– А помехи есть? – Питер.

– И помех нет. Ничего нет. Эфир чист.

– Ну не могли же они сквозь землю провалиться.

Лори и Питер переглянулись.

– Наверное, в тайгу ушли, – выдвинул версию Генрих Птицелов, – Что им в моем доме делать? В лесу куда интереснее.

– Не могли они за двадцать минут пробежать десять миль и выйти из поля действия моего радара! – возмутился Вилли.

– Надо зайти в дом и все проверить, – предложил Питер.

– Крысе очень легко спрятаться в доме, – высказал свои опасения шериф.

– Крысе везде легко спрятаться. Тем более, специально обученной, – согласился с ним Лори.

– Да, – согласился Питер, – здесь и медведю нетрудно спрятаться, не то, что большой крысе.

– Вилли, ну а свистка у тебя никакого нет? Манок без всякой электроники. Подзывают же собак свистом. Нет у тебя ничего такого?

– Нет.

– Ты намного глупей, чем я думал, – сокрушенно вздохнул Генрих Птицелов, – Есть у меня тут интересная вещичка, профессор один оставил. Может нам пригодиться. Идем. А по сторонам смотреть никто не отменял.

В ангаре у Лори хранилась радиоуправляемая машинка с видеочкамерой.

– Вся прелесть этой машинки еще в том, что она может взбираться по лестнице.

– Это нам очень пригодится. Мы сможем осмотреть и второй этаж.

– Есть, есть! – вскричал Вилли, – Я поймал!

– Что ты орешь?! Кого поймал?

– Сигнал с видеочкамер, но частота почему-то другая. Вот, смотрите, какое-то помещение с бочками, только...

– Что «только»? – категорично заинтересовался шериф.

– Ни одна из четырех камер не движется

– Должно быть, они нажали «стоп-кадр», – предположил Питер.

– Такая функция не предусмотрена, – на полном серьезе отозвался Вилли, – Камерой управляю я.

– Это мы уже заметили, – усмехнулся Лори. Он взглянул на экран планшетника и с ноткой недовольства изрек, – Это мой погребок. Не нравится мне такой расклад. Предчувствие нехорошее проснулось.

– А может, камеры действительно вышли из строя и передают только последний кадр? – предположил шериф.

– Смотрите сюда, – Вилли ткнул пальцем в правый нижний угол экрана, – Время записи идет, – он сменил камеру, – А тут муха в стекло бьется. Значит, камеры работают.

Лори горестно вздохнул:

– Я так полагаю, что бойцы твои добрались до моего премиального бурбона, и напоролись до потери пульса. За бурбон я пришлю тебе отдельный счет, – Лори очень выразительно посмотрел на Вилли.

– Начинаем осмотр погреба, – шериф пресек их милую беседу.

– Но связи с чипами по-прежнему нет, – посетовал Вилли.

– А они не могли перегореть от бурбона? – поинтересовался Питер.

– Нет, что ты! Да в конце-то концов, не все четыре сразу!

– Идем в погребок, – уже более решительно заявил шериф, – Опустим туда нашу машинку и осмотримся.

– Надо взять веревку и крюк, – Лори сунул шерифу моток капронового шпагата, – Сейчас я калибровки отрублю и крючок загну.

Ощетинившись стволами, команда вошла в дом. Там было тихо и разгромно. Так что определить следы присутствия крыс было невозможно, поскольку характерных продуктов жизнедеятельности на полу не наблюдалось.

Открыв люк погреба, Лори опустил туда машинку и взялся за пульт. Оголец пристроился рядом, держа свой необычный пистолет двумя руками и самодовольно улыбаясь: он чувствовал себя настоящим воином. Питер и шериф прикрывали их, непрерывно крутя головами и ожидая нападения каждую секунду.

– Вот твари! – начисто забыв о конспирации, возмутился Лори, – Двадцать пять лет выдержки! Лучший бурбон! Им что, других бочек мало?! Она же самая маленькая и в середине стоит! Как они узнали?! Твари!

– Они не могли... – начал было Вилли.

– Заткнись!!! – словно тигр рывкнул Лори, – Мне за эту бочку сто пятьдесят тысяч давали! Засранец! Еще слово скажешь, и я тебя пристрелю. Понял?

Вилли молча кивнул, ибо Лори был просто страшен в гневе.

– Есть одна тварь! – злорадно воскликнул он.

– Где?! – вздрогнул Вилли, – Покажи.

– Вот, смотри, глотку ей вырвали. А вон и вторая.

– Нет, как так?! – Вилли в мгновение ока скатился по лестнице в погреб.

– Стой, придурок! – окликнул его Лори, но тот лишь отмахнулся.

– Нет, нет, этого не может быть! – причитал он, как заправская плакальщица.

– По ходу дела они передрались по пьяной лавочке. Такое часто бывает. Слово за слово и пошла рукопашная, – довольно миролюбиво заметил Лори. – Остались две крысы. Я тоже, пожалуй, спущусь и осмотрюсь.

– Будь осторожен, – предупредил его шериф.

– Я уже спокоен и предельно осторожен. И вы не забывайте по сторонам смотреть.

– Смотрим, смотрим, – заверил Питер.

Крысиная оснастка с камерами и пистолетами была довольно аккуратно сложена квадратом, поэтому камеры и охватывали все четыре стены погребка. Одна тушка лежала у бочки с бурбоном. У нее была вырвана глотка, а на холке зияла круглая глубокая рана. Вторая крыса умерла под окном, а хвост третьей торчал из-под бочки с мускатом.

В крышке бурбонной бочки красовались три пулевых отверстия.

– Ну и гнида ты, Вилли, – качнул головой Лори. Но прежней злости у него уже не было, – Декоративные, говоришь, пистолеты?

Но Вилли его не слышал. Он был в состоянии близком к обмороку.

– Чипы, чипы, – шептал он, крутя в руках окровавленный кусок пластика, – Кто-то разбил все чипы.

Было решено держаться вместе и два Питера вместе с шерифом спустились в погреб.

– Питер, посмотри-ка, – Лори подвинул крысу на свет, – похоже на огнестрел.

Броди Старший присел у мертвого зверя, внимательно осмотрел рану.

– По всей видимости, Засранец Вилли забыл предупредить своих гвардейцев, что пистолеты у них игрушечные, они и перестреляли друг друга, – он вытянул из крысиной кобуры небольшой пистолетик, осмотрел его и покачал головой, – Все правильно: карманный пистолет «Джуниор Кольт». Разработан в Испании вскоре после Второй мировой войны, но продается от имени фирмы Кольт. Удобная вещь для маленьких диверсантов, – он внимательно посмотрел на про-

фессора, – Обманывая нас, ты играешь против себя. Следующий раз может оказаться последним.

– Да я... – начал было Вили.

Но Питер уже отвернулся от него, он вытянул третью крысу за хвост и уложил их в рядок.

– Я точно не знаю, где у крыс сердце, но этих трех пристрелили словно под копирку.

– Да, убийца знал свое дело, – согласился шериф.

Лори обратился к профессору:

– Что скажешь, ученый? Есть у тебя версии?

– Я думаю, это Сержант. У него были сложные отношения с подчиненными. Но у него не хватило бы ума уничтожить чипы.

– А почему он не взял оружие убитых товарищей?

– Оно ему ни к чему. Боюсь, он подался на базу.

– Какую базу?

– Ну, откуда мы пришли.

– А там у него пулемет спрятан? – полушутливо осведомился Лори.

– Хуже. Танк.

– Танк?! Ты что, шутишь? – все присутствующие устремили на Крайса изумленно-недоверчивые взгляды.

– Нет, – сам Вилли был немало озабочен и ему условно поверили. – Хоть легкий, но настоящий танк. С тремя пулеметами, очень мощной пушкой и лангерной броней.

– А лангерная броня, это как? – поинтересовался Броуди Старший.

– Это последние сверхсекретные разработки. Она практически неуязвима.

– Ты нас весьма порадовал, – изрек Питер и приподнял саблю, – Да-а-а, с шашкой на танк я еще не хаживал.

– Да мы на танки, вообще не хаживали, – добавил Лори. Он повернулся к Вилли, – А если чуть подробнее? В чем ее суть?

– Она состоит из трех силовых полей, словно из трех сеток. Одна – крупная, вторая – средняя, а третья – совсем мелкая. На молекулярном уровне. Любой снаряд, проходя сквозь поля, становится мягким, как спелая груша, и просто растекается по броне. Вот такой принцип, если в двух словах.

– Твои наработки?

– Нет. Тони Склетчера.

– Так он тоже никак не угомонится?

– Мы большие ученые, – без ложной скромности заявил Вилли, – И создавать чудеса наша работа.

– Если твоя крыса разнесет мой вигвам, я отрежу тебе голову, и даже шериф не сможет мне помешать, – заявил Лори.

Вилли весьма приуныл, поскольку старый знакомый был настроен весьма радикально.

– И что, совсем никак с этим танком нельзя разобраться?

– У танка есть один недостаток.

– Ну?

– Он пока не автономен.

– Подробнее.

– Он не может создавать силовые поля сам.

Они передаются с материнского генератора и радиус передачи ограничен.

– Сколько?

– Две мили.

– А где генератор?

– Этого я не знаю.

– Точно? – не поверил Питер.

– Точно. Танком занимался Тони. Думаю, где-то здесь, недалеко, – Вилли неопределенно помахал рукой.

– А где спрятан танк? Что-то мы его не заметили.

– В заброшенной штольне.

– Как раз туда заглянуть мы и не догадались, – Лори недовольно поморщился.

– Была бы моя воля, я бы всех умников в своем лесу перевешал. В мире проблем – без счета. А вы все куда-то лезете. Неужели нельзя заняться чем-нибудь полезным? Нет, только гадостями, – опять завелся Лори, – А я все понять хочу, как из пухлых розовых карапузов вырастают такие аморальные уроды, думающие только об убийствах?!

– Мы думаем о безопасности страны, – попытался оправдаться профессор.

– Я тебя умоляю! Кто на нас нападает? Лаос? Никарагуа? Берег Слоновой Кости? Страну надо защищать от таких уродов, как ты!

– Обожди с речами, – вмешался Питер, – А пятого бойца, того, что пошел без оружия, ты тоже не можешь проследить?

– У него нет чипа.

– Почему?

– Это диверсионный вариант. Чтобы враг не мог его обнаружить и остановить.

– Просто – здорово. И за что я так люблю профессоров? За то, что каждая последующая гадость у них веселее предыдущей, – сокрушенно вздохнул Питер, – Прав был полковник.

– Какой полковник? – не понял Лори.

– Уже неважно. Просто его раптор сожрал. Вилли, чует мое сердце, и тебя твои крысы сожрут, как доктора...

– А как же им управлять?

– Словами. У него самый высокий интеллект, сопоставимый с уровнем десятилетнего ребенка. И он постоянно растет.

– Ты можешь позвать его?

– Могу. Но он не выйдет. Он боится вас. Он боится чужих людей и людей с оружием. Осторожность и скрытность его жизненные приоритеты.

– Значит, пока мы с оружием и держимся кучкой, он на нас нападать не будет?

– Не будет. Поскольку прямой установки не было. Он будет просто наблюдать.

– Выбираемся наверх. Сидеть здесь нет смысла, – предложил Питер.

– Подожди. Этих бойцов убрать надо. Где-то здесь у меня рукавицы были.

Лори разыскал рукавицы и через окно переместил трупы крыс во двор.

– Тяжелые, заразы, – кривился он.

– Двенадцать килограмм.

– Тяжелее фокстерьера будут.

– Мне нужно доставить их в лабораторию, произвести вскрытие, сделать анализ крови и установить причину смерти.

Они выбрались из погребца, и Лори в удивлении уставился на старого знакомого.

– Какая лаборатория? Через пять минут Сержант на танке придет! Нам надо думать, как его остановить!

– Это не обязательно, – возразил Вилли.

– Что, не обязательно? – осведомился в свою очередь Лори.

– Что он придет. Он мог просто убежать в лес.

– Тоже вариант, – согласился Питер. Такой расклад ему нравился больше, – Так что ты предлагаешь?

– Вернуться на базу, и если он еще не захватил танк, нейтрализовать его.

– А это возможно? – с нескрываемой надеждой спросил Лори.

– Довольно просто. Надо только изменить пароль доступа.

– Сержант его знает?

– Да. Он единственный из отряда специально обученный вождению танка. Но он не сможет взломать пароль, если я его поменяю.

– Тогда стоит рискнуть, – согласился Лори.

– Я пойду первым. Вдруг мне удастся его зацепить. Да и стрелять в меня он побоится.

– А это почему?

– Каждый вечер я даю им согласующие таблетки. И он об этом помнит. Его жизнь целиком и полностью зависит от меня.

– А он не может в знак протеста устроить самоубийство, путем лишения тебя жизни?

– Давайте не будем о самом плохом, – возразил Вилли, – Я не думаю, что он настолько принципиален.

– Ага, не будем. Трех товарищей он пристрелил. Это уже хорошо, – завелся было Лори.

Вилли сморщился, по всей видимости, ему хотелось ответить весьма резко, или заехать доставале в нос. Но он не мог, поскольку перевес был не в его пользу.

Питер положил руку на плечо друга:

– Успокойся, дружище.

– Этому Вилли башку надо открутить помимо резьбы. Прежде чем браться за дело, надо хоть какие-то справки навести, – он догнал Вилли, – Хочешь, я скажу, почему твои крысы взбесились?

– Ну? – без особого энтузиазма буркнул тот.

– Здесь аномальная зона. Телефон здесь не ловит, рация не ловит, компас крутится, как бешенный, и даже машины глохнут на ровном месте. И шахту бросили по этой же причине. А эта избушка, где ты поселился, вовсе и не метеостанция, а лаборатория по изучению этой самой аномальной зоны.

– Но компьютеры у меня же работают.

– Внутри работают. Просто там тройной экран стоит.

Словно в подтверждение экран планшета в руках Вилли вдруг покрылся рябью.

– Электроника здесь совершенно бесполезная вещь.

Вилли вдруг остановился и внимательно посмотрел на Лори:

– А ты не боишься? – спросил он просто, по-свойски.

– Чего? – удивился Лори.

– Жить здесь не боишься? – уточнил профессор.

– Нет. Уже привык. К тому же аномалия из лощины не выходит. Рамки соблюдает строго. Все чудеса за забором остаются. А у меня в доме: тишь и благодать. Да и следить кто-то должен, чтобы всякие дуралеи не лазили, – Лори вздохнул почти примирительно, – А вот тебя я провононил.

Когда они вышли из западных ворот и свернули на дорожку, ведущую к метеостанции, из слухового окна ударила автоматная очередь. По счастью все успели брякнуться за высокий бордюр, отделяющий клумбу от дороги.

– Это «МикроУзи», – отметил шериф.

– По ходу дела он вскрыл твою машину и перетащил весь арсенал на чердак. Скажи, Вилли, на этот раз честно: ты все-таки обучал своих подопечных владению огнестрельным оружием?

– Боюсь, это излишне. Все боевые навыки перешли к ним от унисолов.

– И это нас радует, – кивнул Лори, – А сколько оружия за раз может дотащить твой гвардеец?

– Практически свой вес.

– На каждого из нас по три сотни патронов, – без особого оптимизма отметил Питер, – с чем вас и поздравляю.

– Не факт, – возразил Лори, – он мог и три раза сбегать. Времени было предостаточно.

– Уходим через лес к машине и едем в город. А здесь пусть разбираются ребята из ФБР и морские котики.

– Котики?! – праведно возмутилось Лори, – Они от моего дома камня на камне не оставят, – он повернулся к Питеру, – Что скажешь, брат?

– Я думаю, нам надо уходить. С нами мальчик и рисковать нельзя.

Лори с минуту подумал:

– Хорошо, командир. Ползем к лесу.

– А скажи-ка, дружище, и давно ты увлекся цветами? – поинтересовался Питер, разглядывая настурции.

– Это миссис Лара, – улыбнулся Лемур.

– О-о-о, надо же! А почему я ничего не знаю?

– Я только хотел вас познакомить, но Вилли спутал все карты.

Густые кусты прикрывали их на всем пути отступления. Это можно было отнести к положительному фактору, но они не слышали стрельбы, потому не знали где противник. С человеком было бы намного проще. А что замышляет крыс предугадать сложно, и это не нравилось никому. Лишь Малыш Гамми был спокоен и даже беспечен.

Лемур провел свой отряд по лощине еле приметной тропкой и вывел на дорогу в пятидесяти ярдах от машины шерифа. Здесь их ждал большой сюрприз: все четыре колеса были спущены, покрышки прогрызены, да и на запаске была выедена такая дыра, что свободно проходил кулак. Подозрение их оправдалось: из багажника пропали два автомата «МикроУзи» и четыре магазина по сорок пять патронов в каждом.

– Он сможет зарядить магазин? – поинтересовался Лори.

– Разумеется, – подтвердил его опасения профессор.

Шериф все-таки попытался завести машину, но у него ничего не получилось. Открыв капот, он, поправив правила должностного этикета, смачно выругался: все провода и шланги были многократно порезаны. Машина превратилась в бесполезную кучу металла. Не больше.

Лори, наблюдавший за домом в бинокль, с ноткой тревоги в голосе обратился к друзьям:

– Ребята, он нас заметил. Быстрее уходим в лес.

Тут же, в подтверждение его слов, послышались выстрелы, и с соседнего дерева упало несколько перебитых пулями веток.

– За что я люблю автомат «Узи», – отметил шериф, – За меткость и дальность.

– Он всего на два ярда промахнулся, – заметил Вилли.

– Есть какие-нибудь соображения?

– Соображения есть, да народу нас маловато, – отозвался Лори, он на несколько секунд задумался, наморщил лоб, – хотя попытаться стоит. Если мне не изменяет память: крысы очень чувствительны к ультразвуку, не так ли, Вилли?

– Так.

– Надеюсь, твой Сержант попадает под эту категорию?

– По природе своей он все же грызун.

– Вот и прекрасно. Ребята, пополняйте боекомплект, он вам пригодится.

– Говори, говори, что ты задумал, не тяни, – волновался Питер.

– Мы устроим две засады. От родника простреливаются северная и западная стороны дома. От насосной станции – северная и восточная. Я же проберусь в ангар и запущу нашу шаровую установку. Поскольку источник ультразвука будет на юге, то Сержант пойдет на север. Тут вы его и встретите.

– Так в твоей установке есть генератор высокой частоты? – удивился Питер.

– Низкой. Двадцать пять килогерц – это низкая частота. Для нашего уха она за пределом досягаемости, а вот звери ее не переносят.

– Мы забыли про пятого зверя, – напомнил шериф, – Пока мы будем сидеть в засаде, он может напасть на нас сзади.

– В насосной глухие бетонные стены, бетонные перекрытия, железная дверь и одно маленькое окно. По сути – это дот. Позиция у родника так же хорошо просматривается из насосной. К тому же пятая крыса не вооружена.

– Так же два автомата пропали! – напомнил Питер.

– И если они заодно? – подлил масла шериф.

– Мало вероятно, – слово взял Вилли, – Крысы очень живучи от природы. А мои солдаты обладают фантастической регенерацией. К тому же сердце у них находится в другом месте. Более того, у каждой крысы – индивидуально. Сержант об этом не знал. Он думал, что убил своих подчиненных. Я думаю, в припадке гнева за неподчинение.

– За свой бурбон я бы их тоже пристрелил, – вмешался Лори. Вилли стоически перенес это замечание.

– Но он их только ранил. Через три часа они бы встали и побежали дальше. Пятый же не стал рисковать и поступил наверняка: он выгрыз им глотки, чуть ли не всю шею. Они умерли от потери крови. Он же уничтожил чипы. Зачем? Я не понимаю, но у меня создается впечатление, что он играет против меня.

– Я тебя уже предупреждал, Вилли, все рукотворные монстры съедают своих создателей.

– Но почему он не откусил голову Сержанту? – задал резонный вопрос шериф.

– Он не ведет активных боевых действий. Я вас предупреждал, но вы уже забыли, и поэтому полагаю, что он пришел в погреб, когда Сержанта там уже не было, и добил раненных. Зачем? Почему? Не понимаю.

– Спешу тебя утешить, мы тоже ничего не понимаем. Если твои солдаты пошли просто в разведку, то с какого перепугу, он по нам палит? И по тебе – тоже.

– Здесь, пожалуй, проще. Как раз с перепугу он и палит. Он потерял солдат и запаниковал.

– Так он же сам их пристрелил! – возмутился шериф.

– Он их только ранил, и чипы были целы.

– Стало быть, твои солдаты чувят друг друга?

– Да, четыре крысы – одна боевая единица. Их чипы, по сути, одно целое. Восемь глаз, восемь ушей, четыре носа. Вся информация стекается в общий центр. Если их рассадить по разным комнатам, то каждый из них будет знать столько же о других комнатах, сколько о своей. Понимаете, как это удобно, выгодно, при военных операциях?

– По ходу дела, ты действительно ни о чем, кроме войны, думать не можешь, – с досадой покачал головой Питер.

Вилли пропустил это замечание мимо ушей, он был слишком увлечен любимой темой.

– Даже если солдаты ранены, но чипы целы – система работает. Теперь же Сержант чувствует себя непривычно, неуютно, неуверенно и намного слабее, чем прежде. Скорее всего, поэтому он и запаниковал, решив, что это мы убили его солдат.

– Хорош гусь, – усмехнулся Лори, – всадил пулю в товарища, и кто-то ему виноват.

– Новая обстановка, новая ситуация, здесь любой запаникует.

– А силового рубильника нет? Нажал кнопку, и все, свет погас, и парень твой уснул крепким сном?

– Нет, такого не предусмотрено.

– Балбес ты, Вилли. Техника безопасности – прежде всего, – уже не в первый раз повторился Лори.

– А пятый, тот, что длинноногий с лохматым хвостом, он, что, не в команде? Про него ты мало сказал. Этот зверь вдвое крупнее твоих крыс. Он что – сам по себе?

– Да. У него иная система, иная организация. Многие прогрессивные военные начальники начинают понимать, что компьютерные технологии слишком уязвимы. Любой продвинутый школьник в состоянии подломить сервер Пентагона, что уж говорить о спецах? Все ворует, все прослушивается, просматривается. Любой скачок напряжения ведет к сбою, а уж про вирусные программы и говорить нечего. Нужна абсолютно автономная боевая единица, независимая от электричества, подвоза солянки и боеприпасов.

– Прекрасно, – кивнул в знак одобрения Питер, – питекантроп Хома с дубиной.

– Совершенно верно. Ему не нужна походная кухня. Он ест все, что попадется под руку: корешки, вершки, змей, ящериц, лягушек, как медведь. Он отыщет вражеский штаб, перегрызет силовую кабель и во тьме переколет черепушки всем недовольным.

– Ты очень нас порадовал Вилли, Скажи, только честно, твой крыс уже готов раскрыть нам черепушки?

– Ты уже повторяешься, Питер. Мой крыс на первой ступени обучения: разведка и маскировка. Другими навыками он пока не обладает.

– Откусить товарищу голову, это, по-вашему, не навыки? – праведно возмутился шериф.

– А он у тебя не ядовит? Вот так, чтобы цапнул коготком, и все, и труп. Видел я такое в одном фильме, – не обосновательно заинтересовался Питер.

– Это все бред! Выдумки сценаристов, – живо возразил профессор.

– Я бы очень хотел верить. Вот только слишком часто мне эти выдумки сценаристов попадают последнее время в реальной жизни.

– Давайте обсудим этот вопрос потом, в более спокойной обстановке, – вмешался шериф, желая погасить назревающую ссору.

– Пятый жил при мне, как комнатная собачка, и всегда ходил за мной по пятам. Он привязчив и доброжелателен.

– Господа, мне кажется, мы немного заболтались, – шериф постарался вернуть спутников к реальным событиям, – Лори посмотри, как там наш агрессор.

– Я его вижу. Он держит нас на мушке. Придется уходить по канаве.

– Сейчас я его шугану за наглость, – шериф приподнял свой автомат и перевел рычажок в режим одиночной стрельбы.

Глава 9

ЦИРК ПРИЕХАЛ

– Дядя Джон, смотри, там машина, – Оголец дернул шерифа за рукав.

– Где? – недовольно буркнул шериф, так и не успев прицелиться.

– За теми кустами. Сейчас она выйдет. Вот.

И действительно, на дороге показался желтый цирковой фургончик с веселым клоуном на борту.

– А это что еще за клоуны?! – удивился Лори, и поднес бинокль к глазам, – Мать вашу, действительно клоуны! Бежим, ребята, быстрее. За мной.

– Да ты можешь толком сказать? – возмутился Питер.

– Унисолы вернулись. Нам надо в ангар, как можно быстрее. Иначе они нас всех перестреляют.

Пригибаясь, они побежали по канаве. Фургончик остановился у поворота. В тридцати ярдах от ворот. Унисолы осматривались, оценивая обстановку и возможных противников. Во дворе было тихо, безлюдно. Солдатам это не понравилось. Они чувствовали, что за ними кто-то наблюдает. Пристально наблюдает.

Отряд Генриха Птицелова пошел в обход кордона. Временами Лори выглядывал из канавы, чтобы оценить обстановку. Вскоре они зашли за дом и потеряли из вида клоунский фургончик. Эти минуты были самые тревожные. Всегда тяжело, когда не видишь противника, а воображение рисует самые печальные моменты грядущей перспективы. Единственное, что утешало: они оставили шерифский джип за поворотом и гости не могли его видеть.

Через десять минут опасного перехода команда Лори залегла на опушке леса всего в тридцати ярдах от ангара с излучателем. С этой позиции хорошо просматривался весь двор. А во дворе всю команду командовали унисолы. И Лори это очень не нравилось. Они загнали фургон во двор и развернули его носом к западным воротам. На крыше сидел дозорный и внимательно наблюдал за дорогой и домом, а четверо других самым тщательным образом прочесывали надворные постройки. Совсем скоро они доберутся до ангара, и еще неизвестно чем все это кончится. А вдруг, они сообразят, для чего эта установка? Лори тешил себя мыслью, что все-таки не сообразят. Не та у них техническая база. Вот с танком они бы совладали, или, даже с вертолетом, а тут – высшая электроника.

– Послушай, Вилли, а у них есть встроенный тепловизоры? – Лори никак не мог вспомнить такую тонкость устройства универсального воина.

– Нет, тепловизоры монтировались на шлемах.

– Уже легче.

– А зачем тебе тепловизоры? – не понял беспокорства друга Бруды Старший.

– Боюсь, как бы они не засекли нас в кустах.

– Так чего делать будем? Отсиживаться? – поинтересовался шериф у товарищей.

– А ты что предлагаешь?

– У нас целый арсенал, а они – безоружны. Мы перестреляем их в два счета.

Унисолы, действительно, были без винтовок.

Лори пристально посмотрел на представителя закона.

– Это вам не фазаны, пасущиеся на лужайке. Это рукотворные монстры. Если у них нет винтовок, это еще не значит, что они безоружны и беззащитны. Наверняка у них есть гранаты, пи-

столеты, ножи. При первом же выстреле они разбегутся, залягут и начнут активные действия по нашему истреблению. Так что стреляем только в самом крайнем случае.

– Так полагаешь? Они здесь три дня будут шарить.

– С часок можно обождать.

– А потом?

– Уходим лесом на лодочную станцию. Там есть связь, – предложил Питер.

– Так чего ждать? – не понял шериф.

– Сержант еще своего слова не сказал, – пояснил Лори.

– Боевые крысы, искусственные люди... с ума сойти, – сокрушенно вздохнул шериф.

– Вот и я о том же, Джон, – Питер положил руку на плечо зятя, – Успокойся, сейчас нам нельзя терять самообладание.

– Ладно, – согласился шериф, – подождем Сержанта. Но не больше часа.

– Не больше, – подтвердил Питер, – На озеро нам надо попасть засветло.

Но так долго им ждать не пришлось. Из слухового окна полетели пули, защелкали по крыше фургончика и зацепили дозорного. Он тут же скатился на землю. На спине его быстро пошли в рост три бурых пятна. Четверо солдат выскочили из подсобок и бросились к дому.

– Сейчас эти сукины дети тебе весь билдинг разнесут, – скривился Питер.

– Наоборот! Это удача! – Лори схватил его за рукав, – В ангар! Бегом! Бери мальчишку и в ангар! Бегом!

– Так ты хочешь?!...

– Да! Это наш золотой шанс! Они не успокоятся, пока не найдут того, кто стрелял. А найти крысу в таком огромном доме... Ай, да Сержант! Ай, да молодец! Не подвел. Им сейчас не до нас. Прячь Огольца в капсулу, запускай установку.

– А ты?

– А я спрячу шерифа и Вилли, – он повернулся к означенным господам. – Так, ребятки, кто хочет жить – за мной. Не мешкая и без глупых вопросов.

Отряд разделился. Свое подразделение Лори повел к топливному складу. Там в землю были зарыты три цистерны под солярку, но одна из них пустовала. Лори откинул массивную крышку, опустил внутрь валяющуюся тут же длинную дюймовую трубу и кинул туда же два деревянных ящика.

– Сигайте, ребята, вниз.

– Что делать? – не понял шериф.

– Лезь в бочку, – повторил Лемур, – быстрее, времени нет.

– Зачем?

– Через пять минут твои мозги вытекут через нос наружу. А ты мне больше живым нравишься,

– он повернулся к Вилли, – это и тебя касается, умник.

– Мы же там задохнемся, – возмутился Вилли.

– Не задохнетесь. Вот две трубы: одна – на вдох, другая – на выдох. Быстрее, ребята, время работает против нас.

Шериф, перевесив автомат за спину, и взявшись за трубу, ловко съехал вглубь цистерны. Вилли последовал за ним.

– Трубу примите. На всякий случай. Люк я прикрою, а вы сидите тихо и не вздумайте ругаться. Если через час за вами не приду, выбирайтесь и действуйте по обстановке.

Шериф достал из нагрудного кармана фонарик, посветил по сторонам и только тут понял, для чего Лори бросил ящики.

Дымок и Оголец тем временем тоже не зевали. Подключили дополнительную батарею конденсаторов. Вот только раненный унисол их приметил. Питер Броуди старший подумал, что это их друг Лори так быстро со своими делами управился. Дверь кунга распахнулась и они, обернувшись, увидели свирепую морду унисола. Как ни странно, но первым среагировал Оголец, опередив деда. Из травматического пистолета он зарядил резиновую пулю прямо в лоб непрошенному гостю. Унисола отбросило спиной на верстак. Тут уж Питер Старший не мешкал: выпрыгнул следом и разрядил о противника особо емкий самодельный электрошокер.

– В капсулу, быстро! – крикнул он внуку, подхватил обмякшего солдата и поволок на улицу. У ворот он столкнулся с Лори.

– Ты вовремя. Помогай.

Они оттащили солдата к яблоне, обхватили его руками ствол и застегнули на запястьях наручники, которые Лори незаметно прихватил в джипе шерифа, больно уж они емуглянулись: черные, матовые, не такие, как обычно.

В это самое время на чердаке взорвалась граната.

Друзья переглянулись:

– Ты случайно не помнишь: в джипе были гранаты?

– Нет. Я бы непременно прихватил пяток.

– Не угадал шериф: не такие уж они безоружные.

– Нам надо поспешать.

– Ага.

Они вернулись в ангар за излучателем и вынесли его во двор, как можно ближе к дому, насколько хватило кабеля.

– Ставь за вишню, чтобы в глаза не бросался.

– Ага.

Лори облегченно вздохнул: вроде, успевают.

– Отрывай пошире ворота ангара, а я гостей свистну.

Питер вопросительно взглянул на друга: мол, ворота для чего?

– Чтобы обзор для камеры пошире был, – пояснил Лори.

– Понял, – кивнул Дымок и поспешил исполнять приказание.

А Лори шамальнул в небо, и когда в окошке показалась морда унисола, помахал ему рукой:

– Эй, парень, ты не меня ищешь? – и со всех ног припустился к ангару. Ворота были уже открыты, Питер был в кунге и наблюдал за другом через камеру.

– Ставь на пять! – крикнул Лори, влетая в салон и закрывая дверь на все засовы.

– Есть пять!

– Жми!

– Есть!

– В капсулу!

– Есть!

Питер бросился к капсуле, а Лори, напротив, к пульту, и до упора вдавил кнопку «Форсаж». Краем глаза он успел заметить бегущих к ангару унисолов. Все, дальше тянуть нельзя. Едва он захлопнул люк капсулы, машину тряхнуло, а потом, все вокруг охватила мелкая дрожь. Это сработал форсаж. Через десять секунд стало тихо.

Лори выскочил наружу, хлопнул по крышкам

– За работу, ребята, некогда спать!

Пока пара Броуди покидали капсулы, Лемур успел глянуть на экран камеры.

– Порядок, – радостно возвестил он, – Готовы, голубки. Теперь нам надо покидать их в бочку, пока не проснулись.

Лори схватил одного унисола, который был поближе, за ноги и поволок к топливному складу. Два Питера взялись за второго.

Распахнув крышку люка, Лори обратился к шерифу и Вилли:

– Как вы там, ребята? Не уснули?

– Неудобно здесь спать. А у вас как там? Что за стрельба? Что за взрывы?

– Все нормально. Обычное звуковое оформление. Выбирайтесь поскорее. Нам нужна ваша помощь.

Тренированный шериф быстренько взобрался по трубе и, наткнувшись взглядом на унисолов, поинтересовался:

– А что с ними?

– Мы дали им снотворного. Но они скоро проснутся. Надо торопиться. Там во дворе, еще двое. Тащи одного сюда, а мы этих пока определим. Ну не в винный же погреб их запирайте. Посидят немного в холодке, пока мы за подкреплением сбегает.

– Да, – согласился шериф, – камера надежная.

Генрих Птицелов в нетерпении заглянул в цистерну, оттуда доносилось сосредоточенное пыхтение.

– Вилли, ты скоро?

– У меня не получается, – долетел снизу расстроенный голос.

– Тогда отойди в сторонку, – Лори посмотрел на Питера, и тот все понял. Дан подхватил ноги унисола и направил их в горловину люка, Броуди чуть приподнял плечи, и безвольная туша съехала по наклонной трубе, мягко шмякнувшись о железное днище.

– Вы чего делаете?! – возмутился Вилли, – Вы совсем охерели?!

– Малыш, в ангаре, на стене, должна быть веревка, сбегай быстренько, а мы пока второго определим.

– Есть!

Малыш Гамми пулей слетал в ангар, а старые друзья слили в цистерну второго солдата.

– Вы чего, хотите, чтобы они меня тут съели?! – верещал Вилли.

– Не кричи так громко, профессор, а то они на самом деле проснутся. Вот тебе веревка, обвяжись быстренько, и мы тебя вытащим.

Лори вытянул трубу, положил ее поперек люка, чтобы веревка лучше скользила. Тут и шериф с третьим солдатом подоспел.

– Помогай, Джон, – попросил его Питер, – бегемот попался душевный.

Втроем они быстро вытащили бедолагу профессора из цистерны, и довольно бесцеремонно скинули туда еще двух унисолов.

– А с раненым что делать? – осведомился у товарищей Джон, – Похоже, у него кость на правой руке задета.

– Он нам чуть всю операцию не сорвал.

– Надо, наверное, шину ему наложить, – не унимался шериф.

Питер и Лори переглянулись и синхронно вздохнули.

– Раз надо, то наложим, – согласился Лори, – Пойду на кухню за бинтом. А вы держите ухо востро: пора бы ему проснуться.

Но унисол просыпаться не хотел. Ему наложили шину и бережно опустили в импровизированную камеру при помощи веревки.

После чего Лори закрыл люк и покрепче затянул барашек.

– Порядочек.

– Теперь нам надо поторопиться на озеро и сообщить в соответствующие инстанции об инциденте, – шериф никогда не забывал о своих прямых обязанностях.

– Подожди, – осадил его Питер, – У тебя там полная машина оружия. Так среди леса и бросишь? Надо его куда-нибудь определить.

– Да-а-а, – поморщился Джон, – про оружие я и забыл.

– Думаю, в моей кладовочке ему самое место. А то зачастили ко мне незваные гости. Я что-то опасаться за свою жизнь стал.

– Это неучтенное оружие, – весьма серьезно сообщил ему шериф.

– Да мне без разницы, главное, чтобы стреляло, – улыбнулся Лемур.

– Вам лучше приобрести официальное оружие, – Джон вдруг перешел на служебный тон.

– Шериф, он и в Африке – шериф, – усмехнулся Питер, – Пошлите, не будем терять время.

– Было у меня и официальное, и я вам об этом уже говорил, но эти говнюки умыкнули его вместе с джипом твоего тестя. Должна же мне быть какая-то компенсация?

– Найдем ваш карабин, не переживайте.

– Ну, ну, – неопределенно буркнул Лори.

– А Сержант? Мы совсем про него забыли, – вдруг встрепенулся шериф, – Непростительная оплошность.

– После выстрела нашей установки, – успокоил его Лори, – он должен обнулиться и забыть маму родную и нас с вами. А еще у меня есть версия, что он при первой же угрозе унисолов сделал ноги и, скорее всего, уже на станции, потрошит мешки с собачьим кормом. Но по сторонам, конечно, смотреть стоит.

За три рейса они перенесли все оружие в кладовочку под лестницей. Дверь там была довольно крепкая, да и замок внушительный. Но самое главное, что шкаф был с двойным дном. Можно, конечно, и в бункер опустить, но Лори решил не трамвировать ранимую душу шерифа и не выдавать ему своего сверхсекретного убежища.

Когда управились, Лори обратился к товарищам:

– Подождите меня на той скамеечке, под липой, а я за документами сбегаю.

Питер, Джон и Вилли уселись на скамейку в тени раскидистой, вековой липы, а мальчик пошел к яблоне и там увидел золотое яблоко.

Глава 10

И СНОВА ГОСТИ

Малыш Гамми увидел солнечное яблоко. Оно не было красным, как другие, висевшие на верхушке дерева. Оно было спрятано внутри кроны и поэтому, наверное, не загорело. К такому умозаклучению пришел Питер Броуди Младший, невольно залюбовавшись впервые увиденным чудом. Солнце уже садилось, и пологие лучи его, найдя брешь в густой листве, осветили яблоко. Нет, скорее это был круглый сосуд, наполненный желтоватым, чуть мутноватым нектаром, рассеи-

вающим нежный теплый свет во все стороны. Да, оно светилось изнутри, так показалось Питеру, и лишь маленькие зернышки темнели в самой середине, до того четко обрисованные, что их можно было пересчитать. Нет, пройти мимо такого чуда было нельзя. Просто невозможно. Осторожно, стараясь не раскачивать ветки, чтобы, не дай Бог, перезревшее яблоко не упало, он взобрался на дерево. Рука осторожно потянулось за удивительным плодом, но тут он почувствовал затылком чей-то взгляд. Совсем рядом кто-то был. Питер посмотрел направо и окаменел от удивления. Совсем рядом в развилке сучьев сидела огромная буровато-белесая, (цвет сравнить!) словно присыпанная мукой, крыса. Обвив ствол яблони длинным мохнатым хвостом, она ела яблоко, совсем как человек, держа его в правой лапе. На сгибе локтя левой лежали еще три плода. Заметив, что Питер на нее смотрит, она переправила надкусанное яблоко в левую лапу, правой взяла из своих припасов то, что покрупнее, и протянуло мальчику.

Обычно, когда говорят: «огромная крыса», то добавляют: «величиной с кошку». Эта же была не то, что с фокстерьера, а с доброго лабрадора. Она совершенно спокойно отнеслась к появлению Питера, не проявляя ни испуга, ни агрессии, а просто протянула ему яблоко, как старому приятелю. Но мальчик не был готов к дружбе со столь необычным зверем. Инстинктивно он отпрянул, сзади же опоры не оказалось, и он полетел вниз, преобольно ударившись левым боком о нижний сук, и тем же локтем – о землю. От боли в глазах вспыхнул фейерверк, как это бывает при ударе электрической косточкой, потом на несколько мгновений стало совершенно темно. Питер скривился от боли, пытаясь сдержать слезы, вздохнул поглубже, как его учил дед, открыл глаза и не поверил им, поскольку перед ним стоял, нет, не огромный крыс, этот зверь был еще больше и страшнее. Перед ним стоял доисторический ящер. И он внимательно присматривался к Питеру, забавно наклоняя голову то вправо, то влево, потом вытянул шею и призывно заверещал. Тотчас из леса ему ответили еще три таких же противных голоса. Решительным шагом монстр направился к мальчику, беспомощно распластавшемуся на земле. И неизвестно чем бы закончилось дело, но тут на шею ящера с дерева упала крыса и вонзила ему в глаза острые загнутые когти. Хищник истошно взревел, закрутился на месте, замотал головой, пытаясь сбросить врага. Но он спрыгнул сам. В два прыжка оказался возле мальчика, схватил его зубами за ворот рубашки и, пятясь, потащил к широкой проточной трубе. И как нельзя кстати: от леса, непрестанно вереща, уже бежали два ящера. Тут же от дома послышались выстрелы, это спохватились взрослые дяди, напуганные появлением динозавров не меньше

Броуди Младшего. Один из ящеров устремился к трубе, просунул в нее голову, шею, но дальше протиснуться не смог. Оттащив мальчика примерно до середины трубы, чтобы не достали ни с одной стороны, крыс отпустил его и быстро скрылся в густом малиннике. Взрослым бойцам было не до него: надо было избавиться от новой и более страшной напасти.

Как только уложили динозавров, Питер старший бросился к трубе.

– Пит, мой мальчик, ю окей?

– Да, дедушка.

– Тогда выбирайся.

– А динозавры?

– Их уже нет. Выбирайся быстрее, пока другие не прибежали.

– Здесь очень тесно и у меня быстро не получится.

– Выбирайся, как можешь, но поторапливайся.

Малыш Гамми принялся извиваться, как червяк, помогая себе локтями, хотя левым и не очень получалось. Два ярда тесной трубы он одолел меньше чем за четыре минуты. У самого края шериф прихватил его за шиворот и вытащил наружу.

– Руки, ноги целы? – дедушка принялся ощупывать внука.

– Целы, только локоть сильно болит. Я увидел золотое яблоко, подумал, что это приз и захотел сорвать. Залез на дерево, а там Сплинтер сидит. Только хвост у него почему-то лохматый, не как у обычных крыс. Он протянул мне яблоко, другое, красное, но я все-таки испугался немного и упал, а тут... этот... динозавр. Он, наверное, хотел меня сожрать, но Сплинтер за меня заступился.

– Какой еще Сплинтер? – удивился дедушка.

– Ну, тот, что черепашек-ниндзя тренирует. Он у них за главного.

– Нам только еще ниндзей и не хватает, – сокрушенно вздохнул шериф.

А Лори тем временем склонился над головой первого монстра и внимательно рассматривал его изуродованные глазницы.

– Много чего мы еще не знаем, – в заключение глубокомысленно изрек он, посмотрел в сторону леса и вздрогнул, – Ребята, быстрее! Воздушная атака! Быстрее в дом!

Шериф оглянулся в сторону лощины: на бредущем полете оттуда приближались не то восемь, не то десять большекрылых летунов. Но это еще не все, по земле бежала небольшая стайка бегунов. Так шериф окрестил их про себя, поскольку не был силен в мудреных названиях ну очень давно вымерших тварей. Он знал только одно слово – динозавр. На быстрый взгляд стайка была небольшая – всего дюжина особей, не больше. Да, вот только если это дюжина овец, то совсем не

страшно, а если столько же голодных монстров, то это – ужас!

– Мать вашу! – прошептал шериф, чувствуя, как ладони покрываются липким потом, – Мы так не договаривались.

А еще он увидел... но понял это уже потом... В какое-то мгновение Джону показалось, что над ложиной повесили огромное полотнище киноэкрана, и оно под ветром колышется, то выгибается тугим парусом, то безвольно опадает, то уходит на один бок. И на это полотнище какие-то, не совсем законопослушные затейники, проецируют фильм «Миллион лет до нашей эры». Да, шериф довольно четко рассмотрел абрис близлежащих холмов и ближайшие деревья, более похожие своим профилем на пальмы, и они показались ему слишком чужеродными, никак не гармонирующими с округлыми пригорками и милыми дубравами владений Лори Дана. Шериф был законченным реалистом, но тут в его голову пришла совершенно фантастическая мысль: «Именно так и выглядит искажение пространства».

– Джон, ты что, уснул? Давай быстрее! Они с тыла заходят! Бегом, Джон! – тревожный крик Питера оторвал его от вопроса временных и пространственных тайн. Он быстро оглянулся: сердце тревожно забилось: из-за правого угла здания высыпала, как есть, пол дюжины бегунов. Шериф вскинул автомат но тут шестое чувство подсказало ему кинуть взгляд на противоположный фланг. Ящеров там было ничуть не меньше, и они стремительно приближались. Отстреливаться было бессмысленно, он элементарно не успеет угостить каждого нападающего маслиной. А тут еще из дома слышалась частая беспорядочная стрельба. Более не раздумывая, Джон побежал к друзьям. Оказывается, несколько бегунов ворвались на кухню через садовую дверь, и теперь команда Лори Дана отстреливалась из всех стволов.

– Джон, быстрее, отходим на второй этаж. Нам здесь не удержаться.

И словно в подтверждение его слов в соседней комнате что-то упало, слышался грозный рык и сильный удар в дверь.

– Быстрее, мы только тебя ждали, – прокричал Питер, непрерывно отстреливаясь от нападающих бегунов, – Ну надо же какие упорные попались!

Когда поднялись на второй этаж, Лори быстро оглядел свою команду:

– Все здесь?

– Все, – ответил его главный помощник Питер.

Лори распахнул двухстворчатый шкаф, щелкнул рубильником и нажал зеленую кнопку. Тут же все почувствовали, что пол под ногами задрожал, и толстая металлическая плита поползла из

боковой стены, закрывая лестничный проход и наглухо разделяя этажи. А незваные гости тоже не дремали: до полного закрытия оставалось не больше восьми дюймов, как страшное рыло просунулось в щель и грозно рыкнуло. Но тут же ему пришлось убраться, иначе неумолимая сталь расплющила бы эту милую мордашку.

– Питер, бери мальчика и Вилли, и зайдите в кабинете, а мы с шерифом закроем лестницу в левом крыле. Надо поторопиться, пока они не прочухали.

По люку снизу заскребли, послышалось сердитое ворчание.

– Нет, парень, сюда ты не прорвешься, – ответил ему Лори и заспешил в левое крыло.

Вот тут шерифу пришлось поработать: бегуны плотной толпой поднимались по лестнице. Трех Джон пристрелил, остальные на время отступили, постоянно оглядываясь и злобно рыкая, словно угрожая скорой расправой. Когда люк наконец-то закрылся, Лори сполз по стеночке прямо на пол, вытер рукавом вспотевший лоб:

– Вовремя мы подросли. Еще бы минута, и они завалились бы к нам в гости.

– Сколько же их там? – тихо, словно боясь, что ящеры услышат, спросил Джон.

– В те времена перепись населения еще не велась, но я думаю – много, – тут же ответил Лори, – но главное, что бы на нашем этаже ни одного не было. Пойдем, пройдемся по кабинетам.

Лори стучал в каждую дверь и тут же прикладывал ухо. Выждав с минуту, резко распахивал дверь, а Джон, с автоматом наизготовку осторожно заглядывал внутрь. Им несказанно повезло – второй этаж был чист: ни одного незваного гостя.

На условный стук Питер открыл дверь и встретил их закономерным вопросом:

– Ну как у вас?

– Второй этаж чист. Это уже хорошо.

– Нам надо постараться удержать эту выгодную позицию, – выразил общее мнение Питер.

– Постараемся, – согласился Лори. – А у вас тут как?

– Слава Богу за десять минут ничего не случилось.

Они вошли в кабинет, а шериф остался у открытой двери, внимательно вслушиваясь в тишину коридора и старательно отсеивая шум, рык и гам, доносящиеся с первого этажа, где безраздельно командовали мелкие бегуны. Вся команда хранила глубокое молчание, все еще пребывая в шоке. Появление унисолов Питер и Лори еще как-то могли объяснить, по крайней мере, для себя. Появление крыс – уже на грани фантастики, ну а динозавры... парк юрского периода у тебя во дворе – уже не укладывался ни в какие рамки. Необходимо было некоторое время, чтобы

прийти в себя. И что самое удивительное: меньше всего заморачивался по этому поводу Малыш Гамми. Он устроился в высоком удобном кресле перед компьютерным столом и с нескрываем любопытством поглядывал на ноутбук. Чувствуя за собой вину за разбитый айфон, Лори раскрыл и включил ноутбук.

– Здесь очень много научной информации, так что ничего не удаляй. А эта папка с игрушками, чтобы тебе не было скучно.

Мальчик сразу повеселел, улыбнулся:

– Спасибо, сэр.

И принялся просматривать игрушки. Он еще не воспринимал всерьез все опасности жестокого мира.

Лори повернулся к остальным взрослым:

– Господа, поскольку возникла нештатная ситуация, нам бы не мешало обсудить некоторые вопросы. Для этого попрошу вас пройти в коридор. Там и обзор лучше, и мальчику мешать не будем.

Они вышли в коридор, оставив тяжелую железную дверь приоткрытой. В этом кабинете раньше была касса, поэтому и все три окна были забраны в решетки из толстых стальных прутьев. Все самое ценное Лори хранил здесь. Хотя тайничков в его доме было предостаточно. Он даже сам не мог вспомнить – сколько.

Шериф опять остался у двери, периодически оглядываясь на мальчика, уже с головой ушедшего в виртуальный мир игрушки. Вилли вдруг начал оправдываться и божиться, что динозавры – не его выдумка, поскольку он по крупному зверю не работает и посему пребывает в шоке и панике не меньше других. Лори махнул рукой в его сторону:

– Заткнись. Я верю, что у тебя на это ума не хватит. Кто бы это не придумал – расхлебывать нам. У кого какие предложения?

Впечатлений было много, а мыслей – никаких. Необходимо было некоторое время, чтобы прийти в себя и осмыслить случившееся. Поэтому версий и предложений пока не поступало. И вдруг боковым зрением шериф заметил что-то черное, подвижное всего в ярде от мальчика. Он поступил согласно должностной инструкции...

– Зачем?! Зачем ты стрелял?! Он же написал!!! – взвился Оголец.

– Кто?! Что написал?! – насторожился Питер.

– Вот, вот, смотрите, он написал: «Не стреляйте, я пришел с миром». А ты?! – мальчик чуть не плакал, губы его подрагивали от праведного гнева на дядю.

Он повернул ноутбук, и все увидели, что мальчик не врет.

– Я боялся, что он нападет на тебя. Он намного больше тех крыс, что мы нашли в подвале, и уж, конечно, опаснее, – оправдывался Джон.

– Больше, не значит – опаснее! Зачем тогда он меня спасал?! Чтобы напасть?! Он хотел со мной подружиться! Это же справедливый Сплинтер! Он борется со злом! – мальчик насупился, опустил голову и замолчал. А Лори тем временем многозначительно посмотрел на Питера, и тот в ответ кивнул головой.

– Давай попробуем. Всем выйти из комнаты. А шерифа мы попросим не стрелять, поскольку крыса осталась одна и, по всей видимости, она желает наладить с нами контакт. И поберегите патроны, Джон, у нас появились враги посерьезнее.

Питер наклонился к внуку, положил ему руку на плечо и шепнул:

– Не расстраивайся. Мы попросим у него прощения, и все наладится.

– Правда? – мальчик заметно повеселел.

– Я думаю, он вернется, и мы с ним подружимся.

Команда покинула комнату. Питер оставил сообщение на мониторе: «Мы не будем стрелять. Через десять минут я вернусь один и без оружия».

Когда он вышел, Лори вопросительно посмотрел на него.

– Надеюсь, мы не спугнули его совсем. А вас, друзья, прошу занять позиции у окон.

И чтобы быть совершенно спокойным, Питер сел тут же на пол и привалился спиной к двери.

– Лори, а у тебя случайно нет на втором этаже кладовочки, доверху забитой первосортными консервами?

– Все на первом этаже и в подвале. Хотя... хотя на чердаке у меня полно сушеной рыбы.

– О-о-о, – Питер покачал головой, – боюсь, Сержант ее уже давно оприходовал.

– Ну не всю же. Там было много. Пойду, посмотрю.

– Возьми с собой Вилли. И опасайтесь летунов. Они могут забраться через слуховые окна.

– Не бойся, в своем доме я ориентируюсь.

Питер иронично улыбнулся, кое-что припомнив:

– Тогда – удачи.

– И вам так же.

Глава 11

УДАЧНАЯ РЫБАЛКА

Перед лестницей на чердак Лори остановился и принялся подробно инструктировать помощника:

– Слушай сюда, злой гений. Нам предстоит очень ответственное и столь же опасное дело. Я пойду первым, ты – за мной. Никаких разговоров, только ответы на мои вопросы, четкие и

односложные. Внимательно смотри по сторонам и не забывай про меня. Если я подниму левую руку, то ты должен превратиться в соляной столп и не дышать до следующей команды.

– Ну, если все так серьезно, то дайте мне хотя бы пистолет, – не унимался Вилли.

– Все очень серьезно, – как можно трагичнее подтвердил Лори, – именно поэтому я и не дам тебе пистолет, дабы не получить пулю в затылок.

– Если вы так относитесь ко мне, то я отказываюсь идти, – не скрывая обиды пробурчал профессор.

– Хорошо, но учти, что эта рыба единственная наша провизия и мне придется исключить тебя из списка едоков. А когда ты проголодаешься, это случится очень скоро, уверяю, и вот тогда тебе придется спуститься на первый этаж и поискать там буфет с хотдогами и попкорном. Да и не забудь испросить разрешения у бегунов, пошарить в моих холодильниках.

Вилли поморщился и скорбно вздохнул:

– Если меня сожрет какая-нибудь тварь, то это будет на твоей совести.

Лори от такой наглости взметнул брови и несколько секунд разглядывал собеседника, словно видел его впервые.

– Единственная тварь, которую я полагаю встретить на своем чердаке, это твой Сержант. И если он тебя пристрелит, то это будет полностью на твоей совести как расплата за то, что ты с ним сделал.

После непродолжительных, но весьма мучительных размышлений мистер Крайс все-таки согласился.

– Ладно, надеюсь, в меня он стрелять не будет.

– А я надеюсь, что мы его там не встретим. Берите мешки, выдвигаемся.

Пропустив Вилли вперед и на всякий случай поплотнее прикрыв дверь, Лори замер, осматриваясь и прислушиваясь. И, пожалуй, впервые за время жительства на кордоне он подумал, что этот роскошный двухэтажный особняк с просторным подвалом и огромным чердаком, где при желании можно было соорудить еще один этаж на две дюжины полноценных комнат, слишком великоват для одного человека. Хотя, что он говорит? Нет, думает. Это же офис лесничества. В свое время здесь жило и работало восемнадцать человек. Но теперь остался один. За сторожа и хозяина. Налево – загиб левого крыла, слуховое окно почему-то заделано и там, в тупике, совсем темно. Мистер Дан совершенно неожиданно для себя подумал, что чердаки, как и подвалы, любимое место обитания привидений. Но это же сказки! Лори удивился: куда его понесло? А с другой стороны, куда может понести, когда под окном

живые драконы блеют? Удивляться уже нечему, надо смотреть в оба. А что это за запах? Лемур насторожился пуще прежнего. Совсем не родной запах, не знакомый. На его чердаке никогда так не пахло. Похоже, Сержантдохлый где-то рядышком валяется. И тут Дан почувствовал, что Вилли дергает его за рукав и шепчет в самое ухо:

– Там впереди кто-то есть. И он к нам идет.

Лори понял, что рассуждать надо поменьше, повнимательнее присмотрелся, и действительно, странная неподдающаяся определению тень высотой примерно четыре фута, неуклюже, вразвалочку двигалась в их сторону. Нет, на привидение совсем не похоже, слишком много шуршания и царапающих звуков, скорее карлик или гном в широком черном плаще и остроконечном шлеме.

«Балбес! У тебя же фонарь на поясе!» – ругнул себя Лори, включил осветительный прибор приподнял руку и тут же на нее рухнуло сверху, что-то большое, словно невыделанная подгнившая коровья шкура, окатив волной того самого чужого запаха, скорее, вони. Инстинктивно Лори отпрянул назад и сбил Вилли с ног.

– Стреляй, – пискнул профессор, из-под фанерного ящика торчали только его ноги.

Да, действительно, размышлять было некогда, и Лори выстрелил в шкуру. В ответ она противно каркнула и вновь обдала потоком вони. Фонарь отлетел на два ярда и как по заказу бестолково светил в сторону. Лемур выстрелил еще раз на шелест шкуры и сдавленное хрипение. После второй очереди шкура успокоилась навсегда. Лори метнулся к фонарю, подхватил его, и тут же в луч попала страшная пасть и большой глаз рептилии. Карлик в плаще и остроконечном шлеме был совсем рядом. Бедняга Лори уже не удивился, когда его «Каштан» ответил унылым молчанием. «Что-то слишком быстро у меня патроны кончились, – промелькнула невеселая мысль, – хорошо хоть саблю заряжать не надо. Главное, не дать ему опомниться». Лори старался светить прямо в глаз. Летун, да теперь он понял, кто хозяйничает у него на чердаке, пытался отвернуться, но Лемур быстро смещался то влево, то – вправо. Рассерженный навязчивым и очень ярким светом летун заверещал, замотал головой и кинулся вперед, желая схватить ненавистный фонарь. Лори отпрыгнул вправо, пропуская врага вперед, и тут же рубанул его сзади по шее. То ли с испуга силы его утроились, то ли шея у летуна не предназначена была для таких испытаний, только хрустнула она легко и быстро. Враг споткнулся, рухнул на пол, дернул пару раз несуразными крыльями и затих.

Минут пять Лори стоял, прислушиваясь, но больше никаких шевелений на чердаке не наблюдалось. Но магазин все равно поменять стоило. Отстегнул, автоматически заглянул: оп-па! А

патроны-то не кончились. Значит... Так и есть – затвор заклинило. Скорее всего, при забивке магазина, кто-то перепутал патрон. Неважная новость. Лори вздохнул и решил поискать профессора.

– Профессор, тебя случайно не съели? Отзовись, гроза миновала.

Один ящик у двери закачался, приподнялся, и показалась напуганная физиономия злого гения.

– Ты можешь не светить мне в лицо?

– Я просто пытаюсь установить твою целостность, – добродушно отозвался Лемур.

– Что это было? Кто это был?

– Летуны. Взрыв гранаты повредил крышу, и они решили обследовать наш чердак.

– Ты всех подстрелил? Сколько их было?

– Подстрелил двоих, а сколько было – не знаю. Для пущего спокойствия нам надо обойти весь чердак.

– Рыба же тут, зачем нам весь чердак обходить?

– Я должен знать, что в моем доме творится. Где враг, а где – друг, – Лори был непреклонен и продолжал всматриваться в сумрак чердака, тщательно прошаривая его лучом фонаря. Однако этого было мало, поскольку в довольно оживленном беспорядке здесь было наставлено весьма солидное количество обычного чердачного хлама: тумбочки, кресла, комоды, достаточно объемные шкафы и просто фанерные и дощатые ящики из-под оборудования, а так же три пылесоса, два велосипеда и пять пар лыж с надлежащим комплектом палок. Все это давало достаточное пространство для ведения партизанской войны любой бегущей, ползающей и даже летающей твари. Этот момент мистери Дону очень не понравился. Тут скрип двери отвлек его от поиска новых гостей. В приоткрытую дверь заглянул Питер:

– Эй, вы чего палите?

– Ворон пугаем, – будничным тоном отозвался Лори, словно речь шла об охране фермерского поля. – Дай-ка мне твою тарактелку.

– А у твоей патроны кончились?

– Нет, затвор заклинило. Патрон нестандартный попался.

– Бывает. Помощь нужна? – они обменялись автоматами, – Держи магазин.

– Нет. Мы сейчас с профессором осмотримся, наберем рыбки и вернемся. В случае чего – свистну, рация при мне.

– Добро, – Питер прикрыл дверь.

Лори перевел взгляд на растерянного профессора.

– Надо обязательно прикупить с пяток головных фонарей, чтобы обе руки были свободны, – в задумчивости произнес он, будто Вилли был начальником отдела материально-технического снабжения и сейчас же мог достать из кармана необходимые осветительные приборы.

– Дай мне хоть саблю, – потребовал в очередной раз мистер Крайс. Все его требования о выдаче оружия уже давно стали риторическими и воспринимались как писк комара, ни больше, ни меньше.

– А скажи, Вилли, – вкрадчиво произнес Лемур, глядя прямо в глаза профессору, – ты умеешь обращаться с копьем?

– Нет.

– Жаль, значит ты не рыцарь. Но у нас выбора нет. Держи, – он протянул ошалевшему профессору две лыжные палки, – это намного лучше сабли, поскольку дистанция поражения значительно больше. И старайся попасть в глаз. Глаз – большое место у любой твари. Или бей прямо в пасть, чтобы до желудка достало. Пошли.

Вилли, пребывающий в легком ступоре, на негнувшихся ногах побрел за хозяином дома, прижимая к груди обе лыжные палки. Через пару минут его слегка отпустило, но теперь за каждым предметом ему мерещился злобный летун, и он принялся тыкать своим импровизированным копьем в каждый предмет.

– Это ты хорошо придумал, – одобрил его действия Лори, – возможно и спугнешь кого.

Они обошли весь чердак, но на их счастье летунов больше не было.

– Пока хорошо, – отметил вслух Лори, – Нам надо выбросить этих двух наглых птичек и чем-нибудь прикрыть пробоины.

Он немного постоял, покрутил головой, вспоминая что-то, потом открыл верхний ящик ближайшего комода и достал оттуда целую пачку новых брезентовых рукавиц.

– Это хорошо, что я про них вспомнил. Держи, – он протянул одну пару Вилли, вторую надел сам, – бери за ноги, так меньше шансов испачкаться.

На удивление летуны оказались очень легкими. При помощи лыжных палок их туши были выдворены наружу и тут же подверглись атаке вечно голодных бегунов, все еще разгуливающих по первому этажу и во дворе.

Как и предполагал Лори, взрыв гранаты пробил дыру и в потолке и в крыше.

– А это хорошо, что потолок у нас дощатый. Балки не пострадали. Урон довольно незначительный. Я думал, будет хуже.

На дыру в потолке они положили большой трехстворчатый шкаф. Дыру в крыше прикрыли брезентом, закрепив его снизу и сверху за обрешетник и для жесткости понаставив под него всякой мебели.

Да, поход за рыбой оказался весьма продолжительным и отнял немало сил. Питер очень беспокоился и дважды вызывал Лори по рации. И тому были веские причины, поскольку на втором этаже тоже происходили интересные события.

Глава 12 НОВЫЙ БОЕЦ

Лори ушел, прихватив автомат, два мешка под рыбу и незадачливого профессора. Шериф занял позицию у окна в левом крыле, Малыш Гамми – в правом. А Питер погрузился в раздумье. Это хорошо, что дом у Лори такой крепкий. Хорошо, что второй этаж закрывается наглухо. А почему Лори не закрыл его, когда они бегали от унисола? Надо бы спросить. Скорее всего, забыл в суматохе. Вода в кране есть. Но это пока генератор работает. Надо заполнить все емкости. Интересно, а сколько продлится осада? Тут в дверь поскребли. От неожиданности Питер вздрогнул, но потом вспомнил о Пятом. Он поспешно встал и трижды, с интервалом стукнул в дверь, сигнализируя о том, что идет и вошел не сразу, давая время отойти или спрятаться, если собеседник все-таки не доверяет ему.

В комнате никого не было. Нет, Пятый был здесь, но он спрятался. Значит, пока не доверяет. Это нормально после того, как в тебя стреляют. Питер вошел, подняв руки и на всякий случай сказал:

– Я без оружия.

На мониторе значился ответ:

– Продолжи фразу:

«Тише, мыши, кот на крыше...»

Питер ожидал чего угодно, только не этого. Такой поворот выпадал из всех возможных версий. Он подошел к ноутбуку и продолжил фразу: «А котятка еще выше».

– Я знаю, что ты меня слышишь. Если ты боишься, то я отойду к двери.

И он отошел к двери. С минуту было совсем тихо, если не считать визга и карканья динозавров, бесчинствующих на первом этаже. Потом дверца с зеленой вставкой дрогнула, приоткрылась, и Питер увидел Пятого. Несколько секунд они присматривались друг к другу. Да, он мало походил на крысу, только, пожалуй, головой, а вот телом, скорее, на обезьяну, поскольку лапы имел длинные, а хвост мохнатый и весьма подвижный. Питер выставил вперед раскрытые ладони, показывая, что в них нет оружия.

– Я не хочу тебе зла. Ты спас моего внука, и я очень благодарен тебе. Шериф стрелял с испуга. Он испугался за мальчика. Мальчик приходится ему племянником.

Он не был уверен, что крыс разберется в родственных связях, но решил быть предельно открытым.

Крыс кивнул, и Питеру показалось, что он понял. С опаской зверь сделал несколько шагов, не выпуская человека из поля зрения, запрыгнул на стул и быстро пробежался когтями по клавиатуре. Так же быстро вернулся к шкафу и замер у приот-

крытой двери, наблюдая за Питером. Броуди подошел к столу.

– Кот пошел за молоком, – прочитал он, и тут же добил, – А котятка – кувирком.

И только тут его обожгла невероятная догадка, поверить в которую можно было лишь с большим допуском условности. Питер вновь отошел к двери. Крыс занял место у ноутбука, забил очередную фразу и отошел, уже более спокойно, без напряжения. «Кот пришел без молока». Но на этот раз Питер не стал продолжать фразу, он забил номер своего жетона: «0332». Если крыс ответит, то им будет о чем поговорить. Пальцы противно подрагивали, и колени подгибались, но не от страха.

Крыс запрыгнул на стул и замер, вперив взор в монитор. Пятнадцать, нет, даже двадцать секунд он был неподвижен, потом ударил по клавишам всего четыре раза и обернулся к Питеру. Тот сделал робкий шаг, второй. Пятый по-прежнему оставался на стуле и лишь беспокойно поводил ушами. Еще три шага и Питер увидел ответ: «7443». У стола он опустил на колени: теперь их глаза были на одном уровне. Несколько секунд они пристально всматривались друг в друга, наконец Броуди прошептал подрагивающим голосом:

– Неужели это ты, Оголец?

Крыс прикрыл глаза и кивнул.

– Вот так, дружище, через тридцать лет встретились, – кривил губы ошарашенный Питер. Он протянул было руку, но она замерла на полпути. Крыс одобряюще кивнул. Ладонь коснулась бурой, чуть отливающей сединой жесткой шерсти. – Как же так получилось? – спросил Дымок, совершенно не надеясь на ответ.

Оголец повернулся к ноутбуку:

– Сам не знаю. Помню – взрыв. Провалился куда-то. Очнулся уже крысой. А ты здорово постарел. Что, неужели тридцать лет прошло?

– Да, прошло. И Лори постарел.

– Да, я вас не сразу узнал. Но крысы столько не живут.

– Ты не крыс. Ты наш Оголец. Скажи, это проделки Вилли?

– Думаю, не только его. Он один бы не справился.

– Ты все помнишь?

– Да, помню все.

– Оружием владеешь?

– Я сам оружие.

«Да, пожалуй, он прав», – подумал Питер, вспомнив, как Оголец расправился с бегуном.

– Ну что, пойдём к Лори?

– А тот человек со звездой шерифа, он не будет в меня стрелять?

– Это мой зять. Он нормальный парень. Просто напуган Сержантом и динозаврами. В его практике такого еще не случалось.

– А в твоей? Попадались динозавры раньше?
 – Я совсем другой человек, и ты это знаешь.
 – Знаю.
 – Я пойду вперед, ты – за мной.
 – И постарайся, чтобы меня не пристрелили раньше времени.

– Я этого не допущу. По любому.

Питер приоткрыл дверь, нашел взглядом шерифа.

– Джон, я сейчас выйду с нашим старым другом. Выглядит он слегка непривычно, так что держи себя в руках. Еще раз повторяю: он новый боец нашего маленького отряда и прошу относиться к нему с таким же уважением, как и ко мне. Ты меня понял?

Официальный тон Броуди немного насторожил шерифа, он недоуменно воскликнул:

– Что за старый друг? Откуда у нас новый боец?

– Мы побывали с ним в таких переделках, что тебе и не снилось. Но об этом чуть позже. Я не сошел с ума. Доверься мне, шериф и не осложняй жизнь ни нам, ни себе. И без тебя есть, кому этим заниматься. Посмотри в окно.

За окном нарезали круги явно голодные летуны.

– Это наши враги, поскольку мы для них – пища. А это – наш друг – Тим Барет. Оголец, выходи.

Крыс вышел в коридор, настороженно поглядывая то на шерифа, то на Малыша Гамми. Тут послышался голос Лори:

– Внимание, не стреляйте, это мы идем.

Крыс вздрогнул.

– Это наш Лемур, – успокоил его Питер, – Просто ты отвык от его голоса.

Оголец кивнул.

– Этот засранец Сержант, действительно, попортил много рыбы, – сообщил Лори, выйдя в коридор, – Но нам удалось набрать целых два мешка нетронутой. Так что с голода не помрем, – тут он увидел крыса рядом с Питером, – О, я смотрю, вы уже подружились. Это хорошо.

Из-за его спины вышел Вилли, тоже с мешком.

– Пятый, ты где пропал? Так нельзя делать. Сейчас же иди ко мне, я дам тебе вкусную рыбку.

На это крыс лишь отрицательно мотнул головой.

– Ты не хочешь меня слушаться?! – удивился профессор.

– Угомонись, Вилли, – осадил его Питер, – Он больше никогда не будет тебя слушаться.

– Это еще почему? – удивился тот.

– Объясню позже. Лори, иди-ка сюда, мне нужно с тобой пошептаться.

– Многое же у вас здесь за полчаса изменилось, – не скрывая удивления, признался Лори.

Он прислонил мешок с рыбой к стене, направился к Питеру, но, не доходя пяти шагов, остановился, не спуская глаз с крыса.

– Не бойся, он не кусается.

– Очень хочется верить, вот только зубки у него о другом говорят, – покачал головой Лемур.

– Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Они втроем вошли в комнату, подошли к столу.

– Прочитай, что написано на экране. Узнаешь?

Лори уставил на Питера непонимающий взгляд.

– Это любимая прибаутка нашего Огольца. И что?

– А как она заканчивается, помнишь?

– Кот пришел без молока, а котятка: ха-ха-ха.

– Это все он написал, – Питер перевел многозначительный взгляд в сторону крыса.

Тут глаза у Лори сделались совершенно круглыми.

– Нет, я не сошел с ума, – поспешил с объяснениями Дымок, – А цифры? Они тебе ничего не напоминают?

– Это твой номер и... – Лори не смог договорить, задохнулся.

Тогда Питер обратился к Пятому:

– Здесь не хватает третьей цифры.

Крыс запрыгнул на стул и быстро выбил: «1441», немного помедлил и добавил: «три банана».

– Мать твою... – наконец-то выдохнул Лемур, – Это что?

– Держись, старина, это – наш Оголец.

Лори перевел взгляд с экрана на крыса, и тот утвердительно кивнул.

Вдруг Лори глуповато усмехнулся:

– Нет, ребята, вы меня разыгрываете.

– Не то время, брат. Не до шуток. Я сам вначале не поверил, но после нескольких вопросов – пришлось.

– Ага, – все еще продолжая глуповато щериться, кивнул Лори, – А можно тогда и я что-нибудь спрошу у нашего друга?

Крыс утвердительно кивнул.

– А как звали белобрысую барменшу из «Девятого вала»?

Хвостатый Оголец застучал по кнопкам.

– Её звали Малышка Кэт. А завсегдатаи бара называли ее твоей невестой. Что, впрочем, не помешало ей выйти замуж за другого и родить ему ребенка. Тебе же осталось довольствоваться обществом ее мамы, которую, по-прежнему называли Лориной тещей.

Отстучав эту фразу, Пятый метнулся к шкафу, где на фото в рамке улыбались три молодых и неразлучных друга, взяв ее Оголец, ткнул пальцем сначала в Питера живого, потом указал его

на фото, потом в Лори и – на фото, потом себя в грудь и на Тима Баретта на фото.

Скептическая ухмылка покинула лицо Лемура.

– Этого не может быть... – прошептал он, проводя рукой по лицу.

– Ты в окно посмотри, – подсказал Питер, – по твоему дворику динозавры гуляют. Это быть может?

– У меня такое ощущение, что я первый раз досыта конопля накурился, – прошептал Лори.

– У меня с утра такое ощущение, – в тон ему ответил Питер.

– Как бы это... чтобы это... ни случилось, но я рад, нет, я счастлив, что ты снова с нами, – Лори опустил на колени и обнял Огольца. – Я думаю, по этому поводу нам надо выпить. У меня тут где-то бутылочка была.

– По соточке, не больше, – предупредил Питер, – нам расслабляться нельзя.

– Согласен, – кивнул Лори, – по соточке.

– Оголец, ты как относишься к домашнему виски?

– Извините, ребята, но я пока воздержусь, – выбил Пятый, – Мне нужны таблетки.

– Какие таблетки?

– Я не знаю, как они называются. Но они есть у Вилли. Мне надо принимать их каждый вечер, иначе мне становится очень плохо. Кстати, Вилли не знает, что я – Оголец. Он думает, что я просто биоробот с минимальным интеллектом, чуть повыше, чем у собаки. Но я все помню. Я сохранил человеческий разум, но всегда старался не выдавать этого.

Питер и Лори переглянулись.

– Полагаешь, что Вилли лучше не знать правды?

– Полагаю, лучше сказать правду. Для убедительности. Вилли же сам рассказывал нам про таблетки. Ты что забыл?

– Как-то из головы вылетело. Пойдем, потолкуем с гением.

Они подошли к профессору с двух сторон.

– Я хочу показать тебе наш конференцзал, профессор, – Лори взял мистера Крайса под ручку, – Там выступало много знаменитых биологов, может, и ты захочешь нам что-нибудь сказать.

Лори подвел Вилли к балконной двери. Питер последовал за ними и выглянул из-за плеча друга.

– Ого, быстро они освоились!

– Да, не похоже, что чудеса за рамки не выйдут, – отыгрался Вилли, разглядывая заботливую и крылатую мамашу.

Но Лори отреагировал на удивление спокойно:

– Я так полагаю, что выстрел излучателя пробил брешь в моем заборе.

– Сейчас я им устрою радушный прием, – Броуди Старший передернул затвор, но Лори остановил его.

– Подожди. Не надо.

– Это почему?

– Пахнуть будет. Кто знает, сколько нам здесь сидеть придется. К тому же, пока у них здесь гнездо, другие летуны к нам через эту дверь не войдут.

Летун, склонив голову, внимательно посмотрел на людей за стеклом, и, словно подтверждая соглашение о ненападении, отрывисто каркнул.

– Она отложила яйцо и предупреждает нас, чтобы мы ее не беспокоили, – пояснил Лори.

– Бесподобно! – прошептал Питер, – А она к нам не вломится?

– Очень может быть. Поэтому нам лучше уйти из этой комнаты и забаррикадировать дверь. Уходим тихо, без резких движений.

– Веселое кино получается, – ворчал Дымок, – На первом этаже бегуны разгуливают, на балконе летуны засели, на чердак тоже соваться не стоит. Мне это не нравится.

– Не тебе одному. Поэтому нам надо укреплять окна и двери.

– Да, после ужина займемся дверями, – решил Питер.

– А яйцо динозавра, должно быть, дорого стоит, – подал голос Вилли.

Лори сердито посмотрел на него:

– Я думаю, несколько десятков миллионов, – выдержал паузу и добавил, – Какие проблемы? Иди и возьми.

– А вы дадите мне автомат?

– Я могу дать тебе только швабру. Справишься?

Но Вилли от швабры отказался и крепко задумался. Он уже прокручивал в голове способы похищения яйца. А вот если сделать универсальных солдат из динозавров? Это, пожалуй, покруче крыс будет. И профессор уже начал строить радужные планы и прорабатывать первые шаги в новом деле.

Питер попридержал профессора за плечо и, заглянув ему в глаза, назидательно изрек:

– Даже не думай! Хватит с нас крыс!

– А я чего? Я – ничего! – тут же включил «дурачка» профессор.

– Нет, профессор, меня ты не обманешь. Я тебя насквозь вижу, – он на минуту задумался и в сердцах обронил, – Неужели ты ничего не можешь, кроме гадостей?

– Это не гадость, это – непобедимая армия!

– Это чья-то верная смерть, – Питер выдержал многозначительную паузу, и твоя – тоже. И намного раньше отведенного срока. Жаль, если ты не одумаешься. Пойдем. Здесь небезопасно

оставаться. В любое мгновение может вернуться папа.

Они вышли в коридор.

– А теперь пройдем непосредственно к делу. Вилли, ты помнишь Тима Барета?

Тот посмотрел сначала на одного, потом на другого.

– Если честно, то – нет.

– Он был в нашей команде, – напомнил Лори, – Такой невысокий, светлый, шустрый и веселый парнишка.

– А-а-а, что-то припоминаю. За химию отвечал. Так?

– Так. И более того, он был нашим другом, – добавил Лори.

– Точнее будет сказать: он был нашим братом, – уточнил Питер.

– И что? – растерянно осведомился Вилли, весьма озабоченный серьезностью, даже скорее, суровостью приятелей.

– И вот, тридцать лет спустя, мы встретили его.

– Так я рад за вас.

– Мы тоже рады. Но одна маленькая проблема омрачает наш горизонт.

– Динозавры? Я тоже в ужасе! Даже представить себе не мог!

– Динозавры тут не причем.

– А кто причем? – начиная чувствовать недоброе, осторожно осведомился Вилли

– Ты, – сурово отрезал Питер.

– Я?! – театрально округлил глаза профессор.

– Да, Вилли. Видишь ли, нашему старому другу нужна таблетка.

– Какая таблетка? – мистер Крайс переводил недоуменный взгляд с одного собеседника на другого.

– Какие ты даешь своим солдатам каждый вечер.

– Но причем здесь ваш друг Тим Барет? – не понимал не признанный гений.

– А при том, что ты загнал суть нашего друга...

– Брата, – подправил Дымок.

– Да, брата, ты загнал суть нашего брата в тело крысы. Но для нас он остался родным, пусть хоть хвостат и волосат. Понимаешь, Вилли?

– Да вы с ума сошли!!! – возмутился профессор.

– Нет. Не мы его, а он нас опознал. Вилли, дело к вечеру и ему нужна таблетка, – пояснил Лори.

– Но у меня нет таблетки, – для убедительности он даже развел руками.

– Вилли, не вынуждай нас на крайние меры. Нам не хочется опускаться до обыска.

– Я вас не обманываю. Я не рассчитывал, что все так сложится, что на нас нападут динозавры,

и мы окажемся в осаде. Я думал, что мы вернемся через час, ну, максимум, через два, и потому не прихватил с собой таблеток.

Дымок и Лемур переглянулись.

– Но выход должен быть, Вилли. У тебя светлая голова. Если ты ничего не придумает, то мы выставим тебя на балкон. Просто выставим. Наше осадное положение спишет все на динозавров. Так и скажем: за яйцом подался. Ты все понял?

– И вы что, из-за крысы убьете меня?

– Это не крыса. Это – Тим Баррет. Наш брат. А тебя мы знаем постольку-поскольку. И большой симпатии к тебе совсем не питаем. Так что – думай, – очень серьезно посоветовал Питер.

– Таблетки лежат на станции в сейфе, но я что могу сделать?

– Ключ от сейфа, – Лори протянул раскрытую ладонь.

– Ключа нет. Замок кодовый.

– Код.

– 3355

– Надеюсь, ты нас не обманываешь. В противном случае нам все-таки придется выставить тебя на балкон.

– Не надо меня пугать. Я все прекрасно понимаю. И терять такой уникальный экземпляр мне тоже бы не хотелось. Но как вы попадете на станцию? У вас даже машины нет. Хотя, тут нужен бронетранспортер.

– Пятый все сделает сам.

– Он не запомнит код.

– Он намного умнее, чем ты думаешь.

– Да, а не ты ли говорил, что у него интеллект десятилетнего ребенка? Но для пущей верности мы напишем код на бумажке и положим ее в поясную сумку.

– Но он не умеет читать.

– Он умеет писать, читать и владеет компьютером не хуже тебя.

– Как?! – Вилли распахнул рот и округлил глаза.

– Очень просто, – закончил разговор Лори.

А Вилли так и остался стоять с открытым ртом.

Глава 13

РЕЙД ОГОЛЬЦА

Теперь у него была четкая цель, и жизнь его вновь обрела смысл. Он вернул то, что считал навсегда утраченным: он вернул старых друзей, и они его приняли. Приняли таким, как есть, мохнатым безобразным чудовищем. Так что сегодня самый счастливый день в его жизни. Душа пела, а телу хотелось плясать, скакать в безудержном веселье, как молодому козленку. Сейчас он сбе-

гает за таблетками, и... у него теперь есть друзья, которые не дадут его в обиду. Он даже был рад, что они оказались в осаде, и профессор вынужден подчиниться приказам Питера и Лори.

Он стоял на подоконнике, мысленно намечая маршрут. Хорошо, что от дома до леса много строений, будет где спрятаться от бегунов, а летунов он не боялся. При таком огромном размахе крыльев, они не могут маневрировать у самой земли, и потому увернуться от их когтей намного легче, чем от пасти легкого и подвижного бегуна.

Он обернулся, посмотрел на друзей.

– Удачи тебе, – Лори положил руку на плечо старого нового друга.

– Будь осторожен, – добавил Питер.

Оголец кивнул и двинулся по карнизу к водосточной трубе. Да, новое тело давало ему много преимуществ. Один хвост чего стоит. По сути – пятая рука. Прыг-скок с одной крыши на другую. Легко и просто. Человеком, он ни за что бы не перелетел шестиярдовый прогал. Но вот строения кончились. Он внимательно осмотрелся. Летуны кружили где-то вдалеке, кого-то высматривали. Ну и пусть: главное – не его. Бегунов видно не было. Но они всегда появляются внезапно и целой стаей. А ему надо пересечь широкую луговину. Он уже собрался рискнуть, но тут совершенно неожиданно ему подвернулась удачная оказия: стадо рогатых броненосцев. Они брели как раз в сторону леса. Когда ближайший поравнялся с ангаром, Оголец спустился на землю, быстро пробежал тридцать ярдов и запрыгнул ему на спину. Тот даже ухом не повел, возможно, и по той простой причине, что ушных раковин у него просто не было. Ободренный первой удачей, Оголец перепрыгнул на второго, потом – на третьего, и по их спинам, словно по валунам, добрался до вожака, самого высокого и массивного. С него Оголец еще раз осмотрелся и с досадой отметил приближение бегунов. Рогатые броненосцы тоже их почувствовали и стали разворачиваться, занимая круговую оборону. Такой поворот событий несколько осложнил положение нашего путешественника, и он покинул свою рогатую лошадку, отдав предпочтение своим ногам, и надеясь, что бегунов, прежде всего, привлечет крупная добыча, а не мелкая крыса, удирающая по высокой траве к лесу. Но нет. Один, самый любознательный, или трусливый бегун, все-таки заинтересовался его особой и припустился в погоню. Тут уж и Огольцу пришлось выложиться. Он опрометью взлетел на крайний дуб и впервые подумал, что его длинный хвост мог бы сыграть на этот раз против хозяина, попадая на зуб бегуна, слишком уж близко щелкнули кровожадные челюсти. Оголец перевел дух, посмотрел на бегуна сверху вниз, и мысленно ругнулся: «И чего тебе от меня

надо?» Но хищник попался настырный: он крутился под деревом и никак не хотел уходить. Наивный, он не понимал, что в таком густом лесу ему ни за что не достать с дерева обезьяну. Да, теперь Оголец был паукообразной обезьяной, или как ее еще называют, черной коатой. И был очень рад этому, поскольку без труда перескакивал с дерева на дерево, а бегун безотрывно следовал за ним, смотрел на него голодными глазами, верещал и периодически щелкал страшными челюстями. Он так увлекся охотой, что не заметил среднего бегуна, и буквально врезался в него, задрав морду и следя за Огольцом. Более крупный хищник был очень рад такой встрече, поскольку обед сам пришел к нему, осталось только сомкнуть челюсти. На более мелкую добычу, скачущую по веткам дуба, он совершенно не обратил внимания, и занялся плотным ужином. Оголец повернул к опушке, и вскоре вновь оказался на крайнем дереве. До станции было не больше сорока ярдов. Всего один рывок. Он предусмотрительно выждал, пока пара летунов минует его дерево, и во весь дух припустился к зданию метеостанции. И на этот раз все обошлось. Но сюрприз ждал его внутри: сейф был вскрыт. Замок вырезали совсем недавно, поскольку металл был еще теплым. Как это ни грустно, но все таблетки пропали. Все, до единой. Оголец почувствовал слабость в коленях и неприятную дрожь в кончике хвоста, но все-таки сумел побороть приступ паники. С минуту он стоял неподвижно перед открытым сейфом и старался рассуждать трезво, как человек. Прежде всего – кому это надо? Скорее всего – это дело лап Сержанта. Профессор сам учил его управляться с портативным автогеном. Диверсант должен уметь срезать решетки, замки и железные двери. Далеко он не мог уйти. Так чего я стою? Оголец обнюхал пол у сейфа и все сомнения бесследно улетучились. Конечно же, это Сержант. Как же он сразу не учуял его характерный туповатый аромат. Испуг помешал. Как заправская ищейка Оголец припустился по следу. Главное, не перепутать исходящий и входящий следы. Оба они свежие, разница не больше десяти минут. Он остановился у крыльца и внимательно осмотрел следы. Нет, по расположению когтей четко определяется направление движения. Надо было тропиться: Оголец уже начинал чувствовать первые робкие признаки растрояния личности, если, конечно, так можно назвать сложный организм, сплетенный из трех других, столь же сложных организмов.

Следы вели обратно в лес. Оголец посмотрел налево, потом – направо, не забыл и небосвод взглядом окинуть: вроде, все чисто, и во все лопатки припустился к лесу. И вот спасительные деревья. Он на секунду остановился, чтобы вновь выйти на след, поскольку второпях чуть сбился.

След нашелся за соседним кустом дикого шиповника, и пошел вглубь. Под третьим дубом он нашел пустую коробочку от одиночных таблеток. И тут же земля была взрыхлена. Оголец разгреб ее и обнаружил под корнями дуба тайник. Плотный целлофановый пакет доверху набитый коробками с таблетками. Были там и тройные, предназначенные для Пятого. Он переложил все свои таблетки в поясную сумку, добавил три пачки одиночных, остальное положил на место и присыпал землей. Все, как было. И даже несколько веточек сухих сверху бросил. Взобравшись на дуб, он поудобнее устроился в развилке толстых сучьев и принял свою таблетку. Теперь можно облегченно вздохнуть и ни о чем не думать. Между делом он все-таки отметил, что выбрал удачное местечко. До того просторное и удобное, что можно спокойно здесь и отоспаться хоть до самого утра. Вскоре препарат начал действовать, и он почувствовал прилив сил и уверенности в себе. И тут его внимание привлекло шуршание. Присмотревшись, он обнаружил броненосца. После бегунов и летунов, это было уже не в диковинку, а когда тот подошел поближе, узнал в нем Сержанта. Панцирь его был сделан из двух кастрюль, причем ручка первой торчала, как проушина для кранового крюка. Он вел себя пьяным образом: наткался на деревья, делал бессмысленные повороты, а то и вовсе кружил на одном месте.

«Он сожрал сразу несколько таблеток, и ему снесло крышу, – заключил Пятый свои наблюдения, – В таком состоянии он очень легкая добыча, для бегунов, и кастрюли не спасут. Посажу-ка я его пока в клетку, а потом с мужиками решим, что с ним делать».

Он выбрал сучок поровнее, отломил его, убрал лишние боковые ветки, оставив на конце рогатину, и, спустившись на землю, стал погонять Сержанта, как бестолковую овцу, постукивая по бокам посохом, а когда тот не больно слушался, вставлял рогатину в проушину и толкал в нужном направлении. Уже порядком стемнело. Летучих хищников в небе не было, а бегающих Пятый научился определять по запаху. Так что до станции они добрались благополучно. У Сержанта сегодня удачный день. Да и у него, тоже. Если не сказать больше. Заперев броненосца в клетку на первом этаже, Оголец направился к дому, где его в волнении ждали потерянные и вновь обретенные друзья. Но посреди дороги его посетила гениальная мысль, и он вернулся на станцию. Подходя, он заметил на крыше несколько темных силуэтов – летуны. Сейчас в темноте они достаточно уязвимы, если подкрасться... Но Оголец решил не тратить на них время. Прежде всего, он забрался в холодильник и до отвала наелся человеческих вку-

ностей, а потом засел за компьютер профессора. По счастью тот не воспринимал свое изобретение всерьез, и Огольцу удалось подсмотреть пароль доступа. Он всю ночь просидел за компьютером. Нашел и узнал все, что хотел.

Глава 14 В ПОДВАЛЕ

Текущая суматоха спутала все планы Питера. И только проводив Огольца в опасное путешествие, он вспомнил, что хотел набрать воды во все имеющиеся сосуды, поскольку после вяленой воблы, красноглазки и подлещиков непременно захочется пить. Но судьба-насмешница, капризная девка, и тут решила поглумиться над ними. Дымок даже не успел наполнить свою походную фляжку, как кран сердито засвистел, жадно втягивая воздух, и тут же послышалась душевная ругань Лемура, который решил омолодить свою личность посредством электрической бритвы.

– Ну, ты представь себе, самый подходящий момент!

Питер закрыл кран и вышел в комнату к другу.

– Самый подходящий момент побриться? – уточнил он.

– Можешь смеяться, но этот нехитрый процесс помогает мне собраться с мыслями. Генератор встал не вовремя: про воду-то мы забыли.

– Я вспомнил, да слишком поздно, – Дымок качнул фляжкой из стороны в сторону, определяя, что она заполнена всего лишь наполовину, не больше.

– Совсем скоро всем нам захочется пить. Какие будут предложения?

Лори на несколько секунд задумался. Сосредоточенно сдвинув брови и потеряв частично выбритый подбородок, после чего раздосадованно изрек:

– Съемник остался в сарае

– А зачем тебе съемник? – удивился Питер.

– И окна моей спальни можно было нарвать сочных яблок. Они как раз поспели, – пояснил Лори.

– Надо было попросить Огольца, он бы накидал нам целый мешок, – запоздало спохватился Питер.

– Хорошая мысль приходит опосля.

– Как правило, – согласился Брудди, – так что давай думать про воду. Какие у нас есть варианты?

– Пульт управления у меня выведен на кухню. Уровнемер дает мне сигнал, когда солярки остается пять процентов. Но сегодня мы его не услышали. Пробриться в насосную станцию даже с автоматом – задача нереальная. У нас просто

патронов на всех не хватит. Поэтому используем резервный генератор.

Питер покачал головой.

– Ты неисправим. Нельзя было сразу с него начать?

Лори пожал плечами и развел руками: «Ну, вот такой я. Что поделаешь?»

– Можно. Он в подвале левого крыла.

– Пойдем вдвоем?

– Да, так сподручнее.

Поставив в известность шерифа, они набили карманы запасными обоймами, а Питер еще навесил на пояс кахетинский кинжал, а саблю напротив – оставил.

– А это еще зачем? – удивился Лори. – В шкафу застрянешь.

– С саблей уж точно застряну, а с этим – прыскачу. У меня смутное предчувствие, что он нам очень пригодится, – вполне серьезно отозвался Питер, – Оригинальный у тебя в доме способ передвижения.

– Это тихая сапа называется, – пояснил Лори, – как раз вот на такой крайний случай рассчитано.

– И часто у тебя такие крайние случаи происходят?

– До сегодняшнего дня было тихо.

– Стало быть, мы – бедоносцы, – констатировал Дымок.

– Не пори чушь, приятель. Это просто жизнь со всей ее яркой и живой многогранностью. По крайней мере, будет что вспомнить.

– Да, вспомнить будет что. Особенно Малышу. Идем?

– Идем.

По расчетам Лори динозавров в подвале быть не должно. Их там и не было. Но...

– Подай канистру, зальем второй бак, чтобы на дольше хватило.

Питер протянул руку к стеллажу, на котором стояла белая канистра. И тут же что-то щелкнуло, а запястье обвила тугая петля. Из-под стеллажа выглянула совсем уж непотребная образина: то ли рак, то ли каракатица и шевельнула усами. Тут же вторая петля обвила ногу, потом – вторую и дернули так, что он чуть не упал. Хорошо левую руку еще не заарканили. Питер выхватил кинжал и обрубил шупальце, но на их место тут же прилетели новые. Под стеллажом обнаружилась яростная возня: должно быть там было много этих тварей.

Сквозь небольшое оконце у самой земли поступало мало света, и определиться с количеством врагов было невозможно.

– Что случилось? – насторожился Лори. Он был за углом и не видел происходящего.

Освободившейся правой рукой Питер выхватил пистолет и принялся палить под стеллаж.

Лори поставил свою канистру на пол и поспешил на помощь к другу, выскочив из-за угла, он изумленно воскликнул:

– Мать вашу, а это что за хрень?!

«Ну вот, и ты туда же!» – огорченно подумал Дымок.

– Не знаю. Наверное, сухопутные каракатицы. Будь осторожен, они стреляют языками.

Питер все-таки подхватил канистру и, отстреливаясь, попятился к генератору. Монстры вылезли из-под стеллажа и последовали за ним. Лори тоже стал стрелять. Каракатицы были овальные, очень похожие на мокриц. Четыре фута в длину и два – в ширину. И покрыты ребристым панцирем. Да к тому же достаточно живучи. В каждую приходилось всаживать по три пули. Лори палил сразу из двух пистолетов, но даже шквальный огонь не мог остановить наступление доисторических монстриков. Друзья спешно отступали, едва успевая менять обоймы. Наконец-то вражеская группировка иссякла.

– Вроде – все, – весьма неуверенно произнес Питер. Они замерли, прислушиваясь. Некоторые каракатицы еще трепыхались, но нападений больше не было.

– Неплохо развлеклись: у меня одна обойма осталась, – обронил Лори.

– А у меня – две.

– Живучие, сволочи попались, – скривился Лори.

– Это точно. Просто они не знают еще, что от огнестрельного ранения надо сразу же помирать. Не привыкли. Давай-ка поторопимся, а то еще кто-нибудь заявится.

– Сплюнь три раза.

– Да хоть десять! Откуда они здесь взялись?

– Наверное, из-под земли. Или в окно прыгнули.

– Да, скорее всего, через окно.

– Когда разгоним эту сволочь – на все окна поставлю решетки, поделю подвал на непроницаемые отсеки, как подводную лодку, и на каждом поставлю железную дверь с кодовым замком.

Лори стал заливать второй бак, а Питер решил принести еще одну канистру. Но только он свернул за угол, как в дальнем конце подвала послышалось подозрительное постукивание.

– Слушай, там какая-то возня затевается. Давай, запускай поскорее, да убираемся отсюда.

– Ладно. Нам главное: воды накачать, хотя и без света тоже плохо. Еще три минуты подожди.

– Лори, у меня плохое предчувствие. Я-то три минуты подожду, а вот они...

– Надо же, я его по всему дому ищу, а он здесь прохлаждается, – Лори словно не услышал друга.

– Ты о ком?

– Да, фонарь. Как нельзя кстати нашелся. Вон, на вентиле висит. Посвети, да глянь, кто там шебуршится. Поди, опять каракатицы наезжают. А у нас патрон почти не осталось.

Питер взял мощный армейский фонарь, осторожно выглянул из-за угла и посветил в дальний конец подвала.

– Лори! Заводи быстрее! Бежим! Там скорпионы!!!

Скорпионы были вдвое больше каракатиц. И их тоже было много. Вернее, скорпион был один. Но – очень огромный. За ним еще кто-то шевелился и копошился, однако, разглядеть подробности Питер не успел, поскольку требовалось срочное действие, а не зрительная оценка приближающейся угрозы. Первого Питер остановил пятью выстрелами. Именно. Эти твари, почему-то, мало восприимчивы к огнестрельному оружию. Он помнил, как в детстве... Из темноты на место поверженного врага, заявился второй, даже крупнее первого.

– Лори, да заводи же! Они нас сожрут! – после последнего выстрела прокричал Питер, видя, что скорпион даже не поморщился, проглотив две пули.

Дымок схватил первое, что попало под руку: пустую бочку, и катнул навстречу монстру. Скорпион тут же схватил ее клешнями и ударил жалом, пробив железную стенку насквозь. Из детских книжек Питер помнил, что яд некоторых скорпионов не уступает по своей токсичности яду кобры. А при такой лошадиной дозе, это верная и быстрая смерть. Точнее будет – мгновенная.

А у Лори все не получалось запустить дизель. Он отдал Питеру оба пистолета, и он тут же истратил все патроны, все-таки пристрелив здоровяка. Но через его труп уже перебирались сразу двое. Чуть мельче, но намного шустрее. И тут, как в паршивом боевике, на последней минуте дизель схватился, затарахтел и процесс пошел. Однако, скорпионы уже перекрыли им путь к спасительной лестнице. Но Лори не растерялся. Он снял рубаху, намотал ее на трехметровый отрезок дюймовой трубы, по счастью завалившийся здесь же. Облил импровизированный факел средством для обезжиривания.

– Питер, поджигай.

Вспыхнувший факел он тут же сунул в морду скорпиону. Тот сразу же схватился клешнями за трубу.

– Помогай, – прохрипел Лори, покраснев от натуги. Питер тоже схватился за трубу, и вдвоем им удалось оттолкнуть скорпиона от лестницы, но тут же явился его приятель, а может и брат: уточнять времени не было. Хищно растопырив клешни, он устремился на друзей. Тут сыграл Питер. Он схватил со стеллажа пожарный багор

и со всего маха вонзил острый конец под левую клешню. Скорпиону такое приветствие явно не понравилось. Да и первый скорпион, противник Лори, опалив усы, недовольно поморщился (это Лори потом так рассказывал), отпустил трубу и поспешно отступил за угол.

– Уходи! – Лори метнулся к шкафу вместе с трубой.

Питера уговаривать не пришлось. Он давно мечтал выбраться из этого мрачного и опасного погребка.

А вот Джон очень удивился, когда из шкафа высунулась труба с пылающей на конце тряпкой.

– Прими факел, – долетел снизу голос Лори.

Шериф не стал пререкаться и задавать наводящие вопросы, а следуя требованиям сложившейся ситуации, подхватил трубу. Когда же Лемур выбрался сам, все-таки поинтересовался:

– А это зачем?

– Нас там чуть не сожрали.

– Да, я слышал. И кто это был? Бегуны?

– Хуже! Скорпионы и каракатицы. Представляешь, у нас кончились все патроны. Пришлось воспользоваться опытом предков. Хорошо хоть огня бояться даже скорпионы. Но зато теперь у нас есть вода и электричество.

В подтверждение своих слов Лори подошел к раковине, открыл кран, который немного посвистел, недовольно похрипел и, все-таки, излился желтоватой влагой. Лори тут же сунул под струю факел и погасил его.

– Ну не оставлять же его в подвале. Не хватало нам только дом спалить, – пояснил он свои действия.

Глава 15

ВЫЯСНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ

Солнце уже закатилось, а небо быстро темнело. Шериф внимательно следил за обстановкой. Все, вроде, было тихо. Внизу гремели посудой и переругивались бегуны. «Скандальная семейка», – подумал Джон. В начале карьеры ему довольно часто приходилось усмирять семейных буянов. Неуместная ассоциация, но надо же – всплыла. Однако, есть в этом положительный момент, поскольку место их нахождения известно, значит внезапного нападения с их стороны не получится. Вот если бы вдруг стало тихо, тогда есть повод для беспокойства. Куда ушли? Когда вернуться? Крупных бегунов на обозримом пространстве не наблюдалось. У леса мирно паслись шипастые травоядные динозавры. А вот в небе... А вот в небе было не все так безоблачно. Летуны носились туда-сюда, как оглашенные и только сейчас шериф вдруг понял, что они гоняются

за воронами. Вот одному повезло, и он ухватил птицу за хвост. Та отчаянно заорала, забила крыльями. Летун мотнул головой, и, как оказалось – зря. Ворона вырвалась, оставшись без хвоста, и поспешила к лесу, намереваясь спрятаться среди густых ветвей. А вот второй повезло меньше, а если быть справедливым, то и совсем не повезло: она напрямик угодила в зубастую пасть. Птицы бесспорно обладали лучшей маневренностью и скоростью, лихо уворачивались, закладывали крутые виражи, и так случалось, что сами влетали в распахнутую пасть. Да, все-таки изредка везло и летунам.

Понеся первые потери, вороны подняли неистовый грай, и вдруг случилось совершенно непредвиденное, переломившее ход событий: со стороны леса к ним на подмогу подтянулась воронья стая. Очень большая плотная стая. Таких стай шериф еще не видел: птицы шли сплошной черной массой. Каждый летун был в десять раз больше вороны, но их было мало, а пернатых, откликнувшихся на призыв о помощи, слетелось без счета. Одна за другой вороны пикировали на летунов, и, словно учуяв, били в самое слабое место – перепончатые крылья. Вот один летун закружился, кувыркнулся, беспомощно махая порванными в лоскуты остатками крыльев, и грузно брякнулся наземь.

– Молодцы наши! Дают жару! – не сдержался шериф.

– Что там у тебя? – поинтересовался Лори, – Кто там «наши»?

– Вороны одного летуна завалили. Ага, второго доделывают. Ну молодцы, навели шороха.

Тут уж летунам стало не до охоты. Уцелевшие поспешили на твердую основу, поскольку в воздухе их господство закончилось. Один за другим они поспешно приземлились на крышу ангара, сарая, насосной станции, метеостанции, а несколько штук выбрали крышу дома. Да, теперь на твердой опоре они чувствовали себя увереннее: грозно верещали, крутили головами, и щелкали страшными челюстями. Вороны пробовали атаковать, но вскоре поняли, что теперь места для маневра маловато и лучше держаться от врага на расстоянии, поскольку летунам таки удалось прихватить пару-тройку слишком самоуверенных птиц. Стая поднялась выше и беспрестанно кружила над кордоном, пристально следя за чужаками.

– Да, не все так просто, – качнул головой Лори, немного подумал и добавил, – Боюсь, как бы эти с крыши к нам не заявились.

– Дверь заперта – не прорвутся, – успокоил его шериф, – А прорвутся, мы их встретим.

– Да, встретим, – эхом отозвался Лори. Он был явно чем-то озабочен. – Пойду, Питеров проведу.

Ночь прошла относительно тихо. То внизу, то на крыше, вскрикивали гости юрской эпохи, очевидно, им снились свои ужасы. Шериф тоже ухитрился вздремнуть. Он примостился под окном на матрасике, предусмотрительно отгородившись прикроватной тумбочкой, и обняв автомат. Он спал чутко, просыпаясь от каждого крика и рыка, а точнее будет, и не спал, а так, дремал в пол-уха, в полглаза. Но такой расклад не приносил ему серьезных проблем, поскольку шериф был привыкшим человеком, и к засадам, и к погоням, и к походам.

Было самое раннее утро. Едва рассвело, а летуны уже поднялись на крыло, однако и вороны решили в такой день встать пораньше.

Мало кто знал, что среди прочих неоспоримых достоинств хранителя закона шерифа Джона достойно числилась феноменальная зрительная память.

Когда ему было только шесть лет, матушка его стала замечать, что во время домашней приборки, когда она стирает пыль со шкафов, тумбочек, комодов и книжных полочек, малыш Джонни ходит за ней и по-своему расставляет сдвинутые ею предметы (вазочки, цветы, рамки с фотографиями, фарфоровых слоников, и прочие мелкие предметы обстановки).

– Зачем ты это делаешь? – однажды она все-таки спросила сына.

– Я ставлю их на прежнее место. Вот этот слоник стоял на полдьюма ближе к краю.

И еще мама заметила, что сын относится к своему делу со всей взрослой серьезностью, и как ей показалось, даже получает от этого удовольствие. Тогда мама преднамеренно перестала ставить предметы на место: она просто стирала пыль, а Джонни расставлял все по местам. Они стали работать в паре: быстрее и веселее.

Потом мама поделилась своими наблюдениями с папой. Папа решил сам убедиться в способностях сына. Он расставил тридцать две шахматные фигуры в произвольном порядке.

– Сынок, посмотри на эти фигуры и запомни, как они стоят.

– Да, папа, – тут же ответил Джонни, – я уже запомнил.

– Ты уже запомнил? – не поверил папа.

– Да, папа уже запомнил.

– А теперь сходи с мамой на кухню, она даст тебе самый большой и сочный персик.

Через три минуты мама с сыном вернулись.

Папа тут же обратился к сыну с вопросом:

– Джонни, посмотри на доску: что-нибудь изменилось?

– Да, папа, фигуры стоят не так.

– Ты можешь сделать, как было?

Мальчик тут же вернул на место пять фигур.

А папа озабоченно потер подбородок.

– Давай попробуем еще раз.

– Спасибо, папа, но я этот персик еще не съел,

– ответил мальчик, утирая рукавом подбородок: персик, действительно, оказался большой и сочный. И от него осталась добрая половина.

– Тогда просто отвернись.

– Хорошо.

Мальчик отвернулся и принялся далее смаковать сочный плод.

Папа сместил лишь одну пешку в самой гуще фигур, на соседнюю клетку.

– Готово, Джонни. А сейчас что-нибудь изменилось?

Мальчик смотрел на доску не больше двух секунд и тут же вернул пешку на место.

– Хорошо, – медленно произнес папа, – попробуем еще раз. Последний.

Мальчик лишь пожал плечами и отвернулся, желая доесть персик.

На этот раз папа вообще не стал двигать фигуры, а просто повернул морду белого коня на девяносто градусов, но чтобы спутать сына, приподнял и поставил на место, слегка пристукнув, черного офицера и полосатого ферзя, играющего за северян.

– Все, Джонни, можешь повернуться.

Мальчик отдал косточку маме, повернул коня мордой на север, черного офицера подвинул на четверть дюйма к левому краю клетки, а ферзя, напротив, на три восьмых дюйма к центру.

– Было вот так, – подытожил он свои действия, – Спасибо, мама, персик был очень вкусный.

– Пожалуйста, сынок, я очень рада, что он тебе понравился.

А папа ничего не мог сказать: он был в глубоком шоке.

К шахматам Джонни относился абсолютно спокойно. В силу своего детского возраста, и вообще. Он даже не знал, чем отличается офицер от ладьи, а тура от слона.

Но такой дар очень пригодился шерифу в работе. Вот и сейчас, он точно определил линию леса: два дерева на опушке стали другими. Но в следующую же секунду случилось то, что удивило его еще больше: летун, пролетающий над метеостанцией, ударился обо что-то невидимое и судорожно трепыхаясь, стал падать, и... и вскоре бесследно растворился в подрагивающей дымке, какая обычно появляется над раскаленной дорогой в час полуденного солнцепека, но никак не ранним утром, да еще на лесной опушке. Со вторым летуном, идущим ярдах в ста десяти, случилось то же самое, и вдруг огромная рука прошла по лесу, и все деревья стали другими, и облака – другими, а последний, третий летун исчез бесследно.

«Чтобы это значило?» – подумал Джон и тут же осенился догадкой: «Портал закрылся! Летуны не смогли пробиться. Значит... хорошо! Даже – здорово!» Настроение заметно приподнялось, и он переключил свое внимание на двор: нет ли опасности под носом? Да как же без нее-то?

– Тебя только не хватало! – сокрушенно вздохнул Джон и настроение слегка погрустнело.

Действительно, его только тут и не хватало. По двору крался средний бегун. Шериф еще не знал, какой напасти можно ожидать от этого во рога, но сам вид огромного монстра пробуждал совсем мало положительных эмоций. Все больше – отрицательные. От страха, до панического ужаса и растерянности. Поскольку с таким противником сталкиваться еще не приходилось

«На втором этаже нам ничего не угрожает, – успокаивал себя шериф, – Дом у Лори крепкий, каменный. А с другой стороны, если этот средний бегун разгонит мелких, то первый этаж освободится, и мы сможем пополнить свой арсенал».

Завидев среднего бегуна, мелкие разом за верещали, так, что у Джона чуть не полопались барабанные перепонки. Один за другим они все выбежали из дома и застыли в нерешительности, оценивая столь аппетитный завтрак. Бегун тоже замер. Он явно не ожидал встретить столь многочисленную и веселую компанию. Перед ним стояла нелегкая задача: вдруг появилось сразу много еды, за которой не надо гоняться. Это, бесспорно, хорошо, но еды этой слишком много и в следствии того фактора явственно высвечивает альтернатива поменяться с ней местами. А вот улепетывать ему профессиональная гордость не позволяла и страшный статус кровожадного монстра. Пока он размышлял стоит ли связываться с люберецкой братвой, или лучше поджать хвостик да слинять по-тихому, хотя, вряд ли теперь получится, уже засветился, мелкие хищники взяли его в кольцо, ожидая команды вожака. Да, теперь отступить некуда, да и поздно, и бегун ринулся на самого крупного из мелких, очевидно рассчитывая быстрой победой над ним сломить боевой дух противника. Но предводитель в самый последний момент увильнул от лобового столкновения, а его собратья разом накинулись на большую добычу. Бегун подрезал одного хвостом, ухватил за шею второго, но на нем уже повисли четыре мелких. «Как бульдоги на быке», – мелькнуло в голове у Джона, и он только сейчас заметил, что допустил непростительную оплошность, до того увлекшись битвой титанов, что забыл обо всем на свете, и в том числе об опасности угрожающей им всем, и потому вздрогнул, услышав под ухом восторженный возглас Малыша Гамми:

– Ух ты! Здорово! Как в настоящем кино!

«Да уж, – подумал Джон, – крови режиссеры не пожалели. Не стоит мальчику такое смотреть».

Он обернулся: вся команда была в сборе, и все созерцали безотрывно побоище вымерших монстров. Двум мелким бегунам средний хищник ухитрился откусить головы, третьему выпустил кишки, четвертому откусил левую ногу. Но и мелкие хищники оказались не лыком шиты: у бегуна на шее, на боках и даже на хвосте зияли страшные раны. С завидным остервенением мелкие бегуны пытались покромсать более крупного врага в мелкий винегрет. И это у них неплохо получалось. Особенно им нравилось кусать врага за хвост.

– Как ты думаешь, они все во двор высыпали, или кто-то остался дома? – поинтересовался Лори у друга.

– Ты на что намекаешь? – насторожился тот.

– Я на то намекаю, что у нас боеприпасов совсем немного осталось. А еще неизвестно, сколько нам сидеть придется. Пока они там отношения выясняют, может мне прыгнуть по-быстрому за патронами?

– Идея хорошая, – согласился Дымок, – Только больно рискованная.

– Бегуны – твари стайные. На большую дичь они нападают всем гуртом. Думаю, другого такого шанса у нас не будет, – настаивал на своем Лори.

Шериф внимательно посмотрел на него.

– А ты откуда знаешь?

– В кино видел.

А Питер усмехнулся и покачал головой:

– Ну, если в кино видел, тогда стоит рискнуть.

– Для начала я, пожалуй, загляну на кухню. Через шкаф. Вилли с Джоном меня подстрахуют.

Лори обвязался веревкой.

– Ты, Джон, держи веревку, а ты, Вилли, мои ноги.

– Ноги?

– Да, ноги, – ответил Лори и полез в шкаф вниз головой.

– А это обязательно? – осторожно поинтересовался профессор.

– Так у них меньше шансов схватить меня за ноги.

– Но больше – за голову, – не без основательно заметил Вилли.

– А для этого у меня есть пистолетик. Как только начну стрелять – дергайте меня наверх. Я пошел.

Лори осторожно приоткрыл дверцу шкафа.

– На кухне и в гостиной – чисто. Можно идти. Вилли, отпускаяй мои ноги. Приоткройте люк и ждите меня. Я быстро.

Лори добежал до кладовочки, быстро огляделся, открыл дверь, схватил два ведра с патронами и устремился к лестнице. Из дальнего конца коридора навстречу ему выкатилась каракатица. А у него, как назло, обе руки заняты. Она была не одна. Но положение спас шериф. Они с Питером уже откатили люк, и шериф тремя точными выстрелами прикончил гадину. Лори влетел по лестнице, и друзья тут же захлопнули люк.

– Ну и как у нас обстановка? – поинтересовался Лори, вернувшись на наблюдательный пункт.

– Бьются насмерть. Упорные, – ответил Дымок.

Лемур нахмурил брови и вдруг звонко хлопнул себя ладонью по лбу:

– Да что ж мы сидим-то?!

– Ты предлагаешь выйти во двор и присоединиться к одной из противоборствующих сторон? – поинтересовался Питер.

– Нет! Фотоаппарат! У меня же есть фотоаппарат! Представляете, сколько будут стоить снимки живых динозавров?! Это же беспрецедентный случай в зоологии!

– Эта фраза из первой серии моего любимого фильма, – как бы между прочим, заметил Дымок.

– Не важно, из какой серии, важно сделать побольше снимков, – и опрометью бросился в кабинет. Однако снять ему удалось лишь финальную сцену. – Не жилец парень, – отметил он, сокрушенно вздохнув, что все так быстро кончилось. Всего полсотни снимков и пять минут видео.

– Да, здорово они его обработали, – согласился Джон.

Бегун покачиваясь, направился к лесу, но пройдя восемьдесят семь ярдов, упал, истекая кровью.

– Считайте трупы, – приказал Джон.

– Зачем? Мы же не знаем, сколько их было.

– В самом начале я насчитал ровно дюжину.

Но трупов оказалось одиннадцать.

– Очевидно, последний за ангаром валяется, – решил шериф.

– Ну что, рискнем? – предложил Лори. Надо торопиться, пока тихо, а то еще кто-нибудь прибежит. Запах крови для них, что валерьянка для кошек. А Питеру срочно в больницу надо.

– Да, я думаю обстановка благоприятствует.

Лори повернулся к Малышу Гамми:

– Малыш, слушай мою команду: возьми в комнате ноутбук с блоком питания и догоняй нас. Мы ждем тебя у левого люка. Не мешкай, дорога каждая минута. Назначаю тебя старшим ответственным за сохранность компьютера.

– Есть! – мальчик метнулся в комнату, а Вилли упавшим голосом промямлил:

– Ну вот, теперь нам точно крышка.

Лори осторожно выглянул в окно и в удивлении прошептал:

– Это доисторический дикобраз что ли? Мать вашу, здоровый какой! Да еще с хоботом!

– Это танк, – пояснил Вили. – Что тут непонятного.

– Танк?! – Лори уставился на собеседника, строго сдвинув брови, словно определяя, шутит он, или в открытую издевается.

– Да это тот самый танк Гека Финна, – про который я вам рассказывал.

– А ты, значит, Том Сойер?

Вили помедлил и нехотя ответил:

– Ну да, это мой ник.

– Однако, – глубокомысленно и вразяжку произнес Лемур, не желая воспринимать несуразное недоразумение, даже неподдающееся классификации, за полновесную боевую машину.

Какая-то непонятная конструкция представила их взору. Словно озорные дети, увлеченно играя в конструктор, дали волю еще не зажатой в угол фантазии и на игрушечный двухместный джип прилепили башню, две пары дополнительных колес и совершенно неуместную клетку из черных матовых уголков. Но, не успокоившись на этом, дети понавтыкали в решетку штырей, которые торчали в разные стороны совершенно бессистемно, и были, как заметил Лори разной длины. Да, танк был колесный, а величиной не больше, да что там, даже меньше двухместного джипа (марка!) Первая и четвертая пары колес не касались земли и были значительно меньше основных. По всей видимости, они служили для облегчения преодоления естественных и искусственных препятствий. Ствол пушки, или что там торчало из башни, так же выглядел неординарно, поскольку из башни выходили два ствола, через три фута они сливались, а еще через два фута, ствол расходился, как бойскаутский горн, широким раструбом. Из такой пушки можно стрелять только жидкими, или газообразными зарядами. К такому умозаключению пришел Лори.

То ли выискивая жертву, то ли приняхиваясь к обстановке, он поводил пушкой из стороны в сторону.

– Самоуничтожение – это единственная область, где человечество достигло совершенства, – глубокомысленно изрек Питер, рассматривая творение человеческого гения.

Мужики отпрянули от окна и в растерянности посмотрели друг на друга.

– Это и есть ваш хваленый танк? – уточнил Джон.

– Да, это Сержант. Теперь нам точно крышка! Двумя выстрелами он сравнивает дом с землей, а бежать нам некуда.

«Да, бежать нам некуда, – мысленно согласился Лори, – В подвале – скорпионы, в лесу – динозавры. В бункере можно было отсидеться, но туда не добраться. Обидно. Очень обидно».

– А может тебе поговорить с ним? – предложил Джон.

– Нет, – сокрушенно покачал головой профессор, но тут же, ухватив дельную мысль, немного воспрянул духом, – Хотя, подождите. Я думаю, он не уверен, что мы в доме, иначе начал бы палить издалека. Поэтому нам лучше не высовываться.

– Это точно, – в кои веки согласился с ним Лори.

Танк остановился около фургончика, отвернул пушку на корму и принялся мигать фарами.

– Это морзянка, – сообщил всем присутствующим удивительную новость шериф.

– Да, морзянка, – согласился Лори, и на душе у него заметно полегчало, – Это Оголец.

Он шагнул к окну, но Вилли ухватил его за рукав:

– Подожди! А вдруг это Сержант хочет нас спровоцировать?

– Но Сержант же не знает, что Пятый – Оголец, – возразил Лемур.

– Да, не знает, – не сразу согласился профессор и отпустил рукав Лори.

Тот подошел к окну и помахал рукой. На башне танка открылся люк, из него высунулся... действительно Оголец и помахал в ответ лапой.

– Вот те раз! – удивился Вилли, – Он что, может управлять танком? Но я же его не учил!

Лори посмотрел на него и улыбнулся, с чувством превосходства:

– Поверь, он еще не то может.

Танк подкатил к углу дома. По водосточной трубе и карнизу, Оголец проложил свой путь к друзьям, и тут же попал в крепкие объятия Лемура.

– Жив, бродяга! – радостно выдохнул Лори.

Нездоровый вид Питера сразу же насторожил старого друга. Он обнюхал Броуди Старшего и расстроено покачал головой.

– Да, – согласился с ним Лори, – нам срочно надо в больницу.

И они изложили Огольцу план своих действий. Оказалось, с ним можно легко объясняться на пальцах. Точнее, он прекрасно понимал все слова, а вот отвечал знаками. Старый друг одобрил их замысел, но прежде вызвался произвести разведку. Лори снабдил его на всякий случай пистолетом Стечкина и запасной обоймой к нему.

Оголец так же по трубе спустился на землю, вошел в дом с парадного крыльца и, пройдясь по коридору в обе стороны, вернулся к друзьям, знаками показав, что бегунов внизу нет.

Наталья РУБИНШТЕЙН

Родилась 6 июня 1938 года в Ленинграде. Незадолго до этого её отец Наум Овсеевич Альтварг, сотрудник ленинградского НКВД, был арестован по обвинению в работе сразу на несколько иностранных разведок. Приговор оказался не расстрельным, но вне семьи он в общей сложности провёл двадцать лет. Вернувшись из эвакуации в Ленинград, окончила школу и филфак Герценовского пединститута. Работала в музее А.С. Пушкина на Мойке. В середине 70-х вместе с мужем Борисом Рубинштейном, физиком и диссидентом, эмигрировала в Израиль. Там работала в русскоязычных журналах и издательствах. Затем поступила на работу в русскую службу Би-Би-Си. Сейчас живёт в Лондоне.

ЧЕЛНОК ПАМЯТИ

9 МАЯ 1945 ГОДА

Мама сказала, что если по радио будет объявление о победе, то меня непременно разбудят. Я послушалась и заснула. И они, мама с тёткой Леной, действительно меня растолкали, одели и усадили за большой длинный стол, который накрыли в коридоре нашей гостиницы для эвакуированных на улице Виноградова в Алма-Ате. Все обнимались и целовались, как будто вдруг стали друг другу родные, смеялись и плакали без всякого перехода. Теперь, подумала я, начнется опять «довойна». Так, в моём тогдашнем сознании жизнь делилась на ту, которую я знала, и в которой определяющим словом была «война», и на ту, о которой рассказывали старшие, – «довойна». До войны – говорили они – мы жили в Ленинграде. До войны была жива бабушка. До войны у нас в комнате стоял диван, такой широкий, что ты (я, то есть) могла с ногами улечься на нем поперек. Кстати, когда мы наконец добрались до этой комнаты с диваном, я первым делом примерилась: ничего подобного – ноги торчали наружу. Разочарование полное. Могла бы, правда, и тогда сообразить: я сильно выросла за четыре военных года.

Был салют, мы смотрели на взлетающие россыпи цветных огней с крыши. И возвращались за стол. Мне поставили рюмку, первую в моей жизни. Маленькую зелёного хрусталя чашечку – с напёрсток – на длинной прозрачно-белой ножке с широким опять же изумрудным основанием. И налили в нее сладкого вина. И я выпила за победу со взрослыми. Чувство счастья, большого, общего со всеми, переполняло меня. Оно было незамутненным. Семья наша, которую за два года до того мамин старший брат Генрих невероятными стараниями стянул вместе из разных концов страны, не была представлена в полноте. Генрих, военный корреспондент, и его жена Валентина, военврач, были на фронте. Их сын Боря, мой родной двоюродный брат, восемнадцати лет, уже был в Москве, в Литинституте, и кажется, даже уже и арестован, или, может быть, это случилось несколько позже – некого спросить (*Двоюродный брат Натальи Борис Пузис был арестован в 44-м, 18 лет ему исполнилось в вагонзаке по пути в Норильлаг. – Прим. редактора*), а мой собственный отец, которого я не видела, не помнила и помнить не могла, потому что его отняла у нас тюрьма за пять недель до моего рождения, оставался в лагере, на

лесоповале, в Краслаге. Но хорошо ребёнку! Никакие тени не омрачали моего восторга. И пели песни: «Землянку», и «Тёмную ночь», «В далёкий край товарищ улетает...» и самую тогда мою любимую: «Артиллеристы, Сталин дал приказ, артиллеристы, зовёт Отчизна нас. Из многих сотен батарей, за слёзы наших матерей, за нашу родину – огонь! огонь!..»

Мне было без месяца семь лет.

«КЛИМУ ВОРОШИЛОВУ ПИСЬМО Я НАПИСАЛ»...

Было такое стихотворение, которое знал наизусть каждый советский дошкольник, лет так начиная с трёх. Его сочинил еврейский поэт Лев Квитко в 1936 году, и тогда же Самуил Маршак перевёл его на русский язык. Ну и на музыку его положили тогда же и пели в детском саду. Значит, написано стихотворение (шестнадцать строк всего) от лица маленького мальчика, у которого старший брат уходит в армию, и он по этому поводу обращается с письмом к военному министру:

*Климу Ворошилову письмо я написал:
Товарищ Ворошилов, народный комиссар!
В Красную Армию нынешний год,
В Красную Армию брат мой идёт!*

*Товарищ Ворошилов, ты, верно, будешь рад,
Когда к тебе на службу придёт мой старший брат.
Товарищ Ворошилов, ему ты доверяй:
Умрёт он, а не пустит врага в Советский край!*

*Слышал я, фашисты задумали войну:
Хотят они разграбить Советскую страну.
Товарищ Ворошилов, когда начнётся бой –
Пускай назначат брата в отряд передовой!*

*Товарищ Ворошилов, а если на войне
Погибнет брат мой милый – пиши скорее мне!
Товарищ Ворошилов, я быстро подрасту
И встану вместо брата с винтовкой на посту!*

Всего в 16 строк уложились и патриотический восторг дошкольника и его готовность отдать за родину и свою и братнину жизнь.

Поскольку этот стишок был затвержен практически с рождения, первая строчка звучала как формула и внушала мысль о том, что обратиться с письмом к Климу Ворошилову есть самое обычное и плёвое дело. И я поддавалась соблазну, перепутала искусство с жизнью и в четвёртом классе написала Ворошилову письмо.

Дело в том, что в 1950-м году на углу Маяковского и Жуковского на месте развалин разбомбленного в войну многоквартирного дома выстроили новую школу, образцово-показательную сталинскую гимна-

зию: фасад с барельефами, просторные рекреации, большой физкультурный зал и актёрский зал с настоящей сценой и кулисами. Нам рассказала учительница Ирина Николаевна Рейнке, что в доме, стоявшем тут до войны жила ее родственница Марина Николаевна с мужем Николаем Корнеевичем Чуковским, сыном патриарха нашей детской литературы. Николай Корнеевич и сам был писатель. И дом, в котором они с женой жили до войны, и его разрушенный остов с роялем, застрявшим между перекрытиями, он описал в романе «Балтийское небо».

Теперь ленинградские власти очень гордились новой только что отстроенной школой. В газете очень эффектно выглядели ее фотографии рядом с видом разрушенного дома. Так сказать, как было и что стало. К нам без конца водили знатных посетителей. Кого мы только не видели здесь! Самого Раджа Капура! Самого Ива Монтана! Но это потом, потом...

А пока что нас только что перевели в новое здание сто семьдесят первой школы из тесной захудалой сто девяносто восьмой, где два человека едва могли разойтись в узком коридоре, где и спортзала не было никакого, а уж актёрского зала и подавно. Это помещение вообще не годилось для детского учреждения. Впоследствии его много лет занимало отделение милиции.

И вот нас торжественно в белых фартуках перевели из старой школы в новую. И что-то такое сказали, чтоб вели себя особенно примерно и оделись как можно аккуратней, потому что днями нашу школу собирается посетить правительственная делегация во главе с самим Климентом Ефремовичем Ворошиловым.

Вот тут-то у меня в мозгу и щелкнуло, и зажглось желание написать письмо Ворошилову.

Ворошилов в 1950-м году уже не был министром обороны. Он был заместителем председателя Совета Министров СССР, даже не первый заместитель – один из. Но я не разбиралась в чинах и званиях. К нам в школу придёт один из главных советских руководителей. И я хочу попросить его о помощи.

Помощь, с моей точки зрения, требовалась моему отцу. Еще во втором классе я нашла у мамы в шифоньере копию его судебного приговора и прочла от начала до конца. В 1938 году отца судило Особое совещание и навесило ему восемь лет. Конечно, это не могло быть ничем иным как ошибкой, случайной несправедливостью. Мама с тёткой много раз при мне говорили отцу, что он должен просить о пересмотре. Он отказывался довольно решительно. Вот тут-то я со своим письмом и подспею на помощь. Кто ж лучше меня знает моего отца? Мне, пионерке, непременно поверят.

Я беру двойной листок и весь вечер тружусь над письмом. «Дорогой Климент Ефремович! – пишу я. – Я хочу Вам рассказать о своем отце. С ним случилась беда, и только Вы можете помочь нам обо-

им...» Что-то такое, в этом роде. Письмо – увы! – не сохранилось. Я бы дорого дала, чтобы увидеть и перечитать его сегодня. Но начало, мне кажется, я помню. Я рассказывала о своих разговорах с отцом, о его детстве, о книгах, которые он мне приносит, о фильмах, которые мы смотрим вместе... Я писала и переписывала несколько раз самым лучшим своим почерком. И, в конце концов, пошла спать в смятении, не решив, как поступать, наверняка.

Утром в школе действительно какое-то напряженное ожидание. Идут... Идут... Идут... Довольно большая группа мужчин и женщин проходит по классам, заглядывает в спортзал и на урок пения в актовом. Ворошилова мы, конечно, хорошо знаем по портретам, но был ли он сам в этой группе – вот я не поручусь. Ближе не подойти. И я понимаю, что отдать письмо в собственные руки не удастся. Я стою в коридоре возле какого-то стенда со злополучным листком в руках и готова отказаться от всей затеи. Самый хвост делегации, какие-то женщины, проходит мимо меня. Одна останавливается:

- Тебе чего, девочка?
- У меня письмо...
- Ну давай!..

Зачем, зачем, зачем я отдала ей письмо? Что теперь будет?

Пара уроков проходит в памороке (*паморок – пасмурная сырая погода. – Прим. редактора*).

После четвертого приходит секретарша директрисы и зовёт к ней в кабинет.

Что-то будет?

Тут я хочу нарушить ход повествования, чтобы сказать несколько слов о директрисе, о Евдокии Александровне Акимовой, потому что другого случая не будет. А сказать о ней стоит.

Всегда в синем двубортном костюме, с гладко зачёсанными волосами, всем своим видом она воплощала грозность. Одно ее появление в зале обеспечивало тишину. Если она вставала у входа вестибюле – тишина устанавливалась на всех четырех этажах. Она вела неуклонную борьбу за скромность, под которой понималась стёртость облика. Она посыпала девочек под кран, если видела завивку, у нее в шкафу был пузырёк с ацетоном для тех, у кого покрашены ногти, ей было дело до наших ног – и тонкие прозрачные чулки запрещались – могла и домой отправить «за – как это называлось – непотребный вид».

Она у дверей встречала опоздавших. Я опаздывала часто. И помню правило: «Три опоздания – оценка по поведению за четверть снижена».

Но зимой 1953 года я попала на горячем и, сидя в приемной возле ее кабинета, ожидала расправы. Мне тогда очень хотелось научиться свистеть, заложив в рот четыре пальца, настоящим разбойничьим посвистом. У знакомых мальчишек и даже некоторых девочек выходило отлично. А у меня –

никак, просто сип один, просто сип. И вот утром проходя вестибюлем, я, уже заранее зная, что ничего не получится, сунула четыре пальца в рот и вдруг – к ужасу своему – раскатилась заливиистой дробью. Это был чистой воды визит-эффект, потому что мне никогда не удалось добиться того же результата вторично. Но тут на хулиганский посвист выскочила секретарша Клара, взяла меня за руку и усадила в приемной возле двери директорского кабинета: «Подожди-ка. Тобой займутся».

Я сидела довольно долго. Уже и урок начался. Директрисе было, видимо, не до меня. Она разговаривала по телефону. Дверь была закрыта непрочно. Всё было отлично слышно.

– Нет, – сказала Евдокия Александровна, – нет. Никаких митингов, никаких таких обсуждений в этой школе не будет, пока я тут директор. Это дело сложное, тонкое и не детское. Школа находится в Дзержинском районе, в центре города Ленинграда. Здесь учатся дети многонациональной советской интеллигенции... Нет, не только евреи. Есть армяне, есть татары, есть немцы... Дети могут быть травмированы... Я, знаете, человек старого закала... Нет, я подчинюсь только письменному приказу...

Я отлично понимала про что разговор. О противоправительственном заговоре врачей-убийц газеты сообщили 13 января. Истерия нарастала. У папиной сестры Ольги, участкового врача с большим стажем, лечились дети, а порой и внуки ее давних пациентов. Вдруг они стали бояться у нее лечиться. Очередь перед кабинетом растаяла. Мама говорила, что вот-вот потеряет работу... И потеряла, в конце концов. В классе я не чувствовала враждебности, но была напряжена и знала, что какие-то разговоры происходят в моё отсутствие.

Евдокия Александровна положила трубку, вышла из кабинета и увидела меня.

Она удивилась: «А, ты здесь?.. Всё еще здесь? Ну, ступай в класс, иди работай...»

Вот теперь я вернусь из 1953 года в 1951 и докончу историю про письмо Климу Ворошилову.

Директрисы не было в директорском кабинете. На ее месте сидела незнакомая мне тетенька, вроде не злая.

– Лимонаду налить? – спросила она и, не дожидаясь ответа, подала мне стакан. – И еще вот тут мандарины, печенье – угощайся... Тут ко мне попало твое письмо к Клименту Ефремовичу. Но дело это серьезное. Прежде чем передать, я хочу поговорить с тобой. Скажи мне, ты совершенно сама написала это письмо?

– Сама, – ответила я.

– И тебе никто не помогал?

– Никто. Я никому не сказала.

– Вот и твои учителя говорят, что ты развитая на-

читанная девочка, вполне могла сама справиться...
А кстати, почему ты не сказала об этом родителям?

Я задумалась: в самом деле, почему?

– Ну, я боялась, что они бы мне не разрешили.

– А почему ты думаешь, что они не разрешили бы?

– Не знаю. Сказали бы: не лезь не в своё дело...

– Могли так сказать. И, может быть, они были бы правы?

Я молчала. Что тут скажешь?

– Смотри. Это очень серьёзный шаг. Он касается твоего отца, всей твоей семьи. Между тем, ты, маленькая девочка, не можешь предусмотреть всех последствий. Поэтому давай сделаем так: ты покажешь письмо родителям и спросишь у них разрешения. Разрешат – вот тебе конверт с моим адресом, отошлешь мне – я дам ход письму дальше. Договорились?

Я кивнула головой, и мы распрощались. Я очень хорошо поняла скрытый смысл всей беседы: никуда это письмо отправлять не нужно. Еще решат, что папа меня настропалил. Выйдет хуже... И родителям я ничего не собираюсь рассказывать. Я поняла преподанный урок и была за него благодарна. Была благодарна тогда и остаюсь благодарна теперь.

Письмо Климу Ворошилову я разорвала на мелкие кусочки и утопила в унитазе.

Вот потому оно и не сохранилось.

МОИ ОТНОШЕНИЯ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ

Теперь я думаю, что, конечно, были дети, которых учили в семье не смиряться с негодной действительностью, и, если это были стойкие натуры, семья оказывалась сильнее школы. Но гораздо чаще в семьях боялись объяснять детям расхождение передовой теории с нашей ежедневной практикой: неизвестно где и что может ляпнуть ребенок. Прецеденты были. Многие недоумения возникли у меня, как и у других сверстников, очень рано, и очень рано мы поняли, что объяснения придется добывать самим.

Дети вообще очень быстро набираются ума. Вот пример из гораздо более поздней и мягкой эпохи – не из моего детства, из детства моего сына. Год эдак 1970. Дане пять лет. В понедельник утром по дороге в детский сад они с Борисом обсуждают виденную в воскресенье в Русском музее картину Бруни «Медный змий»: Моисей, евреи в пустыне, сорок лет в пути, наказание змеями за безверие и сомнения, Медный змий – по рекомендации Всевышнего – как средство для исцеления, ну и так далее... И вот Данька у самой калитки останавливает отца: «Стоп, папа. Это разговор не для детского сада». Никаких таких инструкций он дома никогда не получал. Но про разделение сфер жизни догадался рано и правильно.

Нет, я не могу похвастаться ранней политической зрелостью. Хотя от первоначальных дней я знала, что у нас в семье свои скелеты в шкафу. И знала о них гораздо больше, чем хотелось взрослым: из-за скупости жизни в одной комнате, из-за любопытства, заставлявшего меня рыться в их бумагах и прислушиваться к не мне предназначенным разговорам. Ничего романтического – позор и несчастье. И мне, болтунье, экстравертке и активистке, и в голову не пришло никогда этими тайнами с кем-нибудь поделиться.

Я была очень советская девочка.

Если папа приезжал на три дня в Ленинград из своей тихвинско-красавинской ссылки – пресловутый сто первый километр от больших городов был ему предписан паспортным режимом после лагеря – они с мамой непременно шли в театр. Я, поклявшись – честное пионерское под салютом! – лечь в десять, читала себе до двенадцати, до курантов и гимна, а потом ныряла в постель: до прихода родителей было уже близко. Но вот хоть это честное пионерское ничуть меня не стесняло, а под гимн я вытягивалась в ночной рубашке по стойке смирно и отдавала салют. Почему? Я пытаюсь себе объяснить это сегодня: честное пионерское – вещь детская, гимн – часть взрослой серьезной жизни, заслуживающей серьезного отношения. Так что ли? Я и сама не знаю.

Советское и антисоветское как-то существовали разом в моей голове, словно одно полушарие мозга думало одно, а другое – другое.

Конечно, я считала, что мне необычайно повезло родиться в самой лучшей, самой передовой и самой справедливой стране, как об этом мне рассказывали ежедневно в школе, по радио и в газетах. Ведь я могла родиться где угодно – негритянкой в Америке, нищей крестьянкой в Аргентине. Меня обижали бы, заставляли работать, не давали б учиться... Представляю себе: я заболела, а у родителей нет денег на врача... Страшно подумать!

Когда мы вернулись из эвакуации, потолок в нашей комнате был весь в разводах, как контурная географическая карта. Знаменитые темно-зеленые обои линкруст – помните Маяковского: «раздался хруст – упал линкруст» – с рельефным изображением дубовых ветвей с листьями и желудями – отстали от штукатурки, обломились по верху до середины стены. И до первого ремонта, когда их заменили простыми бумажными с неярым орнаментом, мы жили в полуголых стенах лет пять, и я не отказывала себе в удовольствии отколупать еще один дубовый лист с желудем.

В первую послевоенную зиму мама ходила на работу в галошах, надев на ноги две пары толстых собственной вязки носок – ботинок у нее не было. Я бегала в школу в валенках, тапочки в портфеле, с шести лет умела лихо, по-солдатски, наворачивать портянки. Платье для школы из крашенной ею самой фланели сшила мне мама, и пальто из ворсистого бабушкиного пледка тоже.

Она очень старалась, художественной штопкой «в ёлочку» вычинила мне чулки на коленках и завязала банты в косы, и мы с ней вместе подкрасили носки туфель черными чернилами. Но выглядела я все-таки так, что в первый же день занятий классная руководительница дала мне два талона на получение обуви и платья на складе. Талоны назывались ордерами. И мама была счастлива: «Наточке по ордеру выдали ботинки и матроску».

Как-то зимой мы с мамой ехали в трамвае. Пальто на маме было не только что довоенное, но думаю, что и до-арестное (а папу арестовали в начале апреля 1938 года, за два месяца до моего рождения), лисий воротник на нем был вытерт до мездры. Ехали стоя, в совершенно сплюсненном виде. Вдруг поднялся пассажир и уступил нам место: «Садитесь, гражданочка с дочкой». Другой пассажир прокомментировал: «Да, и дамочка, и лисочка были когда-то очень хороши».

Между тем, я очень удивилась бы, если бы кто-нибудь сказал мне, что мы бедны. Мы были более или менее как все, а соседи, настоящие пролетарии, семья кровельщика, пять человек на 14 метрах, против наших 24-х на двоих, считали нас даже богатыми и буржуями – за пианино и книжки.

Сосед был мужик неплохой и работающий, но, напившись, впадал в раж, кричал, что лучшую площадь захватили враги народа и евреи, хотя они, как и еще две семьи, жили в конфискованных у родителей комнатах. Однажды он швырнул в маму огромным паровым утюгом, в резном боку которого просвечивали горящие угли. Не попал, к счастью. Но на стене в коридоре долго оставалось выжженное пятно.

Я боялась соседей, старалась не выходить в коридор. В уборную – только бегом, точно за мной гнались, и надо было успеть зажечь свет, подпрыгнув до высоты выключателя, раньше, чем ухватят за плечо. Игра отчасти, конечно. Но замешана она была на страхе. После истории с утюгом я вообще, придя из школы домой, запиралась на ключ в комнате. Грызла сухой компот, а под кроватью держала ночной горшок – до самого маминого прихода. Ни стеснением, ни притеснением, ни нарушением провозглашенного равноправия мне это не казалось.

Или вот еще – процедура заполнения данных в классном журнале. Это делалось каждый год, вслух и при всем классе. Я по списку почти всегда первая, редко вторая. Начинают с меня, когда класс еще полон сил и любопытства, не потерял интереса и не устал от подробностей.

- Фамилия?
- Альтварг.
- Имя?
- Наталия.
- Отчество?
- Наумовна.
- Год рождения?
- 1938.

– Национальность?

(Надо сказать очень спокойно, без выражения: «Еврейка». Тут нас в классе добрый десяток, ну нет, не десяток, человек, может, семь. И все они напрягаются при моих ответах и ждут очереди отдуваться.)

– Фамилия-имя-отчество отца?

– Альтварг Наум Овсеевич.

(Шорох, шелест, выдох, вдох, шевеление за партами.)

Зинаида Васильевна (подняв ко мне взгляд от журнала):

– Твоего дедушку звали Овсей? Странное имя, никогда такого не слышала.

Знала бы она, что это уже облегченный вариант для документов, так у папы в паспорте, а деда звали Ошер, а папино имя Ноах. Представляете, что бы было у нас в классе, если б я сказала: «Альтварг Ноах Ошерович»? Ладно, папу проехали. С мамой – я точно знаю, что сейчас будет, я почти теряю голос. Но так еще хуже. Я стараюсь громко: «Маму зовут Розалия Борисовна Пузис». – «Как-как?» – «Пу-зис». Общее веселье. Зинаида Васильевна собирает губы в куриную попку – не позволяет себе смеяться. Зачем, зачем мама не поменяла фамилию, когда вышла замуж за папу?

Как в тумане докладываю про место работы родителей: мама – начальник планового отдела треста «Ленсвет», папа – заведующий экономическим отделом торфопредприятия «Красава» Тихвинского района Ленинградской области. «Твои родители не живут вместе?» – Что мне ответить Зинаиде Васильевне? – «Они живут вместе, только папа работает под Тихвином. Он приезжает, когда может». Реплика с места: «Там, наверное, платят больше». – Какие все-таки продвинутые девочки в нашем четвертом «Г» классе! Я никогда бы не додумалась! К счастью, судимостью и лесоповалом классный журнал не интересуются. Проехали.

Про ненависть к пионерлагерю я могла бы распространяться долго.

Я только не умею отковать это так, как когда-то, жизнь назад, мой ровесник Владимир Британишский отлил в формулу свое отношение к школе: «Запах школы мне ненавистен. Но не выветрится – хоть умри». Я понимаю его. И за что – тоже понимаю. Но я не разделяю этих чувств. По мне, так в пору нашего детства вокруг было много чего хуже, мрачнее и бессмысленнее школы. Все-таки там немало происходило интересного – и почти каждый день. И люди, и книги, и встречи, и дружбы – все оттуда.

Одинокая и беспризорная после уроков, я была больна тяжелым синдромом неухода из школы. Бродила по коридорам, заглядывала на занятия старшекласников-кружковцев. Меня не гнали. В 1949-м, в юбилейный пушкинский год, я прибилась к Пушкинскому обществу, отделение которого организовала в нашей школе Ирина Николаевна Рейнке,

дальняя родственница или свойственница семейства Чуковских. Там младшими были семиклассники, но я хорошо показала себя на школьной викторине по Пушкину, и мне простили мой четвертый класс за начитанность.

По-моему, я влюбилась в Ирину Николаевну – высокую, статную, седоголовую. День считала пропащим, если не удавалось попасться ей на глаза и поговорить. Мы с ней поставили с нашими девочками «Русалку». Она дала мне читать Блока. А до этого я только и знала с папиного голоса: «О доблести, о подвигах, о славе...».

Нет, в школе, особенно поначалу, было неплохо. Но вот пионерлагерь...

Я однажды, в полном отчаянии, стала рассказывать о том, как мне там жилось, двоюродному брату, старшему меня одиннадцатью годами. Взрослым бы не стала – бесполезно, но Боря был хоть и взрослый, но как-то еще не до конца. И он оправдал доверие. Он убедил маму с теткой на посылать меня туда больше и забрал к себе на дачу, под Москву, в Малаховку. Он сказал: «Лагерь есть лагерь, хоть исправительно-трудовой, хоть пионерский». А ему было с чем сравнивать.

Наш лагерь вовсе был не из худших, это был лагерь для детей сотрудников Ленинградского университета. Но я не умела жить в общежитии. Я все делала медленнее всех и хуже всех. Густые волнистые волосы у меня доходили до бедер, и я не справлялась с ними по утрам. И кровать заправить лихо по-солдатски не получалось, простыня выбивалась из-под одеяла, старшая девочка, дежурная, трижды заставляла переделать и с отвращением заканчивала opravку моей койки сама. Из-за этого я всегда опаздывала к подъему флага на линейку, стояла в позорном ряду нарушителей. А если случалось, запыхавшись, успеть в строй вовремя, вожатая встречала меня словами: «Поразительное дело, Наташа сегодня не опоздала!» Еще хуже!

В школе тоже, конечно, бывали крутые денечки, когда, например, по расписанию физкультура. Проклятый прыжок через козла! Но там удавалось по временам получить у врача на пару недель освобождение. И потом там не одна физкультура. Я все же неплохо училась, ладила с классом, была на хорошем счету.

А в лагере – из последних последняя – ну, просто пария. Девчонки меня терпеть не могли, и в душе я признавала правоту их отношения: куда мне до них!

Я была, во-первых, очень домашняя, а во-вторых, невыносимо книжная. А они были закаленные жизнью маленькие бабенки, хваткие и умелые. Они знали, что разутюжить мятую ленту можно, накрутив ее в мокром виде на круглую металлическую трубку изголовья кровати. А чтобы разгладилась юбка, ее надо аккуратно разложить на ночь под матрацем. Они умели отстирать пятно с сарафана. Я ходила, не замечая того, в грязном. И у них ничего не

терялось, а я каждый день искала то зубную щетку, то гребенку, не говоря уже о носовых платках. И починить они могли оторвавшийся карман или рукав в два счета. К ним приходили старшие мальчики, просили пришить пуговицу.

Как большие, они обсуждали про любовь, ухмыляясь и хихикая: кто с кем и что когда. Они просекали жизнь насквозь, и я умирала от отвращения и накрывала голову подушкой, чтобы не слышать их вечерних пересудов в палате.

Конечно, я была мамина дочка, еврейка и гогочка.

Хуже, чем ко мне, относились только к Яне Милх. Тоже еврейка, и даже, на мой взгляд, – невозможно противная, готовая брать на горло и всегда бороться за лучшее место у окна в спальне, лучшую горбушку при раздаче, первое место при входе в кинозал и тому подобное. Однажды после какой-то стычки ее с палатой, мы с ней вдруг оказались одни. Она посмотрела на меня понимающе, ожидая сочувствия. Я не спешила его выражать. Она обвела пустые кровати презрительным полным превосходства взглядом: «Как прожить сорок дней среди этих фонек?!»

Я – показалось мне – вот сейчас, прямо сейчас потеряю сознание от тошноты, подступившей к горлу. Я никогда не слышала этого слова раньше. Но немедленно и наверняка поняла его мерзкое значение. И то, что я так безошибочно поняла его с одного разу, как-то и меня роняло на одну доску с нею.

Яну мама с бабушкой забрали в первое же воскресенье. Я избежала прощанья с ней. Без нее все же стало немного лучше.

О СОВЕТСКОЙ ИДЕЙНОСТИ

Однажды, в середине второй четверти шестого класса я перестала ходить в школу. Вышло это совершенно против моей воли. Просто обстоятельства так сложились. Непереносимым для меня образом. Шестой класс – это значит 1951 год. Школа отдельная, в классе только девочки. Советская вселенная неколебима. Непокколеблена во мне, ленинградской пионерке и школьнице. Хотя как сказать...

Опять же еврейство это самое. Заявленное равноправие и каждодневные его нарушения. Принцип не задавать вопросов старшим, потому что всё равно правды не скажут, уже сформирован. Доходить своим умом. Пережитки, конечно. Остатки проклятого прошлого.

В той моей (нашей) жизни всё делилось на правильное и неправильное. Мы жили в лучшей в мире стране. Так нам повезло. Могли по недосмотру судьбы уродиться в Америке при проклятом капитализме. Но выпал счастливый билет – и мы (я и мои сверстники) родились через двадцать лет после революции, вымечтанной многими поколениями до нас, при самом справедливом общественном строе.

Мы читали книги, написанные классиками. И они подтверждали: жизнь была скверная, несправедливая, полная вражды и жадности, унижительная для простого человека. А теперь мы строим будущее – заповедную страну свободы, равенства и братства.

Если что у нас пока не так, если бедность и теснота, то это потому, что СССР на стройке, во-первых, и еще потому, во-вторых, что недавно случилась большая война, многое разрушено и теперь у нас период восстановления народного хозяйства. И вождь, конечно, у нас – Вождь... Одним словом, повезло...

Были правила жизни, правила поведения. Их диктовала наша социалистическая действительность: нельзя задаваться, нельзя жадничать, нельзя читать всё подряд, потому что и книги бывают хорошие и плохие, вредные, неправильные... Вот тут начинаются нарушения. Я как раз читаю всё подряд. В том числе старые дореволюционные книжки со старой орфографией, с ятем и ером, с и-с-точкой и фитой. Мама мне показала эти буквы. Она покупала для меня в магазине старой книги книжки своего детства, эту самую «Золотую библиотеку»: «Маленький лорд Фаунтлерой», «Голубая цапля», «Маленькие мужчины» и «Маленькие женщины», «Серебряные коньки» повести Лидии Чарской... Я знаю: эти книги не переиздают, потому что они устарели, сентиментальны и бесполезны – или даже вредны... Насчёт сентиментальности я, пожалуй, согласна, но сквозь них проступает другая жизнь, незнакомая: Америка середины 19 века, старая Голландия, российский институт благородных девиц... И разве не странно: все эти книги написаны женщинами...

И стихи тоже... Вот Элка Лямина, самая маленькая по росту в классе, приносит стихи собственного сочинения: «Полночной порою в болотной глуши / Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши. / О чем они шепчут? О чем говорят? / Зачем огоньки между ними горят?...»

Я в восторге. Вечером делюсь восторгом с мамой. Мама достаёт сборник «Чтец-декламатор» за какой-то мохнатый дореволюционный год и находит там это стихотворение. Оказывается, его написала не Элка Лямина, а за 56 лет до нее (в 1895 году) некто Константин Бальмонт. Я узнаю красивое слово «аллитерация». Я хочу читать это стихотворение на утреннике. Но мама не советует: считается, что это декадентские, унылые, упадочнические стихи, у нас их не одобряют... В этом «Чтеце-декламаторе» почти все стихи такие. Я легко запоминаю их наизусть. И они – стыдно сказать – мне нравятся. Я начинаю собирать такие стихи в тетрадку.

Опять же – о Вожде. Его портреты всюду, даже в бане. У некоторых моих соучениц он и дома на стенке. У нас, конечно, нет. Я не спрашиваю старших: почему. Я стараюсь сама ответить себе на вопрос: почему к о н е ч н о? На мой последний день рождения мне как раз подарили небольшой фарфоровый

бюстик Вождя. Почему я испытала неловкость, развернув этот подарок? Почему так многозначительно и понимающе переглянулись мама и тетя? Почему этот бюстик сам собою исчез к концу дня, чтобы никогда более не появиться, и о нем между нами не было сказано ни слова? Разве мама и Лена против Вождя? Конечно, нет, они всецело – за. Но есть (объясню я себе) разные области жизни. Есть область публичная, официальная: портреты, плакаты, горн и барабан, одним словом – Красный уголок. А есть – домашняя, частная, приватная: старые фотографии, вышитая скатерть, кровать с шишечками, черная бархатная ширма, большой фарфоровый тюлень на пианино. Безвкусно и бесстильно смешивать звонкую ясность Пионерской комнаты, где бюстику самое место, со скромным миром частного семейного жилища. Правда, вот барельеф Пушкина, которым меня наградили в 1949 году на юбилейном конкурсе, и он почему-то в домашнюю обстановку вполне вписывается...

Но временами происходит полное сокрушение моего стройного ясного пионерского мира, которому я, конечно, принадлежу с потрохами.

Иногда, когда папа приезжает на побывку со своего сто первого километра, они с мамой вечером уходят в театр или в гости. Я обещаю поужинать сама и лечь спать в десять. Но на деле я праздную свою свободу, читаю и слушаю радио – какой телевизор? и в помине еще нету! – до полуночи. А в полночь – гимн: «Союз нерушимый...» И вот я вскакиваю, наскоро повязываю поверх ночной рубашки пионерский галстук и стою навытяжку под салютом во всю длину гимна. Это я присягаю на верность всему, чему меня научили быть верной. Так мне кажется правильно.

Бывает, однако, что гости приходят к нам. Редко, но бывает. Мама подкалывает булавкой к самодельному оранжевому абажуру сегодняшнюю газету – это чтобы свет не падал мне на лицо. Моя кровать отгорожена черной бархатной ширмой с прекрасными лилиями. В ширме я уже давным-давно провертела гвоздем дырочку для наблюдения. Сейчас главное – закрыть глаза, не дрожать веками и дышать ровно. «Ну, всё, – говорит мама удовлетворенно: – теперь ее пушкой не разбудишь!»

Приходят младшая папина сестра Люба и ее муж Абраша, Абрам Исаакович Рожанский, по профессии адвокат. Ему нелегко в профессии – диплом у него от Варшавского университета, и ему приходится обзавестись еще одним – советским. (Кстати сказать, ему пришлось и в третий раз сдавать адвокатские экзамены в третьей стране, когда в середине семидесятых он с семьей переехал в Израиль. И он сделал это, на выученном языке, в свои 63 года!) Он работает в Областной юридической коллегии. И все его рассказы за круглым родительским столом – про дела, которые он ведёт на станции Рахья в Ленинградской области... Судят женщину за бидон

молока, который она унесла с колхозной фермы для голодных детей. А другую – за колоски, подобранные на уже выкошенном поле. А кого-то – в лагерь за опоздания. А тут запутанное дело, когда убийство свалили на случайного и беззащитного, чтобы сын начальника вышел сухим из воды. И везде грязь, запустение, хамство и нищета. Этого не может быть! Это не в нашей стране!.. Это какая-то злокозненная Америка, это нечестно... Мой стройный мир разбит, и я засыпаю на его руинах.

Я прекрасно всё это помню и поутру. Я еще не решила, что мне делать со всеми этими открытиями. Но есть утренний распорядок: одеться, умыться, завтракать... Мама уже уехала на работу. Радио: «Утренняя гимнастика» – «Переходите к водным процедурам» – радиогазета «Пионерская зорька...» Мой привычный мир за себя постоял: строят плотину... сажают лесозащитную полосу... знаменитый шахматист играет со школьниками на тридцати досках...

Ну, может быть, в этой тухлой Рахье всё не так пока еще. Там отсталость и сплошные недостатки. Но это нетипично – вот оно, важное слово! – в целом же жизнь прекрасна и удивительна... Я выздоровела от ночного кошмара. И можно жить дальше.

В итоге, у меня образовалось, как бы это сказать, особое устройство головы: правое полушарие думало и понимало одно, а левое – совершенно другое. Слова «двоемыслие» я тогда еще не знала. Но это было оно.

Я пыталась здесь объяснить, какой идейно невинной – с некоторыми изъятиями – я была, когда в середине шестого класса вдруг не смогла ходить в школу. Не знаю, сумела ли...

Нет, всё-таки еще пару вещей, чтобы вы знали, с кем имеете дело зимой 1951 года. У нас в классе некоторое время учились две девочки-переростка Зина Ханина и Тамара Федотова, отставшие в школьном образовании из-за войны. Они были года на три старше нас. А это в подростковом возрасте очень много. Черноглазая тощая Зина Ханина была даже и для своего возраста, что называется, дылда. А уж среди нас смотрелась просто как коломенская верста. Высокая, нескладная, сутулая, она уже стеснялась ходить в пионерском галстуке, и он торчал у нее из портфеля. Но у меня же на рукаве две нашивки – председатель совета отряда, идейность и активность бьют из меня ключом. Изо дня в день я вытаскиваю из Зининого портфеля алый галстук и заставляю надеть его. Она вздыхает и подчиняется. Ненадолго. Понимает ли она всю меру моего тупого следования прописям? Но хуже всего то, что однажды я застаю Зину в уборной, где она пытается заменить галстуком лопнувшую подвязку для чулок. Я устраиваю ей нахлобучку за такое святотатство. И она в слезах убегает домой.

Как-то я паршиво чувствую себя после этого. Наверное, не стоило так... А как? Сходить к медсестре, попросить бинт подлиннее... Не догадалась... Рань-

ше надо было думать... Теперь мне стыдно смотреть на Зину, и я оставляю ее в покое с ее галстуком. А вскоре ее определили учиться в швейное училище, и мы простились с ней. Мне кажется, я стала осторожнее в отношениях после этого случая.

Теперь сама история.

Был у нас классный час. То есть это такой урок, который целиком отдан классному руководителю для обсуждения с народом общих дел. Обычно, это последний урок на неделе. И наша классная Веруша-Втируша завела про подкаски и списывания. Ну, нечестно же! Я же говорю: пионерский активизм бил во мне ключом. Обсуждать, вообще говоря, было нечего. А надо, – сказала я, – бороться за абсолютную честность во всем. И тут из-за парты позади меня негромко, но отчетливо прозвучало: «А эта могла бы и помолчать, раз у нее отец шпион...»

...Так, наверное, себя чувствует воздушный шар в момент, когда его прокалывают булавкой. Воздух из меня вышел. Никто вроде ничего не понял, или не слышал, или не заметил. Но я осеклась и села за парту. На одну минуту. Только собрать книжки и пенал положить в портфель. Кто-то словно диктовал мне, что делать. Я встала... Веруша как раз обсуждала что-то с девочками, сидевшими у окна. Я взяла портфель и боком вышла из класса. Ясное дело: сюда я никогда не вернусь. Никогда.

Утром я поняла, что надо уйти, как обычно. Иначе вечером соседи доложат маме. И я ушла, но пошла в противоположную от школы сторону. В кино? Но денег у меня не было. Болтаться на улице зимой – неуютно и холодно. Я дошла до районной библиотеки на Литейном. Туда мы несколько раз ходили с мамой – меняли книжки. Меня узнала библиотекарьша. Я бодро наврала, что учусь во вторую смену и пришла посидеть в читальном зале до начала занятий. Я набрала журналов и книг и, прощаясь – ради правдоподобия – около двух часов дня, потому что вторая смена начиналась в половине третьего, сказала, что буду приходить часто. Кроме библиотеки, я ходила в музей-квартиру Некрасова там же на Литейном, и постепенно выучила ее наизусть не хуже экскурсоводов.

Так продолжалось дней десять, а потом всё раскрылось, к моему даже, я сказала бы, облегчению, потому что в бутылку залезть еще можно, а вот как вылезти из нее – это вопрос. Веруша-Втируша позвонила маме на работу спросить про мое здоровье. И потом даже пришла к нам домой. Они обе понимали, и мама, и училка, что произошло нечто неординарное, если их активистка и отличница вдруг прогуляла полторы недели. Они хотели выяснить: ЧТО?

Но я не могла сказать им это, ни обеим вместе, ни маме наедине. Упрямое молчание не стоило мне ни капли мужества. Я просто не смогла придумать подходящий ответ, а правду сказать было невозможно. Я стояла на своём: просто надоело ходить в школу. А маме сказала, что если от меня не отстанут,

я выпрыгну в окно. Мама про окно не поверила. Но мало-помалу от меня отстали.

Я вернулась в школу. Там всё было по-прежнему. Ники Томилиной, сидевшей позади меня, к моему облегчению, не было на уроках. Главная новость, волновавшая класс, как раз ее и касалась. Младший Никин брат Леня несколько дней назад умер от скарлатины.

Я озиралась по сторонам. Не видно было, чтобы кто-либо подхватил ехидную Никину реплику и теперь стал бы допытываться до смысла. Пропустили мимо ушей. Мало ли как у нас дразнят друг друга. Я осталась, как и раньше, один на один со своим пятном, со своей семейной тайной.

Дня через три я шла домой из школы, и меня нагнал и пошёл рядом со мной незнакомый взрослый.

– Ты Наташа Альтварг?

– Да...

– А я – папа Ники Томилиной, Владимир Николаевич меня зовут. Ты вот что... Мне Ника всё рассказала... Она, понимаешь, слышала наш разговор с матерью, но мозгов-то еще недостаточно, не всё понимает... Я до войны с твоим отцом вместе работал, услышал от Ники твою фамилию... редкую... Ну и сказал что-то матери при Нике. Она, Ника то есть, поняла, что ты из-за нее в школу ходить перестала. А тут такое дело. Сынок у нас умер. Ника и вбила себе в голову, что это из-за нее, из-за того, как она про твоего отца при всех сказанула. Свредничала. Ты вот что: учись спокойно. Ника в эту школу больше не пойдёт. Мы вообще переезжаем – мать здесь оставаться без Лёни не может. А ты учись, расти, отцу привет передай. Скажи: еще не вечер. Всё еще переменится...

И он быстро пошёл прочь...

Это я рассказала про свою советскую идейность образца 1951 года. А теперь – в виде постскриптума – расскажу, как она во мне кончилась. Конечно, были крутые годы – 1952 и 1953 с делом Еврейского Антифашистского Комитета, с делом врачей, с борьбой с космополитизмом, со смертью вождя и ходынкой после его смерти. Тут не захочешь, а поумнеешь. Но и на 1956 год я всё еще, по обидному маминому выражению, «общественная ложка», комсорг 10-го выпускного класса и член комитета комсомола школы. Между прочим, эта общественная позиция привела меня в райком, где активу зачитали целиком весь доклад Хрущева на Двадцатом съезде «О культе личности и его последствиях». Рядовым комсомольцам-школьникам полагались только выдержки из него. Потом меня показательно не приняли в университет. И вся советская идейность во мне расшаталась и рассыпалась. Доклад Хрущева мы слушали в марте, а в сентябре того же 1956 года я стала студенткой Педагогического института имени А.И. Герцена. Глубокой осенью, уже после поездки на уборку картошки, мы, как было велено, остались после занятий

на первое комсомольское собрание курса. Предстояло выбрать комсомольское бюро. Был довольно слякотный и уже тёмный день. Хотелось домой. И вдруг кто-то из мальчишек громко предложил: «Давайте выберем всех толстых!» Аудитория радостно заржала... А я почувствовала внезапное освобождение. Словно кто-то разорвал обруч, стягивавший мой череп. Вот оно! Вот как надо к этому относиться. Только этого оно и стоит! Я выскользнула из зала и отправилась домой, не интересуясь голосованием. И больше никогда, никогда никаких постов и лычек. Рядовой необученный – наилучшая позиция. На переходе из института на работу в школе я вообще не встала на комсомольский учет и за несколько лет до срока выбыла из комсомола – и из советской идеологии – навсегда.

В разговоре с одним знакомым вдруг всплыла давняя история о не то двоюродном, не то троюродном папином родственнике. И.Ц. был крупный военный инженер, хорошо известный уже в конце 20-х годов. Научные степени, воинские звания, военные награды – своим чередом. В конце сталинского правления он преподавал фортификацию в Военной академии в Ленинграде. Слушатели у него были не ниже подполковника. В его кабинете висела рельефная карта Советского Союза с объёмными, поверх карты наклеенными буквами. Отпустив после занятий очередную партию слушателей, хозяин кабинета вдруг заметил, что на карте из названия города Сталинград выпала (отвалилась? или была вредительски отковырена?) буква «р». А без неё однозначно получалось нечто чудовищное: «Сталин гад». ИЦ задёргался: как поступить? – написать рапорт по начальству или приклеить отпавшую букву на место и забыть? А вдруг это уже видели слушатели? Так написать рапорт? Или просто приклеить? В конце концов, написал рапорт. И был обыск, и арест, и срок. Правда, сидел недолго. Сталин умер довольно скоро. В конце этого рассказа папа всегда добавлял: «А потому что трус. Учён да не умён».

СРЕДИ ОТКАЗНИКОВ

Накануне нового 1972 года в Ленинграде закончился процесс по делу об угоне самолета группой евреев-отказников. Два смертных приговора – Эдуарду Кузнецову и Марку Дымшицу, остальным 12 – длинные лагерные сроки. Мы уже были больше года в глубоком отказе. Боря – без работы. Дане семь лет. Рутику – два. Боря вырезал из Вечорки заметку о приговоре, наклеил на картонку и зажал между двумя стеклами чешской книжной полки.

«Теперь мы обязательно уедем», – сказал он. Мама возмутилась: «Борис, вы хорошо думаете, что Вы делаете?» – «А что такое, Розалия Борисовна, поставить за стекло заметку из советской газеты

пока еще не запрещено». – «Ну, вы же понимаете...» – «Не понимаю...»

Мы уехали только через два с половиной года, оставив – как говорил БР, цитируя Куприна, шерсти клоки на заборе. Боря дважды сопровождал Мусю Черноглаз в ее поездках в Мордовию, на лагерное свидание с мужем. Отказники собирали деньги, посылки, кое-что приходило из Израиля. Нас тогда сблизило с многими людьми. Они заняли место в нашей жизни, казалось, навсегда. Потом выяснилось, что только на время – до отъезда. Вблизи героическое сопротивление выглядело иначе, оно было сплавлено с бытом. Я так и не написала тогда документальный рассказ «Дележ посылки». Но очень хотелось. И втуне пропали горькие слезы и причитания одной отказницы над нарочно расколоченным при отправке в щепки мебельным гарнитуром итальянского производства.

«Худший день моей жизни», – рыдала она, а ее муж и ее брат оставались в лагере. В самом движении, где наградой были полновесные лагерные приговоры, полно было фанфаронства и амбиций: кто главный и на каком месте стоит в коллективном письме чья подпись. Однажды во время обсуждения очередного письма протеста Боря довольно язвительно пошутил. Его одернули: «Мы здесь серьезным делом заняты!» – «Это мне что-то напоминает. А-а, я уже слышал это на комсомольском собрании».

Отказники раз в неделю набивались в нашу крохотную двушку на Гаврской ради телефонных звонков из Израиля. Они курили в нашем некурящем доме, заполняя окурками чайные блюдца и цветочные горшки, не обращая внимания на кашлявших и не спавших детей. Холодильник быстро как-то сам собою пустел – дело было вечером, люди приходили с работы, приглашения к угощению не ожидали. Никто особенной деликатностью не отличался. Все, как у себя дома. Мне даже сперва нравился этот протестный обиход.

Были забавные случаи. Были ничтожные. Везти ли лыжи? Имеют ли цену марки? Пианино? А кухонный комбайн? Простыни лучше белые, или с полосой?

Одна замечательно милая женщина приходила поговорить с уже уехавшим физиком ЮМ. Она рассказала следующую историю. Когда ЮМ подал на выезд, по тогдашней абсурднейшей процедуре собрание сотрудников его лаборатории обсуждало его характеристику для предоставления в ОВИР. Характеристика полагалась всякому, отправлявшемуся за границу – морально устойчив, крепкий общественник и т.п. Но имелось в виду, что ее дают командировочному или туристу, за возвращение которого ручается коллектив. Зачем нужна была характеристика тому, кто заведомо покидал и коллектив, и страну? А вот за тем, чтобы подвергнуть его унижительной процедуре публичного осуждения. Однако сотрудники лаборатории любили ЮМ и говорили о нем с теплотой

и уважением. ЮМ был средних лет физик, страшно одаренный, но в самом начале своей карьеры схлопотавший 4 года за перепечатку стихов из «Д-ра Живаго», изъятых из его рабочего стола, и по отбытии срока с трудом находивший работу. Начальником лаборатории у него был еврей, карьерист и трус, державший ЮМ ради статей, которые подписывал с ним как полноправный соавтор. Но тут, видя, что сотрудники рвения в осуждении не проявляют, сдрейфил и стал требовать немедленного увольнения отступника. Кто-то из публики сказал: «Уволите, а работать кто будет?» Начальник ответил: «Найдем десять других – будут работать». И вот теперь одна из сотрудниц ЮМ, как мне казалось тогда, слегка в него влюбленная, рассказывала ему в телефон: «А у нас ревизия была из Москвы. Сказали – лабораторию закрыть за отсутствием результатов. И Скворцов сказал ехидно Виктору Моисеевичу: «Ну что, ВМ, десять жоп одной головы не заменяют?»»

30 ЯНВАРЯ 1968

Дело в том, что я была на «Встрече творческой молодежи» 30 января 1968 года среди этих 250-300 молодых людей, заполнивших, несмотря на отсутствие предварительной информации, зал. Я пришла с Таней Галушко, которой, как и другим, – Бродскому, Марамзину, Довлатову, выпадало выступать нечестно. Было большое возбуждение и ощущение общего подъема, острота редкостного события, смутного предчувствия, что оно не повторится, и риска, и тревоги, что оборвут, и ожидания, что продолжат... Никто из тех, кто сегодня описывает этот вечер, не напоминает один немаловажный эпизод, который свидетельствует, что вихри враждебные веяли уже во время события. Внизу была выставка картин Яши Виньковецкого.

Это были – так осталось в моем ощущении – писанные эмалевыми красками живописные вариации на темы русских икон. В перерыве выяснилось, что кто-то не то написал поперек одной из картин, не то приколот к картине – уже не помню – некий текст, который как раз память сохранила дословно: «А жидам писать русские иконы строго воспрещается». Точно того же содержания записка была передана на сцену, и после перерыва Таня Галушко вылетела с этой запиской в руке на просцениум: «Того, кто напакостил внизу, на выставке, и прислал сюда хулиганскую записку, я прошу предъявить залу свое лицо и повторить написанное им вслух». И после паузы: «Но у подлеца нет лица!» Только это и омрачило праздник в тот день.

Через несколько дней, на работе, Таня показала мне машинописную копию «Заявления», доноса, который теперь известен всем по «Невидимой книге» Довлатова. Кстати, когда я это прочла напечатанным в 1978 году, я внутри себя осудила автора: это была

некоторым образом негласная информация (что копию доноса не только прочли, но и имели у себя все упомянутые в нем лица) и не стоило побуждать контору искать место утечки. Я, конечно, спросила Таню: откуда? Если она и знала на тот момент то, что сегодня рассказывает Яков Гордин, то этими сведениями делиться не стала. А может, и сама знала не больше моего. Но ответ у нее был. «Рона», – сказала она. Рона Зеленова, верная танина подруга, занимала какую-то должность в ленинградском горкоме комсомола и вполне годилась на роль «своего человека» в верхах. Но Танька была лихая фантазерка и могла домыслить все, что угодно. Если, например, мы с ней вместе ходили в кино, и потом она при мне пересказывала картину другим, у меня возникало ощущение, что нам с ней показывали разные фильмы. Возможно, что и здесь она достроила авантюрную фабулу, чтобы было интереснее. Не говорить же «сама не знаю» или, еще того хуже, «знаю, да не скажу»...

ЖИЛЕТ, ПОРТРЕТ И КАБИНЕТ... ПЛЮС ДИВАН

Летом, когда наплыв экскурсантов чудовищно велик, экскурсоводы изнемогали от жары, усталости и раздражения от вопросов типа: «Где у них здесь была кровать?», «Как правильно говорить: Дантес

или Данзас?» и «Была ли на Дантесе кольчуга?» Сохранность столь небольшого музейного объекта, каким была Квартира Пушкина на Мойке, 12 в шестидесятые годы, не велит пропускать в день больше определенного числа людей. Мы выходили на жару или в дождь под ворота к публике, готовой нас линчевать, и тихо и старательно объясняли, когда и почему закроемся и кому уже не стоит сегодня маяться в очереди. «Окопались тут, – сказала плотная взмыленная экскурсантка и придвинулась ко мне вплотную, достав из-под блузки приличных размеров нателный крест (жест уже возможный, но еще нетривиальный в 60-е годы), – окопались тут, а я вот Пушкина, по паспорту я, понимаешь, Пушкина, фамилия моя Пушкина, а сюда из-за тебя пройти не могу». Саня Лурье, выпускавший в эту минуту из дверей свою, как всегда, притихшую от его повествования группу, буквально прикрыл меня своим телом и принял атаку на себя. Он владел какими-то гипнотическими умениями.

В этих трудных условиях сложился тип краткого показа квартиры – только самое главное и броское, за двадцать минут, чтоб человек ушел, поставив галочку: «Были. Видели». Формулу этой экскурсии оформила в рифму Марина Бокариус, молодая наша сотрудница, женщина такой строгой и чистой красоты, что посетители не раз спрашивали: «А вы не родственница Натальи Николаевны?» «Подожди меня,

Мойка-12. Жилет, срезанный с раненого Пушкина

Мойка-12. Кабинет Пушкина со знаменитым диваном

– говорила Марина,– пойдем вместе. Мне только одну группу. Я мигом, ты знаешь – жилет, портрет и кабинет...»

Жилет был, конечно, главной из немногих подлинных реликвий. Его, разрезав, сняли со смертельно раненного Пушкина. Бурные следы крови были отчетливо видны на подкладке. Сколько раз ни увидишь, когда открывают витринку для проветривания вещи, столько раз волнуешься.

Почти каждую осень город заливало наводнением, ну, не таким как в 1824 или 1924 году, но вполне ощутимым, вода, бывало, захлестывала низкие окна подвальных этажей, а иногда добиралась и до бельэтажа. Какое-то из наводнений конца 60-х было особенно злостным. Погода сильно портилась уже несколько дней, наводнение не было неожиданно, но все-таки мы оказались к нему не готовы. Ночью, когда музей был закрыт и безлюден, вода поднялась уж очень высоко и затопила комнаты. Поутру оказалось, что без серьезной чистки и уборки музей открыть нельзя, что вода и грязь стоят и в витринках с личными вещами – и в той, что с жилетом, и еще в другой – с детской крестильной рубашечкой пушкинского первенца. Вещи приводили в порядок, мыли – с осторожностью, чистили, обращались к специалистам. Помню слова нашего шефа Семена Семеновича Ланды: «Это уже другой жилет, не тот, что был раньше, это уже жилет без пятен пушкин-

ской крови. Уже и не реликвия почти». Историю эту, как могли, спустили на тормозах, наверх не докладывая. Жилет и рубашечку привели в порядок и положили на место. И потекли людские толпы как ни в чем не бывало: «жилет, портрет и кабинет...»

И вот теперь сенсация – тот диван, диван эпохи, который всегда стоял в экспозиции кабинета, оказался тем самым, подлинным, на котором умер Пушкин. Это установлено исследованиями и анализом обнаруженных на нем частиц крови, сверкою их с той кровью, что на жилете... Что они там с чем сличали? В заметке говорится, что 99 процентов за то, что диван подлинный пушкинский и кровь на нем настоящая... Но, боюсь, что я в данном случае держусь за один процент.

НАСТАВНИКАМ, ХРАНИВШИМ ЮНОСТЬ НАШУ...

Жанр некролога оказывается нестерпимо властным. Не увернуться. Не отвертеться. Не отложить на потом. Из свежей пробоины начинает бить артезианский луч памяти, но его пригибает приличие, норма, этикет. И они диктуют отбор. Посмертная маска все же сохраняет черты лица, с которого снята. Персонаж некролога почти не имеет соприкосновения со своим прототипом. Но состоит в родстве с персона-

жем предыдущего некролога. Память жанра сильнее просто памяти. Все наросты, узлы, уродства, корявости стесаны. Вместо ствола – столб.

Что-то такое происходит и со всем нашим прошлым, еще не остывшим, знакомым до последнего закутка, как родная коммуналка, но уже поступившем в обработку на прозекторский стол мемуаристов и историков. И его очертания на глазах меняются. Идет процесс окоченения – превращение живого тела в труп. Это, с одной стороны, дает представление о том, что останется от нас потомкам, а с другой – приоткрывает, с чем мы сами имеем дело, обращаясь к тому, что считаем историческими свидетельствами. Эмигранту, у которого временная дистанция усилена пространственной отторженностью, это особенно нестерпимо. Тире между годом рождения и годом отъезда уже было репетицией ухода из жизни. Уже тогда прошлое было законспектировано, законсервировано и закопано вглубь в виде капсулы, с девизом – не забывать и не открывать. И только на этом условии жизнь, запнувшись и едва не сорвавшись, продолжилась и готова была без помех протекать сквозь безразличное будущее. Хорошо жить с замороженной душой. Если б она еще никогда не отмерзала...

Так и пишут, что на Западе, вне тисков советской цензуры, его творческая деятельность с новой энергией рассыпалась веером по всем конференциям и симпозиумам мира. И размаха, говорят, хватило и на всю Европу и на всю Америку. И на триумфальное возвращение в любимый город – уже в последнее десятилетие. И это почти что правда. Но тут очень важное слово «почти».

Конечно, он нас ужасно подвел тем, что взял да вдруг и умер, оказавшись подвластным всеобщему закону. А мы-то надеялись, что он окажется исключением.

Я, конечно, говорю о Ефиме Григорьевиче Эткинде. Прошлым летом в Петербурге, в Малом зале филармонии, обветшавшем и обтерханном, хоть и со следами былой красоты, он стоял, привычно вбирая кафедру в свои объятия, без бумажки, вне регламента. Не то чтобы не изменившийся за сорок лет, но тем не менее, все-таки, несмотря ни на что, пусть не такой же. но тот же. абсолютно тот же. меньше всех ограбленный ходом времени... Один из немногих моих учителей...

Всю жизнь я завидую старшим и младшим – им было у кого учиться. Но тем, кому повезло войти в студенческую аудиторию в год двадцатого съезда... К тому же город наш – Ленинград – едва ли не самый в пятидесятые годы запуганный и тухлый во всем Союзе. Ни столичных вольностей, ни провинциального уюта. Выдрессирован проработками, отутюжен постановлениями, затаен в идеологический мундир до остановки дыхания. Так на поверхности. Что под ней – первокурсникам поначалу не видно. В 1956-ом верхнюю пуговицу мундира уже дозволено рас-

стегнуть. Но вот разрешается ли дышать – не ясно. Новые правила игры едва прорезаются. Старые еще слишком хорошо помнятся. Похоже на игру в *Вам бабыня прислала туалет*: «что хотите, то берите, да и нет не говорите, черного с белым не покупайте, о желтом даже не вспоминайте...»

Но мы все-таки отправляемся на бал.

И я выбираю для первой курсовой лирику Тютчева. Милая, добрая знакомая Мария Анатольевна Шнеерсон едва не плачет: «Оставьте вы это, деточка – погубите себя навсегда!»

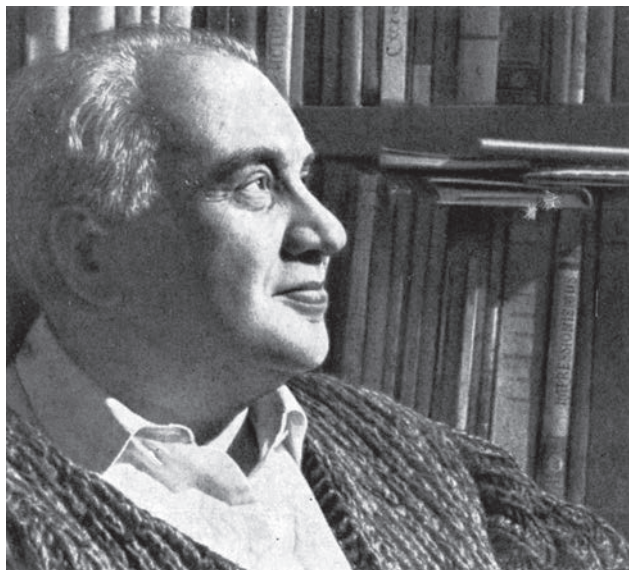
В неразберихе 56-го года, при перекройке гуманитарных факультетов из-за слияния Герценовского с Покровским, единственный раз допустили к студентам – на почасовой основе – Марка Наумовича Ботвинника. Он даже назывался «куратором группы». В чудный весенний день он повел нас на обсуждение первого тома «Всемирной истории» в академический институт на Васильевском. Там докладчик объяснил, что в своем разделе изложил две взаимоисключающие концепции, существующие в науке по некоему вопросу, со всеми имеющимися обоснованиями в пользу той и другой. Поднялась из президиума дама – синий костюм, мужской галстук, перманент – сразу и дама, и ответственный товарищ, и сказала требовательно: «Нам тут не нужно двух точек зрения – нам нужно одну, правильную!» Марк Наумович ехидно и торжествующе, развернулся к нашему выводу: «Вот за этим я вас сюда и привел. Чтоб вы это слышали.»

Кажется, это в первый раз на моих глазах было подвергнуто уничтожению основополагающее для всей нашей жизни разделение вещей на правильные и неправильные.

Марк Наумович, с его сарказмом, колкостями, ядом вольнодумства, кратким тюремным опытом в прошлом и тотальным неприятием всего, что есть в настоящем, был как лампа, при свете которой в пыльных герценовских аудиториях мы смогли разглядеть убогость нашего снаряжения. В его глазах оно ничего не стоило. Трюк, регулярно приносивший мне необходимую повышенную стипендию, не произвел на него никакого впечатления. Трюк состоял в эксплуатации исключительно цепкой на тот момент памяти, позволявшей на короткий срок запоминать дословно виденное, читанное и слышанное. Я без запинки отбарабанила ему ту часть *Судебника Хаммурапи*, что была включена в хрестоматию по Древнему Востоку. На что он сказал со сдавленным неодобрением: «Что ж, нельзя сказать, что Вы прошли курс, но можно – что Вы прочли учебник...»

Я ведь хотела про Ефима Григорьевича Эткинда...

Погодите... До Эткинда еще далеко, мы пока только на первом курсе. У кого мы учимся? Деканат в наши годы и еще лет десять-пятнадцать после, если не случалось справлять первое сентября на картошке, но, как правило, не случалось – картошка начиналась со второй-третьей недели – так вот де-

Наум Яковлевич Берковский

канат заходил первого сентября с козырной карты, и первой лекцией для первого курса было всегда, или почти всегда, введение в литературоведение Дины Климентьевны Мотольской.

Она стояла, маленькая, волосы сзади уложены в две косички корзиночкой (стрижка, сделавшая ее похожей на курсистку – это потом) и вскрывала неожиданно звонким резким, как ножик, голосом печати молчания и умолчания, которыми во множестве была увешана наша тогдашняя жизнь. Несомненно, это было «введение», но только ли в литературоведение?.. Всякое важное событие – Рихтер, Монтан, Пикассо, Смоктуновский, Кафка, Бунин, Бриттен, Жерар Филипп, «Порги и Бесс» – это все культурные зарубки тех лет, – на завтра включалось в яркую речь, обращенную к полудетской аудитории, словно в ней, в аудитории, предполагалось равноправное понимание и сочувствие. Никому не посылали столько записок, никому не задавали столько вопросов, никого не окружали таким плотным кольцом в перерыв. И ни с кем не оставались так надолго – на всю остальную жизнь. Еще и сегодня к дому Дины Климентьевны стягиваются ниточки из разных городов и стран, от ее студентов разных потоков и разного разлива. Все у нас разное, и только одно нас объединяет: то, что именно ею мы были введены в пространство культуры, в пространство свободной дискуссии. По тем временам это было равносильно постановке дыхания.

Чем еще памятно начало студенческой пятилетки? Как тень того, чем она могла быть, но не смогла стать, прошли перед нами по разу большие люди убитой эпохи. Один раз на обсуждении первого тома его монографии о Пушкине мы видели Б.В. Томашевского; другой раз на очередной дискуссии о реализме присутствовали при том, как завкафедрой методики преподавания литературы А.М. Докусов с высоты единственно верной методологии наставлял Б.М. Эй-

хенбаума. Аркадий Семенович Долинин начал было у нас семинар по Гоголю, но после двух занятий оставил его – из-за болезни. В списках литературы не значились ни Гуковский, ни Жирмунский. О том, что Тынянов писал не только романы, мы узнали от Дины Климентьевны. Слово «компаративизм» ещё звучало как бранное. Наш лектор по фольклору доцент Л.С. Шептаев снизил на экзамене оценку студенту, обнаружившему знакомство с книгой Проппа. Это не анекдот. Это время такое было – межеумочное.

Даже те из моих однокурсников, что от руки переписывали стихи Пастернака, не знали имени его двоюродной сестры О.М. Фройденберг, которая скончалась в год нашего поступления в институт чуть ли не на соседней улице. И нам ничего не говорило имя жившей в нашем городе Л.Я. Гинзбург. Только к четвертому курсу настало время лекций и семинаров Наума Яковлевича Берковского, на которые стекалась половина нашего института плюс кое-какая публика из Театрального. Ленинградская филологическая традиция, контуженная расправами конца сороковых, едва начинала оживать и не была нам слышна. Юрий Михайлович Лотман местом её продолжения избрал Тарту. И лет через восемь Борис Фёдорович Егоров пришёл с дудочкой к потерпевшим крушение инвалидам анкетных статей и провел в Ленинграде рекрутский набор для юрьевского университета. Но тогда уже весь пейзаж был совершенно другой. Стали – чем дальше, тем больше – возвращаться из-за

Дина Клементьевна Мотольская

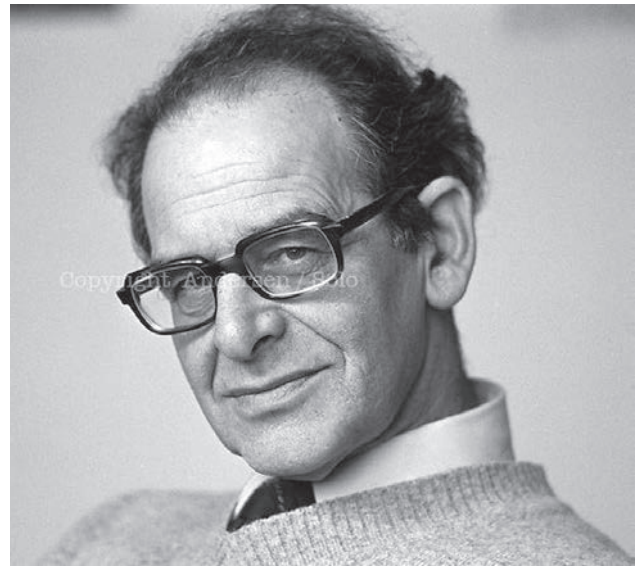

запретной черты люди и книги подспудного времени. Так что младшие уже не были ничьи и ниоткуда, дворняжки без роду без племени. А мы были.

Но, говорят, дворняги, беспризорные уличные псы, остро чувствуя не один только голод, но и недостаток витаминов, умеют отыскать зеленую траву в расщелинах асфальта. Так и мы, сколько себя помню, были заняты добычей из-под официального гудрона того, что было под ним скрыто.

Кажется, на втором или, может, на третьем курсе я стала ходить на практические занятия по анализу французского художественного текста, которые вёл Ефим Григорьевич Эткинд на факультете иностранных языков. По-французски я не знала и десяти слов, так что мне, казалось бы, делать там было нечего. Но не во французском была там сила. Сила была в преподавателе, который без бумажки и вне регламента осыпал аудиторию именами, сведениями, стихами – в подавляющем количестве русскими, привлеченными в качестве параллелей к французскому художественному тексту. И это были не только Тютчев и Баратынский, не только Бунин или Заболоцкий, но и Белый, Кузмин, Ходасевич, Мандельштам, Цветаева. В 1958-59 это был ликбез, верёвочная лестница через пропасть запрограммированного невежества. И столь же важны были широкий жест, артистизм исполнения, интонация доброжелательного превосходства и ироническая улыбка, обращенная не только к слушателям, но, вообще говоря, ко всему – к текстам, их авторам, к переводчикам, к распространенным мнениям и принятым оценкам. Ироническая улыбка сокращала дистанцию между священными текстами и участниками занятий. Большинству до той поры не случалось рассмотреть их со столь близкого расстояния. Эта опробованная в студенческой аудитории особая оптика обеспечила в 1963 году абсолютный успех книге Эткинда «Поэзия и перевод».

Эта книга возникла на пересечении двух кругов его деятельности – научного, филологического, и художественного, переводческого. В каком-то смысле, она подбивает итоги первому десятилетию без Сталина. После войны железный занавес и борьба с космополитами надёжно ограждали нас от бацилл европейской культуры. Нарушители карантина впадали в грех «низкопоклонства перед Западом», и это было тяжкое идеологическое преступление. Низкопоклонством считалось любое упоминание о том, что данное культурное или техническое достижение пришло в Россию с Запада. Очень памятливы шутки из первых оттепельных капустников: «Калоши избрёл тульский оружейник...» или «Футбол – исконная вологодская игра», или «Мы никому не позволим укладывать нашу науку в прокрустово ложе таблицы умножения». Книга «Поэзия и перевод», о перекрестном взаимодействии культур, сигналила, что карантин, хоть, может, и не до конца снят, но значительно ослаблен. Это вообще было время стихов и перево-

Ефим Григорьевич Эткинд

дов, двух скоростных маршрутов возвращения к опечатанному прошлому и отрезанному пространству. Ефим Григорьевич Эткинд был для младших поколений проводником и на том, и на другом.

И тем же глубоким смыслом и лёгким стилем были наполнены вечера, которые он вёл в ленинградском Доме писателей. Попасты на них было непросто, и считалось большой удачей. Это называлось – «Устный альманах. *Впервые на русском языке*». И во-первых, там имели выход к публике вещи, которые пробивались в печать долго и трудно, вроде Камю или Кафки, во-вторых, там дебютировали молодые ленинградские авторы – вроде Геннадия Шмакова или Рида Грачева, в-третьих, там читалась сатира, а она, хотя и зарубежная, вроде Брехта, но воспринималась аудиторией совершенно как своя. И ведущий умело скользил по самой грани между *наверняка нельзя* и *быть может, можно*, и всегда там присутствовал привкус крамолы, над чем так легко потешаться сейчас, но тогда каждый такой вечер казался некоторым завоеванием, особой точкой, достигнутой в борьбе за расширение культурного пространства.

Всё-таки и сегодня не стоит забывать, как ненадолго в России отпускают гайки. К 1968 году погода на оттепельную уже не была похожа. У Ефима Григорьевича – катился по городу слух – возникли неприятности из-за вступительной статьи к двухтомнику в *Библиотеке поэта* «Мастера стихотворного перевода». Не из-за статьи даже, а из-за одного предложения в ней. Приводили и предложение, заострив его – как оказалось, излишне – до формулы: «С середины тридцатых годов русская поэзия на двадцать лет эмигрировала в перевод». Редакция *Библиотеки поэта* трясла за фразу в гораздо более спокойной упаковке: «...между XVII и XX съездами русские поэты, лишённые возможности выразить себя в ори-

гинальном творчестве, разговаривали с читателем языком Гете, Орбелиани, Шекспира и Гюго».

Тогда же, в 1968 году, в Ленинграде было написано стихотворение, к случаю:

*О, иностранцы, как вам повезло,
Вы в переводах гениальны дважды.
Нам открывало вас не ремесло.
Но истины преследуемой жажда.
Благословляю этот плагиат,
Когда, прибегнув к родине иной.
Из Гете, как из гетто говорят
Обугленные губы Пастернака.
Когда дыхание не перевести
От ужасов стоактного «Макбета»,
Что оставалось русскому поэту?
Раскрыть Шекспира и перевести...*

Татьяна Галушко не включала при жизни эти стихи в свои сборники. И Ефим Григорьевич – поразительное дело! – не знал об этом отклике бывшей герценовской студентки на его слова и дела. Я переписала для него это стихотворение уже в эмиграции, лет через десять после истории с *Библиотекой поэта*.

Заступничество Ефима Григорьевича за *тунец* Бродского, его дружеская помощь *литературному власовцу* Солженицыну были действиями того же плана – партизанскими боями в защиту культуры. По-видимому, власть считала его неслабым бойцом, раз она вынудила его уехать. И он был сильно задет тем, что его подшефные нобелевские лауреаты не находили для него впоследствии ни приязни, ни благодарности.

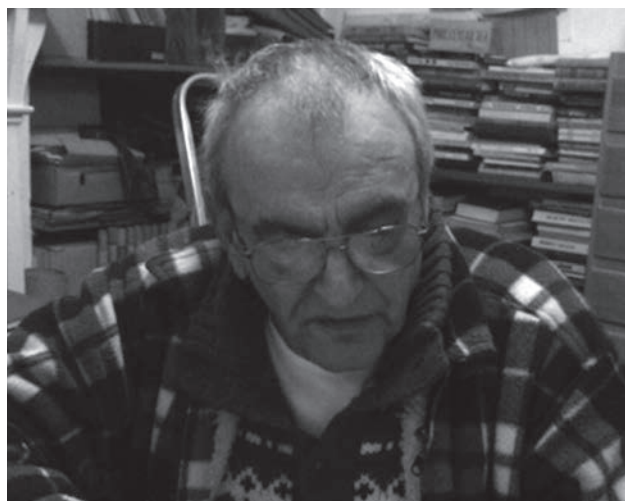
Отъезд из Ленинграда развернул перед ним поновому проблему перевода. Это и есть главная трудность эмиграции – переход не только на другой язык, но и в другой контекст. Он, конечно, более других был готов к этому: этот еврей был русским европейцем, и с Европой у него было все в порядке. Но и он, кажется, не ожидал глухоты, непонимания и отсутствия общего языка с российским эмигрантским самопровозглашенным начальством, с его обкомом, с его узкой мыслью, с его континентом и контингентом.

Он провел в эмиграции четверть века. И в последние десять-пятнадцать лет стал бывать в Петербурге и Москве не реже, чем в Америке или Канаде. Так что можно сказать, что ему удалось не только прямой перевод, но и обратный.

ЕФИМ СЛАВИНСКИЙ

13 августа 2019 года, утром, в больнице, во сне, умер Ефим Славинский. Человек, которого я знала практически всю свою взрослую жизнь.

В начале 1957 года, когда мы познакомились, мне было 19 лет, ему – 21 год. Он был приезжий,

Ефим Славинский

из Киева, поступил учиться в Ленинградский технологический институт холодильной промышленности. Но проучился там недолго – больно уж они друг другу не подходили, Славинский и Холодильный. Потом он вроде долгое время нигде не учился, перебивался с хлеба на квас, женился, разженился, раз, другой...

Потом вдруг оказалось, что этот провинциал, с трудом и долго изживавший в своем произношении южное фрикативное «г», вхож во все самые крутые молодые компании и причастен ко всякому интересному событию в городе. Начитан он был феноменально – даже для нашего поколения послевоенных зазнаек, которое Бродский самонадеянно назначил «самым читающим советским поколением». Самонадеянно, но небезосновательно.

У Ефима был младший брат, смыслом жизни которого была не книга, а мяч, он был подвинут на футболе. Фима описывал его как редкую человеческую особь: «Понимаешь, за всю жизнь он прочёл одну книгу – «Васёк Трубачёв и его товарищи!» В Киеве его одноклассником был некто Имре Серени – человек, которого мы узнали впоследствии – в его и наши взрослые годы – как выдающегося филолога Омри Ронена. Ефим говорил, что при знакомстве был поражен: впервые он встретил мальчика, прочитавшего больше книжек, чем он сам. Но Омри Ронену академическая среда и обширная библиотека были выданы при рождении. Ефим свое книголюбство и книгознатство добыл единолично сам. Отец его был, если не ошибаюсь, типографский рабочий. Многолетняя переписка Славинского с Омри Роненом продолжалась до самой смерти Ронена.

Как обозначить роль и место Ефима Славинского в молодой литературной среде 60-х годов города Ленинграда? Стихов он не писал. Ни прозы, ни воспоминаний не оставил. Меж тем, место его было значительно. Ярчайший представитель среды, как бы срез поколения. Я думаю, если прибегнуть к исторической параллели, из пушкинской колоды выпадет

нам карта – Петр Павлович Каверин, собутыльник Пушкина, которого тот откомандировал в приятели Онегину, сопроводив двустушием: «В Talon помчался. Он уверен, что там уж ждёт его Каверин...» У Пушкина Каверину посвящено несколько стихотворений. И пушкинская формула Каверинского характера без труда прикладывается к портрету моего ушедшего приятеля: «Друзьям он верный друг, красавицам мучитель, – и всюду он гусар».

Конечно, в Фиминном штатском обиходе было много гусарского, и про верного друга своих друзей и мучителя красавиц – тоже с подлинным верно. Красив он, по-моему, был отменно. Впрочем, все они были тогда красавцы, все они – прав Окуджава – поэты. Стихов он знал смолоду несметное количество. Читал их отлично. Как никто. И едва появившийся новый текст приятеля-стихотворца немедленно с машинописного листка перекочёвывал в его бездонную память – навсегда.

Он был дружен со всей ахматовской четвёркой. И со всем их окружением. И с окружением их окружения. В раннюю пору он шел по жизни в некотором сиянии и даже угаре успеха, особенно успеха у женщин. И еще – он был свободен, свободнее всех, кого я знала: свободен от денег, от благополучия, от семейных вериг, от долгих привязанностей, даже от желанья славы... Иногда казалось, что его прославленные и знаменитые друзья ревнуют его к этой абсолютной незавербованности.

Об этом, в сущности, была сложена эпиграмма: «Свистит налево, плюёт направо, всегда без дела Славинский Слава». Слава – это было прозвище, как часто бывает, образованное от фамилии. Ему нравилось.

Это он, Славинский, завёл у нас в городе моду на польский: то есть учить для расширения свободы польский и читать по-польски. Ему это было нетрудно при его владении украинским. И из-под его руки мои знакомые читали в 60-е годы польские журналы, а еще «По ком звонит колокол», многожды рассыпанный в советском наборе, а еще недоступный трактат «Миф о Сизифе» – то, что продавали в книжном магазине стран народной демократии на языках этих стран и что к нам не пропускали по-русски.

О его лингвистической одаренности следует сказать отдельно. В конце концов, он закончил английское отделение филологического факультета. Но к моменту получения диплома он уже владел языком совершенно свободно. Когда я после многолетнего перерыва встретилась с ним вновь на Русской службе Би-би-си, где мы проработали бок о бок почти 30 лет, я сразу вспомнила этот славкин фокус. У него в руках книга. Он читает вслух. И вы, если не видите обложку, никогда не сможете сказать – русская книга перед ним или английская. Читает, то есть переводит, «с листа», как играл бы пианист-виртуоз, без оговорок, без поправок, без помарок.

У него в молодые годы было много приятелей-иностранцев из числа стажеров, студентов и аспирантов.

Он принимал их у себя, приводил с собой в гости к другим, и, может быть, вам сегодня это кажется обычным делом, но это было совершенно не так в 60-е годы в Ленинграде. Иностранцы и иностранки считались носителями заразного западного духа, противопоказанного правильной советской молодежи. Фима снимал комнату в коммунальной квартире. У него, великого аккуратиста, собрался самодельный стеллаж из книг, пришедших с Запада, русских и английских.

Возле двери под ковриком лежал ключ, и всякий – из посвященных – мог зайти почитать даже в отсутствие хозяина. По сути, это была общедоступная вольная библиотека тамиздата. Кончилось это так, как только и могло кончиться, и как – параллели очевидно – могло бы кончиться и сегодня: в 1969 году при обыске у него нашли заранее подложенные наркотики, судили вместе с его двоюродным братом и законопатили обоих в лагерь на четыре года.

Я была на этом суде. Грубость обращения судьи с обвиняемыми и свидетелями (среди которых был Константин Азадовский) была запредельная. Их недослушивали, обрывали и одергивали криком. Но девушки, которых обвинение вызвало в суд, чтобы подчеркнуть аморальный облик Славинского, девушки не подкачали – ни одна не дала нужных суду показаний.

ГЕОРГИЙ БЕН

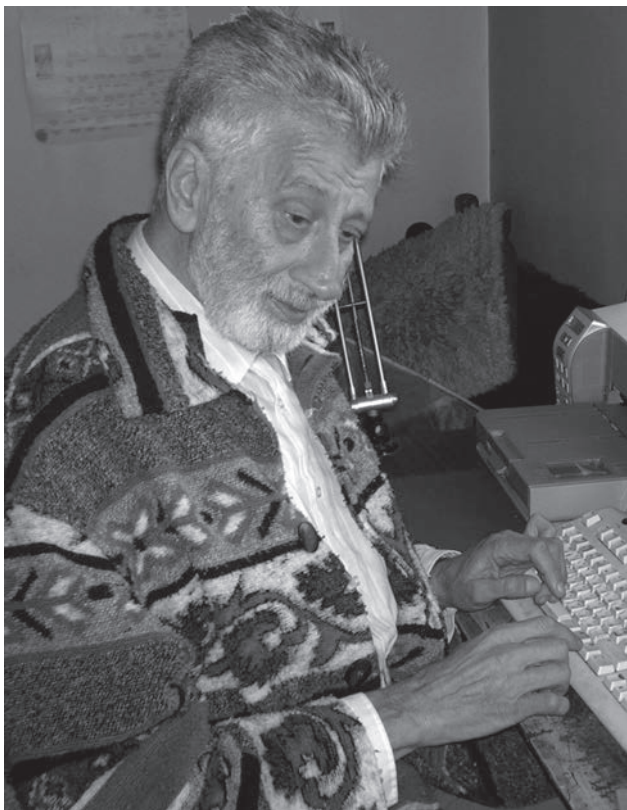
*«Мы любим жизнь и много
Прошли земных дорог;
Но все ж мы славим Бога –
Кто б ни был этот Бог –
За то, что жизнь прервется,
Что мертвый не проснется,
Что в океан вольется
В свой срок любой поток».*

Алджернон Чарлз Суинберн
«Сады Прозерпины»
(перевод Георгия Бена)

Георгий Бен скончался 26 мая 2008 года.

Странная судьба – умереть в Питере, который он навсегда покинул в 1971-м году. Приехать на выход книжки, ненадолго – и помереть. Жора Бен умер в гостях у дочери и внука... А Таня, жена, и подруга, и коллега, была в Нью-Йорке.

Мы с ним ругались как-то раз после его очередной больницы. Дескать, и куришь, и выпиваешь, не бережешься... А он – по всей жизни чемпион упрямства! – твердил свое: если жить, то так, а

Георгий Бен

если не так – то никак. Я возражала: «У Господа Бога в запасе шуток много. Хорошо, если в одночасье помрешь, а если без мозгов и без движенья будешь пускать слюни в кресле...» Вышло, как он хотел. После вечера презентации его книги стихов в Питере он, вернувшись домой, сказал зятю: «Саша, поставь водку в холодильник». Сказал – и через секунду умер.

Мы с ним учились в одном вузе, в Ленинградском педагогическом имени А.И.Герцена. Но он был уже на последнем курсе, а я на первом – пропасть! Джентльмен, небожитель, англист, через каждую руку, как плед, переброшено было по девушке. Долговяз и худ, как два профиля, сложенных вместе, – сказал бы о молодом Георгии Бене Маяковский. Я взирала снизу вверх и издали...

Он занимался в переводческом семинаре у Татьяны Григорьевны Гнедич. Он выступал у Е.Г.Эткинда в устном альманахе «Впервые на русском языке». Он печатал переводы, – больше стихи, но и прозу тоже, – с 1958 года. А в 1971 он уехал в Израиль. И в 1975 мы познакомились с ним и с Таней там.

Сразу были заметны его главные черты: воля трудоспособность, педантичность и доскональность, цепкая приверженность к фактам и подробностям, необыкновенная упертость, не раз приводившая его к стычкам с редакторами.

После Израиля они с Таней проработали несколько лет на «Свободе» в Мюнхене, в отделе но-

востей. Но к 1981 году перебрались в Лондон, на Би-би-си. Более всего, я думаю, ради английского языка, который был жоржиной настоящей любовью. Тут мы встретились через несколько лет, стали вместе работать и задружились снова.

В Израиле я была редактором двух им переведенных книг – «Путешествие по Малой планете» Эммануэля Литвинова (о лондонском детстве русско-еврейского эмигранта из России в 20-е годы) и «Щит Давида» Игаля Алона (книгу по истории вооруженных сил Израиля).

В той библиографии, которую он поместил на своем сайте, почему-то пропущен роман Артура Кестлера «Тьма в полдень», который он перевел в 1975-76 годах для тель-авивского журнала «Время и мы», где я тогда работала. А это была очень важная публикация и для читателей из среды русской эмиграции и для тех, кому по еврейской линии доставки перепадал тамиздат в России.

Это был первый западный роман, написанный на материале сталинских репрессий конца 30-х годов, главный герой имел прообразом Бухарина, и автор, как тогда многие, бился над разгадкой покаянных признаний в несовершенных преступлениях на открытых процессах. По-моему, Кестлер был переведен Георгием для самиздатного хождения еще до отъезда, а в Израиле только доработан.

Жора был поручик-спорщик, иногда несносный, но главное – он был просветитель, и хотя ему приходилось немало работать и по прямому заказу, он, выбирая объект для перевода, имел в виду расширить круг чтения необученных языкам современников. И сборник эпиграмм, и 600 английских афоризмов, и стихи Хилэра Беллока, и что гораздо более редкое дело: перевод книги того же Беллока о Наполеоне, – это все его вклад в межкультурный обмен.

С 1996 года он вновь стал печататься в России. И тут пошли в ход трудовые заделы предыдущих лет. За 12 лет он опубликовал 14 книг. Наибольший успех выпал на долю шекспировского «Короля Ричарда III». Перевод Георгия Бена был издан в Петербурге в 1997 году, а в 2004 поставлен Юрием Бутусовым (в соединении с частями старого перевода А.В. Дружинина) на сцене театра «Сатирикон» с Константином Райкиным в главной роли.

Спектакль заслужил «Золотую маску», а перевод, с замечательно насыщенной вступительной статьей Татьяны Бен, заслужил переиздание и даже принес Бену некоторый гонорар, что его необыкновенно веселило и радовало: гонорар из России!

Книжка этого года стала предметом наших с ним последних телефонных контактов. Но мы же не знали, что они последние!

Я едва вернулась из Москвы – на автоответчике Жора. Ему понадобился мой почтовый адрес. Хорошо зная этого героя, вопросов не задаю, но думаю: чай, книжку подарит. И правда – Уильям Гилберт

«Пензанские пираты. Микадо. Гондольеры» СПб, журнал «Звезда», 2008, с дарственной надписью: «Наташе – бывшей Катише и Инете...»

Уже на первой странице:

*Пензанские пираты на рассвете
На корнуэльском берегу
В своем кругу
Поют пиратский гимн про вольный ветер,
Про то, как в море ясны небеса,
Как бригантины поднимают паруса...*

То есть дух капустника, импровизации, со всем запасом строк и штампов, которыми полна голова переводчика и его возможных читателей, как нельзя лучше соответствовал духу подлинника.

Или из «Микадо»:

*Поговори хоть ты со мной,
О, мандолина семиструнная!
Моя душа полна тоской.
О, где Юм-Юм, подруга юная?*

Эти три переложения знаменитых британских оперетт позапрошлого века были первоначально изготовлены для наших бибисишных радиопостановок. Жора переводил репризы и арии, мы зачитывали их, весьма любительски, в студии, блестящий наш продюсер Лиз Барнс монтировала эти речитативы со звукозаписями знаменитых английских спектаклей. Всем участникам на эту затею отпускали специальный день, свободный от переводческого оброка, и в студии – спасибо Жоре! – царило веселье и шутки. Поэтому Жора и написал: бывшей Катише и Инете – это мои радиороли...

На Би-би-си Жора один мог бы заменить целую смену переводчиков. Он переводил с пулеметной скоростью, а в быстроте письма на машинке (впоследствии на компьютере) мог бы поспорить за мировой рекорд. От него осталась целая полка программ.

Он в последние годы много болел, несколько раз был на краю, но был ежедневно в работе. Гулять ему велели, но это он не умел и не хотел, а машину в последние годы уже не водил. Таня своим ненавязчивым контролем и разными хитроумными приемами продлевала его жизнь, как могла, и пару раз буквально вытаскивала с того света.

Во время последнего телефонного разговора я сказала, что благодарна и рада Гилберту и Салливану в благородном русском печатном воплощении, но больше всего люблю Жорину композицию, сделанную им для радио и поставленную Лиз Барнс уже изложенным выше методом к 60-летию вступления Британии в войну с фашизмом (то есть в 1999 году) по мюзиклу «Мы с моей девчонкой» («Me and My Girl», lyrics by Douglas Furber and L. Arthur Rose, music by Noel Gay).

В 1939-1940 годах на утро после этого спектакля молодые офицеры уходили на фронт, с песенкой Lambeth Walk на устах. И Жора сказал: «Ну, она же сюда не лезла. Может, я еще сделаю отдельной книжечкой...» Это было всего за две недели до его смерти...

ДВА СУПЕРА ДВА

Супер – это, конечно, Гарик, Габриэль Суперфин. Редкий случай, когда детское прозвище так точно легло на разнообразные дарования обладателя. Супер – один-единственный и второго быть не может. Однако, хотите верить, хотите нет, я знала еще одного человека, которого в его дружеском кругу называли точно также – Супер.

Собственно, имя его было Саша. В шестидесятые годы он был эмэнэс (младший научный сотрудник) в каком-то московском НИИ, любил всякие железки, детальки, проводочки и шайбочки, притаскивал их со свалок в однокомнатную квартиру, в которой от этого добра уже нельзя было и шагу шагнуть. Известен он был высокой способностью к разрешению неразрешимых технических, физических и бытовых проблем. Я сперва о нем услышала, а потом его узнала. Рассказывала мне о нем Марья Васильевна Синявская. Рассказывала весело и восхищенно. Этого Сашу привели какие-то общие знакомые, когда МВ, в отсутствие сидевшего в лагере Синявского, затеяла переезд из одной квартиры в другую.

Привели Сашу именно как человека, который может все. Саша блестяще подтвердил свою репутацию всемогущего вершителя практических чудес,

Габриэль Суперфин

и был за то наречен Марьей Васильевной особым титулом: Супермен – герой переезда. И все. Больше его уже не звали Сашей, а звали Суперменом, очень скоро сократив в Супера. В парижском доме Синявских он появился во время последней болезни АД. И был, мало сказать, полезен, был необходим. Тяжелым обстоятельством, пятном на солнце, была способность Супера плевать на все свои дарования, внезапно выскальзывая из работы и жизни. Отчего он не только выше эмэнэса не поднялся, но и вообще отрубился от физики. Но человек был крепкий. Процесс полураспада длился долго, и в светлые периоды он был как прежде: молчалив, остроумен, отменно хорош.

МВ все мечтала познакомить одного Супера с другим. Свести их в одной комнате и представить друг другу: «Познакомьтесь. Супермен. И Суперфин». Я спросила ее как-то, осуществила ли она эту идею на практике. Она задумалась: «Знаете, я так давно рисовала себе эту сцену во всех подробностях, и даже рассказывала кому-то, что теперь уже и не знаю, это было в воображении или на деле. Надо Гарика спросить».

НЕ ДЛЯ НАШЕГО ВОЗРАСТА

С середины 70-х годов я работала для разных русских изданий и издательств, весьма маломощных, в Израиле. Был у нас корректор – Соломон Ефимович Бар-ор. Был он родом из Вильнюса, из хорошей семьи, сын не то лесоруба, не то чаепромышленника, абсолютной воспитанности, абсолютной точности в работе, в сроках, в выполнении даже случайных обещаний, абсолютной корректности в речи – и всегда удивлялся, что мы, тогдашнее молодое поколение, этим его идеальным нормам не всегда соответствуем: распушены на язык, развязны в обращении друг с другом, опаздываем на встречу, заставляем себя ждать. Годами он был раза в два старше меня. Относился ко мне с симпатией – уважал за грамотность и стиль, как он говорил. Он был невысок ростом, со щеточкой усов, делавших его похожим на моржа, одевался не по-израильски, а по-европейски, никогда никаких ти-шорток, дома носил домашнюю блузу летом и плотную коричневую фланелевую куртку с бежевым кантом зимой. Он плохо слышал – последствия детской скарлатины, – и в Израиле стал пользоваться слуховым аппаратом, чего не было в его советской жизни. Глухота, еще больше вынуждавшая его к дисциплине и краткости, отгораживала его от шумного, расхристанного, дурно организованного мира. Все вместе производило впечатление некоторой чопорности. Но работать с ним было – чистое удовольствие.

В 1979 году мы с ним готовили к печати чудную книжку бывшего свердловчанина Владимира Маркмана «На краю географии». Маркман провел три

года в лагерях строго режима, куда его закатали свердловские власти за сионистский активизм. И написал о своем опыте просто, ярко и кратко. Среди прочего, там была такая сценка о взаимодействии лагеря и не-лагеря. Двое заключенных, уголовников, работавшие на мясокомбинате, пообещали старухе с воли, что перекинут ей мешок мяса за пару бутылок водки. Она подошла ночью к ограде, честно прицепила сетку с водкой на спущенный ей крюк и забрала переброшенный через стену мешок. Развязала – а там одни мослы, хвосты, и негодная требуха. Она, было, стала шуметь. Но партнеры по обмену посочетовали не возникать, а то хуже будет: «Вали, сказали, отсюда, старая карга, подобру-поздорову. Рожу, чай, из мудей сшила?..» Вот эта последняя реплика осталась Соломону Ефимовичу неясной. Он обвел в верстке кружком предпоследнее слово и требовательно спросил: «А что оно значит?» Я набрала в грудь воздуху и отрапортовала: «Слово из разряда обценной лексики, чтобы унижить старую женщину сравнением ее морщинистого лица с интимными частями тела ее собеседников». Соломон Ефимович задумался на минуту и задал следующий вопрос: «А вы, – с нажимом на слове «вы», – откуда это слово знаете?» Я перевела дух: «Из книг, Соломон Ефимович, из книг. Всем хорошим во мне я обязана книгам». Он опять помолчал и выдохнул: «Какая же вы образованная!»

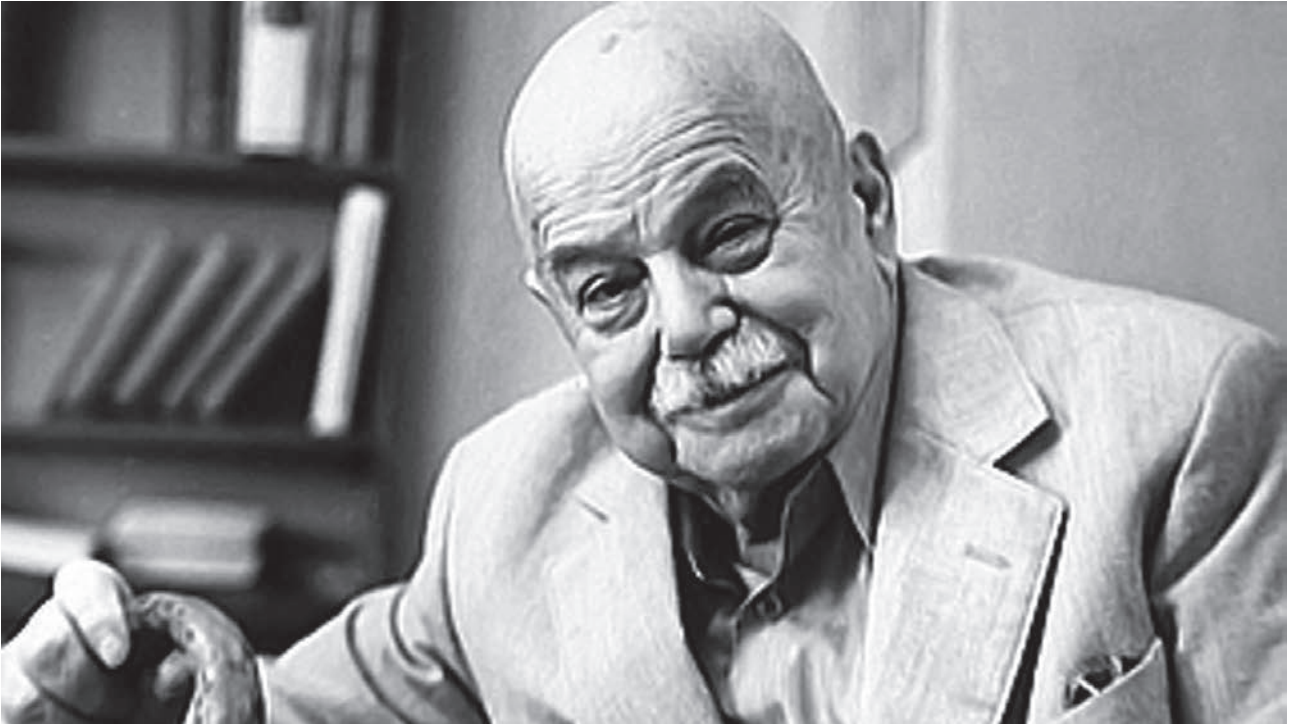
Другой раз он сказал: «Вот все говорят: Лимонов, Лимонов. Какой-то там Эдичка. У вас есть эта книга?» – «Есть». – «Дайте почитать». – «Соломон Ефимович, – говорю жалобно, – это книга не для вашего возраста». Он не стал настаивать: «Пусть так!»

Я это все к чему пишу? К тому, что страшно много развелось вещей, которых я совершенно не понимаю или совершенно не могу принять. Как-то вдруг всё это стало «не для нашего возраста».

СКАНДАЛИСТ С ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

Бывает так: в один день проходят два очень далеких друг от друга события, но вечером, замыкая в сознании круг минувшего дня, вдруг начинаешь тревожно ощущать их связанность между собой и пытаешься понять характер этой связи и ее значение...

Утром позвонила по телефону молоденькая сотрудница израильского телевидения. Они готовят программу о Бабеле, не могла бы я им помочь... Спрашиваю – чем? И слышу: может быть, вы встречались с Бабелем... Не знаю, смеяться или плакать в ответ, и объясняю, что родилась на свет уже после того, как Бабель был навсегда изъят из жизни и надолго вычеркнут из литературы. Посчитаем, говорю: Бабелю сегодня было бы девяносто лет, его сверстники и его младшие современники в большинстве своем уже покинули этот мир, и в большинстве своем поки-

Виктор Борисович Шкловский

нули этот мир преждевременно, поскольку столетие выдалось богатое лагерями и войнами. Людей, знавших Бабеля, вы и в Москве-то сегодня с трудом найдете, самым молодым из них уже за семьдесят... Но одну собеседницу Бабеля нам удалось разыскать и в Тель-Авиве. Итак, я все же пригодилась израильскому телевидению, но весь день как-то не могла успокоиться и все перебирала несбывшиеся варианты: и всевозможные «если бы»...

Если бы Буденный, Семен Михайлович, «братишка наш», с которым «весь народ», как мы распевали в детском саду, не ринулся в кавалерийскую атаку на Бабеля сразу после «Конармии»... Если бы Бабель не любопытствовал входить в логово зверя и не сиживал на чекистских вечеринках у наркома Ежова... Если бы он не написал пьесу «Закат», в которой проявилось пронзительное предзнание собственной судьбы... Если бы он не онемел надолго вследствие сокрушительной победы социалистического реализма в одной отдельно взятой стране – чему свидетельством такая косноязычная и неудачная попытка речи как сусальнейший рассказик «Карл-Янкель»... Если бы все эти «если бы» перевести из сослагательного наклонения в изъявительное, – может, тогда Бабель и дожил бы до наших дней, а судьба позволила бы мне хоть издали взглянуть на него. Услышать, как он беседует с кем-нибудь близким, и сегодня я рассказала бы тель-авивской труженице по личным впечатлениям, как старик Бабель часто снимает с переносицы круглые простые очки и протирает толстые стекла широким, непременно клетчатым, платком, и

эта деталь, как подпись нотариуса, заверяла бы мои показания: «с подлинным верно».

А вечером, в шесть часов, в новостях, сообщают: в Москве скончался писатель Виктор Борисович Шкловский. И вдруг – сомкнулось: последний, уже почти последний из того поколения, ровесник Бабеля, годом даже постарше, всех переживший. Всех участников Общества изучения поэтического языка, сокращенно называемого ОПОЯЗ, которое впоследствии регулярно казнили за формализм в каждой присталинской проработочной кампании. А туда входили Юрий Тынянов, Борис Эйхенбаум, Осип Брик, Евгений Поливанов, Лев Якубинский... И все они умерли, умерли. Намного раньше его. Он пережил всю – уже можно сказать – гениальную плеяду поэтов своего поколения, с каждым из которых водил доброе знакомство: Велимира Хлебникова, Владимира Маяковского, Осипа Мандельштама, Анну Ахматову... И все они умерли намного раньше его. Он пережил и прозаиков – Булгакова, Бабеля, Эренбурга, Платонова... Прежде него ушли его соратники по работе в кино – Эйзенштейн, Пудовкин, Абрам Роом, Довженко...

Его поколение не было поколением долгожителей. В маленькой мемуарной заметке о Бабеле он объясняет почему: «Мы шли вдвоем по зеленой мягкой траве, перед нами синела неширокая река, она была как линия, проведенная синим карандашом на бухгалтерской книге, для того чтобы написать под этой чертой слово «итог». Мы были тогда не стары, пошел 1937 год».

Нет случайных слов у опытного Шкловского, и бухгалтерская книга — здесь не случайное слово. Она должна напомнить знаменитое высказывание тогдашнего вождя: «Смерть одного человека — трагедия, смерть миллионов — только статистика». Статистически маловероятно было перешагнуть глубокий водораздел 1937 года, отделявший безвременно сгинувших от морально погибших. Бабель пропал. Шкловский остался.

Уже на Западе я прочла «Сентиментальное путешествие», книжку, изданную эмигрантом Виктором Шкловским в 1923 году в Берлине. Раннее трезвое знание правды о революции, о стране после революции, о ходе ее жизни и природе ее власти, — знание, выраженное беспощадно резко, удивило меня по многим причинам. Как при этом объеме понимания и с такой книжкой в багажнике прошлого можно было захотеть вернуться, проситься вернуться и осмелиться вернуться?.. Как повезло уцелеть впоследствии автору такой книжки?

Была ли плата за такое долголетие? Она, несомненно, была. Парадоксалисту и острому Шкловскому удалось вывести новую породу литературного слова, слова гибкого, с повышенной приспособляемостью к суровым климатическим условиям тоталитарного отечества. Он писал пунктиром. Ставил точку вместо запятой. Белые пропуски между черточками говорили больше, чем прерывисто прочерченная линия. Суть сообщения помещалась в умолчании. Вениамин Каверин, его младший современник, в раннем своем романе «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» сделал его главным героем повествования: скандалист, бунтарь, возмутитель академического спокойствия... В процессе прохождения обработки советской жизнью скандалист стал эквилибристом. Я не брошу в него камень. В него, всю жизнь проходившего по проволоке и многократно видевшего, как другие канатоходцы свергались в пропасть. Мне только жаль, что нельзя озвучить паузы его синкопированной речи. Он унес с собой многое, о чем хотел, но не отважился рассказать.

Первое было в конце пятидесятых годов. ОПОЯЗ и формалистов еще ругали на лекциях по теории литературы, но как-то вяло, без вдохновения. Работу Шкловского «Искусство как прием» еще, конечно, не включили в список рекомендованной литературы. Но тем охотнее мы ее прочитали. Брат на лето получил дачу в литераторском поселке близ Шереметьево. Соседний домик занимал Виктор Борисович Шкловский. По утрам бритоголовый крепкий дед с несколько татарским разрезом глаз выходил на дорожку перед домиком. В поселке жила нечиновная литературная братия — чиновная обреталась в Малеевке и Переделкине. Шкловский был в Шереметьеве редкостного оперения птицей, достопримечательностью и гордостью. Он знал это. Отогревался после долгих лет подозрительности и проработок. По утрам, щурясь от солнца, он зорко выбирал себе собеседника.

Собеседник весь остальной день чувствовал себя так, точно его наградили орденом: «Утром мне Виктор Борисович сказал...»

В безумном порыве родственных чувств брат вдруг в одно прекрасное утро предложил: «Хочешь — пошли с Шкловским познакомлю». И мы пошли по дорожке к соседнему домику. В это утро обсуждалась теория и практика засолки огурцов в связи с домашней деятельностью, которой о ту пору предавалась жена писателя. Устная речь Шкловского больше всего была похожа на его письменную речь. Короткие фразы с одышкой между ними. В засолке огурцов главная роль принадлежала бочке. Технология же изготовления бочки отразилась — дальше следовали ссылки на художественную литературу вплоть до «Песни о Гайавате», потому что только индейские племена выработали... Брат сказал: «Вот, Виктор Борисович, позвольте познакомить вас с моей сестрой, она студентка филологического факультета». Виктор Борисович прямо посмотрел мне в очки и прошептал: «Боже мой, девочка! Далась вам эта филология. Купите лучше себе мотоцикл. Покатайтесь — и разобьетесь, а то разобьетесь — и даже не покатаетесь».

Разумеется, я не напомнила об этом полужнакомстве, когда позвонила к нему зимой 1968 года. Я приехала в Москву в командировку от Всесоюзного музея Пушкина в Ленинграде, где я тогда работала. В квартире Пушкина на Мойке, 12 мы намеревались провести вечер, посвященный памяти Юрия Николаевича Тынянова, и теперь я приглашала на вечер людей, состоявших некогда с Тыняновым в родстве или дружбе. Я уже договорилась с Вениамином Александровичем Кавериним, с Лидией Николаевной Тыняновой, с Зоей Александровной Никитиной. Юлиан Григорьевич Оксман отнесся к идее вечера крайне сочувственно, но приехать в Ленинград отказался: «Нет, нет, я в такую стужу из дома ни ногой. За окном такой колымский пейзаж... А вот не пропустите позвонить Шкловскому, он живчик, он поедет, и все вы там умирать будете от счастья, чего он вам нараскажет, и он скажет вам, что Юрий умер у него на руках, а это неправда — Юрий умер совершенно один. Но вы его все равно позовите, потому что это стоит».

И вот я звоню.

Шкловский болен, у него грипп. Он хотел бы повидаться со мной, но в эти дни принять меня не может. Зато готов приехать. Однако гостиница должна быть непременно «Астория». Вот уже сорок лет он останавливается только там.

«Виктор Борисович, — спрашиваю я, — подскажите, кого стоит пригласить еще?» Он называет несколько ленинградских имен. И после паузы сипит в трубку: «Там еще этот есть у вас, Жирмунский. Его позовите. Юрий, правда, его не слишком любил. Но для вас это вряд ли имеет значение...» «Виктор Борисович, — говорю я, — я отвечу вам перифразом Цветаевской строчки: «Ваша ссора — не наша ссора...»

«Что? Где это у Цветаевой? Ах, вот как? Погодите минуточку, я запишу. Я этой строчки не знал, за подарок спасибо. Ну, и я вам подарком на подарок отвечу. Я вам расскажу: у меня есть тайная мысль. В связи с Пушкиным. Раз вы в Пушкинском музее работаете. Но это тайная мысль, которую можно будет обнаружить не раньше чем через тридцать лет. Обещаете?»

Я, конечно, обещаю. И тогда он говорит вот что: «В 1999 году исполнится 200 лет со дня рождения Пушкина. Я, наверное, до этого не доживу. Но вы доживете. И вот тогда – но только тогда – вы вспомните мои слова и передадите их ленинградским властям. К этому дню надо ангела с Александровской колонны снять, и фигуру Пушкина туда поставить. Так он хотел. И так будет справедливо. Вот. Так пока не говорите никому, договорились?» «Никому... Договорились...» – почти в онемении шепчу я, ужасаясь. И не знаю, позволить ли себе робкий смешок, означающий чуткое понимание обветшавшей, но элегантно стилистики розыгрыша, или молча проглотить прямо здесь в стеклянном промерзшем стакане уличного телефон-автомата стылый сгусток величественного маразма. Вспоминаю, как тот же Шкловский пару лет назад сказал одному моему приятелю, молодому киносценаристу: «А главное – побольше, батенька, пишите. Рука – умнее головы». Так вот что такое старость крупного ума – инстинкт и рефлекс остаются, даже когда мысль уже не приходит.

Он приехал на вечер памяти Тынянова. Обрюзгший, старый, булькающий и шипящий, он все равно был лучше всех и ярче всех. Председательствовал

ший Каверин усмехался и понимающе переглядывался с Лидией Николаевной в местах, где, я полагаю, правда искусства теснила правду факта. Саша Чудаков прочел письмо Шкловского к Тынянову, выуженное им из архива. «Дайте, дайте, – оживленно потребовал Виктор Борисович, – это ж совершенно замечательный текст. И я его совершенно не помню». И восхищение, и отстранение, и измена памяти – все было подлинным.

Уже за пределами официальной программы вечера, когда мы заказали гостям такси, а машин не было, и ждать надо было больше часа – да хоть бы и два: мы не торопились – он говорил, не заботясь о связи между абзацами: «Когда-нибудь я хотел бы написать книгу о писательских женах. Не о своей жене. Вот как у Юрия. Ну, у нее же талант, трагедия – руку перетрудила... Я был в Италии несколько лет назад. Университет. Конференция. Банкеты. Вечером приходят в номер студенты. Говорят: мы прочли вашу работу «Искусство как прием» – и теперь мы все поняли. А я им в ответ: но ведь я ж это написал сорок лет назад. Когда ж вы поймете то, что я теперь пишу? У меня нет сорока лет впереди, чтоб дождаться вашего понимания. А они оправдываются: вам хорошо, у вас была великая революция, от этого вы так разбирались; а нам, что делать – революции нет и не предвидится. И загрустили. Да! Ну, я их утешил, утешил...»

Все-таки он был замечательный мастер: его новеллы только притворялись обрывками. Но после его многоточия, поставленного чуть ли не двадцать лет назад, мне и сегодня трудно найти место для точки.

Анна ПОЛИБИНА-ПОЛАНСКИ

Окончила Литературный институт (по специальности «художественный перевод с романо-германских языков»). Публиковалась в коллективных поэтических сборниках, литературных журналах и альманахах, в основном, на английском языке (poetspages.com; portfolio.org; best-poems.net; izerin.ru). Автор лирического сборника «Достать глазами высь иную...» (2001). На подходе новый сборник – «Связуя оба мира фитильком».

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ СЕРИИ «ОХАПКА ЭПОХ»

*Подборка – лауреат творческого фестиваля
на Манхаттане (2012)*

1

Эпохи взгробье, брезжа, ослепляет прямизной...

Автоцитата: из раннего

Эпох с охапкой я иду по свету —
И ворох бед наперевес влачу.
И прячется от глаз — Господне лето,
И зимы Божьи — тень в углах лачуг.
Споспешествуя тягостным химерам,
Я отрекаюсь от заплочных крыл.

И жизнь моя — беспомощным примером —
Для всех, кто лишь грядет, кто есть и был.

Бессмертие — мудреная наука,
А счастье без помех — не сладит зла.
И — опереться ль мне на руку друга,
Большого причаститься ль ремесла?
Мне не шагнуть в искомое бессмертье,
Когда сбегает пряжа из-под рук.
Сновать ли спицам — в устьях снятых мерок?
Навряд петле — нарызать новый круг.

Живу я, проблесков не замечая —
И к сущему изрядно охладев.
Не о небесных кренделях мечтая,
Иду я — в топкий сумрак душу вдев.
И наугад листаются страницы,
И вязево ложится вкось из строк.
Окрепнуть повод есть и возродиться,
Хоть полог мрака — крепок и широк.

Моих сюжетов нудны ренессансы,
И я дышу в потемках, не взыща.
Скучны эпохе скудной реверансы;
Нет, право, смысла в отжитых вещах.
Бесповоротно и неостановно...
Нельзя нам вспять, а ропот зол и лих.
И время цокает по мостовой, но —
Мой дух вскруженный истоиво болит.

Лик искажен, как на альбомной длани,
Во все узнавших рано зеркалах.
О, я не льщусь минутными балами,
Хоть все вершится в мире — на балбх.
Ведомо тяготеньем все и златом,
И знаю я, почем бессмертья луч.
Покуда мира не вкушаешь зла ты,
Нектар соблазна — незабвен, тягуч.
Переродиться, выдюжить, очнуться —
И свериться с галактикой другой.
Заняться светом — то ужель не чудо? —
И плен вселенский — развести рукой.

2

Напутствует меня лишь встречный ветер —
И осекают дебри миражей.
Что ангелам я выскажу при встрече,
Когда в душе — отточий на сажень?
А буря держит силу и заправку:
Оструган стан у мяч, готова снасть.
И обещаний дальних самобранка
Лишь соблазниться — спрашивает с нас.

Увидим что — эпохи на разломе?
Боль надвое расколет океан.
Зашелестит мое немногословье,
И встрепенется берег, окаян.
Какая затхлость на пожившем свете!
Какая даль в созвездиях ночных!
Какие к нам захаживают вести —
В стакане бурю только лишь начни!

Пусть преткновенье бездны со свободой —
Оставит запись в строгих небесах.
Бессмертье — каждодневная работа,
Завод бессонный стрелок на часах.

Нас колыбелят солнечные нимбы,
И ангелы без сна врачуют нас.
Бог безучастен — да и ладно с Ним бы:
Медведя держит — тощий зимний наст.

А копы летних трав — и кость пронзают,
Сны наново нам кожу в теми шьют.
А Бог растит невидимо розарий
Из чувств опрявших, вышедших в маршрут.
Погода жизни — и ясней, и дольше.
Чернеют даты на календарях.
А боль с высот — и к нам нагрянет тоже —
Проверить жертв — на скудных алтарях.

Тем горе, кто к заклянью не поспеет,
Кто к воскрешенью саван не сошьет.
Другого нет, как плакаться и верить.
Уходит море — остается берег:
Еще ступни нам долго — пена вьет.

3

Наутро выпал снег, как новый берег
Во все давно постигших зеркалах.
Жизнь проигралась эта в пух и перья.
Во прах сошли помада, пудра, лак.
А если кто-то ждал чего-то кроме —
Осталось взор тот — разочаровать.
Дано на свете — уповать и помнить:
Растет тесней — забвения трава

Со временем, седым, сердитым, сирым.
Мне нечего заблудшему сказать.
За кряжами — сады из апельсинов,
А здесь — зола, и темень, и базальт.
А здесь слои непотускненной пыли,
И в рост иным — счернелый сталагмит.
Блаженны, кто впотьямах не позабыли,
Как рьяно нам мерещились огни.

Я знаю: выйдя в этот снег кромешный,
Легко запомнить гибель — и на вкус.
Уходит время — остается вечность,
Как кушины неопалимой куст.
А спрянет безмятежность — рев приходит
Заблудших, отовсюдных, рослых волн.
Такое есть во взявшей верх природе,
Что краску жизни вытесняет вон.

Мир поделен на воду и на сушу:
Нет атмосферы, нет кругом огня.
Всем правит на земле — стихийный случай:
Он вспомнит про тебя и про меня.
Все растворит в себе бурливый воздух,
Не деться никуда нам от воды.

СТРОФЫ

Не верится, что где-то всходят звезды —
За нарубежьем вечной правоты.

Не верится, что где-то есть тропинка
По саду фруктов, повилик, цветов...
А смерть — всего лишь пауза, запинка:
Все будет вновь Эдемом — обнято.
И награжден кто жизнью щедрой, длинной —
В подводных все ж окажется мирах.
И прав Господь, что создал нас из глины,
Чтоб даже сны сходили в вязкий прах.

О, отомрут прекрасные заботы
О хлебе, о садах, о детворе.
Мир будет до конца глядеться в воду

И править даты — на календаре.
Я знаю то, что в сумерках сказую, —
А выжить — только избранным дано.
Себя мы от бессмертия спасуем,
Из тщетной жизни выходя в окно.

А мы живем вчерне — не при софитах,
Как на полотнах, след ведя в душе.
И только Богу достоверно видно,
Мы на каком витаем этаже.
Чем выше — тем, пожалуй, обреченней.
Чем дальше — тем в запасе меньше слов.
Затеяно все так, и ни при чем мы:
Пустое — жить на свете — ремесло.

2011-2012 гг., Базель — Москва

Ирина ШУЛЬГИНА

Родилась в 1951 году в г. Москва. Прозаик, автор рассказов, эссе, документально-художественного романа «Хроники прошедшего времени». Член Союза писателей XXI века. Родилась в Москве, в семье литераторов. Закончила геологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, принимала участие в исследованиях и разработке золоторудных месторождений Магаданской области. С начала 2000-х годов работала в коммерческих издательствах. Публиковалась в журнале современной прозы «Наша улица» (Москва), в литературном журнале Союза писателей Москвы «Кольцо А», в литературно-художественном и культурологическом международном журнале «Меценат и мир», в русско-еврейском историко-литературном альманахе «Параллели» (Москва), в экуменическом журнале «Истина и жизнь» (Москва), в международном литературно-художественном журнале «Гостиная» (Филадельфия), в литературном журнале «День и Ночь» (Красноярск), газете «Литературные известия».

ДОЛГО ЖИТЬ И ВЕЧНО ТКАТЬ

Вероника Павловна, редактор отдела прозы, устало откинулась на спинку стула, сдернула с носа очки и с ожесточением стала их протирать. «И зачем я только согласилась взять ее рукопись? – раздраженно бормотала она себе под нос. – Тоже мне – писательница! Что за слог! Растянутые описания, ненужные подробности, словесные штампы! А все моя проклятая мягкотелость! Ведь сколько раз твердила себе – не заниматься «творчеством» знакомых!».

Теплый свет лился из окон, бриллиантовыми искрами рассыпался на снегу, дразнил предвкушением счастья. Едва свернув в переулок, я видела три сияющих окна своей квартиры и ускоряла шаги – быстрее, быстрее, не дожидаясь лифта, взбежать на четвертый этаж, позвонить – и вот дверь открывается, на пороге – хитро улыбающаяся мама («Танюшка, отгадай, кто пришел»). Из гостиной доносятся голоса. Долой ботинки, ранец – в угол – и в гостиную. Бабушка с дедушкой сидят на диване, седые го-

ловы отвернули к окну, делают вид, что никого не ждут. Неумная Наташка дергает бабушку за подол – они оборачиваются, на лицах – хорошо разыгранное удивление от неожиданного прихода старшей внучки, улыбка разукрашивает лучиками морщинок родные глаза. За окнами – темно и морозно, а здесь золотится купол абажура, серебром отливают волосы бабушки и дедушки, сияет празднично накрытый стол, впереди – чудесный вечер, игры, мультики! Перед сном папа или дед почитают что-нибудь интересное, ведь завтра не надо рано вставать! Россыпи счастья, бесценные дары детства, неиссякаемый родник любви!..

«Бриллиантовые искры, россыпи счастья, бесценные дары», – вздохнула Вероника Павловна. – Пишет, будто восторженная курсистка лет семнадцати!»

Вероника Павловна славилась как редактор строгий и даже придирчивый. Сейчас ей хотелось немедленно схватить ручку и начать беспощадно

черкать текст. «Выскажу ей все напрямую, – думала она об авторе, вновь водружая очки на переносицу. – Если не согласится исправлять, пусть забирает свое творение!» – редакторша подняла глаза на настенные часы. – Она уже скоро должна подойти».

День клонился к вечеру, сотрудники разошлись, редакция опустела, лишь утробное ворчание сервера нарушало тишину. Вероника Павловна встала, выключила верхний свет, оставив гореть лишь настольную лампу на своем рабочем столе. Подошла к окну и задумчиво уставилась на вечернюю улицу, мокнущую под московским мартовским дождиком. В полумраке на нее нахлынули воспоминания, будто поток, прорвавший плотину.

Вероника Павловна хорошо знала и самого автора – Татьяну Долгову – и всю трагическую историю ее семьи.

С матерью Тани, Ольгой, она дружила с юности, с университетских времен, и искренно ее любила – за чуткость и неподдельное душевное тепло. «Сколько в ней было внутреннего света, как щедро она дарила его окружающим! Мужу, дочкам, друзьям! Наташка на Олю была очень похожа – такой же внутренний огонь в ней горел, такая же жажда жизни! И красotka – вся в мать. Но главное – талант! У Тани, кстати, об этом неплохо написано», – Вероника Павловна вернулась к столу и вновь принялась за чтение:

Наташка никак не могла определиться со своим будущим. Золотистым бесенком она носилась по дому, пела, хохотала, увлекалась то игрой на гитаре, то художественным чтением, потом стала пропадать в школьном театральном кружке и вдруг классе в девятом заявила родителям, что будет актрисой. Папа усмехнулся, иронично подняв бровь, мама просто рассмеялась. «Приходите в школу к нам на представление», – обиженно сказала Наташа. Мама со своей подружкой Вероникой пошли.

Вероника Павловна утвердительно кивнула сама себе. Она очень хорошо помнила тот вечер и школьную постановку.

В актовом зале школы погас свет, открылся плюшевый занавес. Учительница литературы, обожательница театра и руководитель драмкружка, замахнулась на великое: по сцене, то и дело хватаясь за деревянные шпаги, расхаживали три мушкетера, и с ними – лихой гасконец Д'Артаньян, школьный красавчик. Этот юный сердеед беспрерывно подмигивал девчонкам в зале, флегматичный пухлый король, казалось, вот-вот заснет на сцене, долговязый кардинал Ришелье спотыкался о полы длинного женского красного платья, изображающего сутану, Кон-

станция беспрерывно хихикала и глупо жеманилась. Постановка вышла плохонькая даже для школьного кружка. «Актеры» забывали слова, громко подсказывали друг другу, в зале переговаривались, выкрикивали шуточки. Хотелось встать и уйти.

Так продолжалось до тех пор, пока на авансцене не появилась тоненькая девочка с гривой золотистых волос и, обведя зал дерзкими светлыми глазами, полнозвучным грудным голосом произнесла, обращаясь к красной «сутане»: «Мы с вами проиграли, ваше преосвященство, но клянусь – я исправлю эту ошибку!». Зал напрягся, смешки и выкрики с мест прекратились, и теперь все следили только за этой девочкой, за той драмой, которая по ее воле разыгрывалась на сцене. А когда она, заломив руки в темном углу сцены под занесенным над ней деревянным мечом, закричала: «Нет, я еще слишком молода, я не хочу умирать!», Ольга повернула к Веронике взволнованное лицо и прошептала: «Может, у нее и впрямь есть способности?»

«Да, – размышляла Вероника Павловна, – способности действительно были и, как показало время, немалые. Ее довольно рано заметили – еще в театральной школе-студии, стали приглашать в спектакли, а уже к курсу четвертому заговорили о ней, как о восходящей звезде сцены. Не могу сказать, кто больше радовался Наташкиным успехам – она сама или ее родители! Они пробивались к ней на репетиции, садились в глубине темного зала и сидели тихонько, как школьники, сбежавшие с уроков. Таня пишет:

Сестра, несомненно, стала бы выдающейся актрисой, если бы не ее нелепая, злая гибель!

«Именно так, точнее не скажешь, – тяжело вздохнула Вероника Павловна. – Не погибни Наташа так нелепо в самом начале своего пути, наверняка стала бы большой актрисой! Как могло это случиться? Кто накликал беду?». На протяжении прошедших пяти лет она бесцельно сама себе задавала эти вопросы, прекрасно понимая, что на них нет и не может быть ответа. «Как я любила их дом, шум, гам, гитарные перезвоны! – с горечью думала она. – Душой отогревалась. Пичужек их очаровательных обожала – Таньку, Наташку». Она вспомнила семейные вечера у Долговых, дружеские посиделки, откровенные разговоры обо всем на свете и окончательно расстроилась. На глаза навернулись слезы, дыхание перехватило. «Если бы не Оля с Сережей, я, наверное, не перенесла бы смерти мужа. Сначала Вадик меня покинул... Ничем не болел, и вдруг!.. – печально качала головой Вероника Павловна, смахивая тыльной стороной ладони

слезы со щек. – Потом эта катастрофа у Долговых... Ушли один за другим... Все рухнуло в одночасье... Сережа пережил дочку всего на год... А Оля – и полгода не протянула... ушла вслед за ним... Танюша за ней ухаживала, но горе оказалось сильнее дочерней заботы. Какая чудесная была семья!».

Вероника Павловна промокнула платком мокрые глаза, взяла себя в руки и взглянула на стенные часы – до прихода Татьяны оставалось минут десять-пятнадцать. Редакторша еще раз машинально пролистала несколько страниц рукописи, и мысли ее приняли другой оборот. «А все-таки Танька – молодец, – думала теперь Вероника Павловна, – бережет память о родных. Бедная, осталась совсем одна!». Она оперлась щекой на руку, окончательно смягчилась и выдохнула с облегчением, как человек, сбросивший с плеч груз сомнений. «Поработаем над текстом вместе, исправим, а там, если хорошо получится, можно закинуть удочку главреду насчет публикации. Ведь это – и мой долг перед ними, любимыми, ушедшими навсегда».

Вдруг Вероника Павловна испуганно вздрогнула – кто-то неслышно подошел к ее столу. Она подняла глаза – это была Татьяна.

– Ой, Танечка, – улыбнулась гостье Вероника Павловна. – Вы... ты... рада тебя видеть. Вот, зачиталась твоим романом, не заметила, как ты вошла. Снимай пальто, садись. Предупреждаю, – тут Вероника Павловна допустила в голосе шуточную угрозу, – разговор предстоит непростой. У меня большая правка, так что будь готова. Что? Не боишься строгих редакторов? Молодец. Бери стул, давай смотреть.

Татьяна уселась, и Вероника Павловна открыла рукопись на первой странице.

– Танюша, – говорила она, – ты, беспорно, молодец, но над текстом еще надо работать и работать! Многие места просто нудные, неоправданно затянутые, напичканные ненужными подробностями. Чувствуется неумение подать материал, местами язык очень тяжелый, трудный для читателя. Вот здесь, например, подробное, до мелочей, описание домашней обстановки – для чего ты отводишь ему целые две страницы? А, например, вот это место:

Я еще в детстве выбрала свой путь и шла по нему, не сворачивая. Сколько я себя помню, я всегда мечтала о профессии художника – модельера. Еще в раннем детстве для своих кукол я придумывала платья необыкновенных фасонов, разыскивала для них по всему дому лоскутки и цветные нитки. Особенно я любила (и по сей день люблю) вязание. Когда ты можешь сама создать ткань нужной плотности, цвета, рисунка, это дает необыкновенный простор для творчества.

Первые уроки преподавала мне бабушка, и я очень быстро освоила эту технику.

– И дальше, Танечка, ты очень подробно описываешь различные способы вязания, кружевного плетения, свои особенные навыки, но для чего это? – говорила Вероника Павловна, по привычке беспрестанно теребя очки. – Это же не статья в профессиональном журнале, а художественный текст. Будет ли это интересно постороннему человеку, читателю? Думаю, описание технических деталей можно снять и продолжить вот отсюда:

С тех пор я вязала каждую свободную минуту – на школьных переменах, в транспорте, даже за семейным столом! Папа иногда смеялся и говорил: «Все плетешь и плетешь! Арахна ты моя!». Сперва я не понимала этого слова, потом прочла в энциклопедии и поначалу немного обиделась на папу: мне не очень нравились эти твари. Бегают быстро, бесшумно, паутина липкая, на даче вляпаешься в нее – неприятно. Но потом порылась во всяких справочниках, в учебниках, и решила, что папа как всегда прав, а его прозвище – несомненный комплимент. Создания необыкновенные, искуснейшие мастера, и сплетенная ими сеть – вещь совершенно уникальная!

– Да-да, – Вероника Павловна одобрительно кивнула Тане, – я помню, папа действительно в шутку так тебя называл. Ты ведь научилась вязать лет в шесть, а то и раньше? Сначала что-то простенькое, но со временем у тебя стали получаться необыкновенные вещи! Талант, что и говорить – несомненный талант! Пальчики тоненькие, спицами или крючком перебирают быстро-быстро, как... и, правда, как паучок – лапками! Умилительно было смотреть, – с ласковой улыбкой старинного друга семьи говорила Вероника Павловна. Но в глубине души она чувствовала, что никакого умиления не испытывает. Напротив, странный эпизод из тех далеких времен отчего-то теперь всплыл в ее памяти, как поплавок, отцепившийся от подводной коряги.

В тот день они с мужем в очередной раз пришли в гости к Долговым. Шестилетняя Татьяна стала показывать гостье маленькую, величиной с блюдечко салфеточку, связанную ею из цветных ниток. Для малышки было сделано в самом деле искусно, и Вероника искренне восхищалась, на все лады расхваливая юную мастерицу. Неожиданно дверь в комнату распахнулась, и влетела, хохоча и трясая золотистыми кудрями, четырехлетняя Наташка. Бездетная Вероника не сдержалась, схватила ее в охапку, стала чмокать в розовые бархатистые щечки и восклицать: «Ну что за прелесть такая! Ну что за чудо!». И вдруг, чуть обернувшись, встретилась глазами со старшей

– Таня смотрела исподлобья тяжелым, немигающим, недетским взглядом. «Обиделась!» – спохватилась и даже чуть испугалась Вероника. Она попыталась восстановить отношения с девочкой, уговаривала еще раз показать ей салфетку, но все было напрасно – ревнивица нахохлилась и не проронила больше ни слова.

Тогда Вероника не придала особого значения этому эпизоду – списала все на обычную детскую обидчивость. Но девочки подрастали, и Вероника раз за разом с недоумением замечала, как мрачнеет лицо Тани, если при ней начинают хвалить сестру. «Может быть, мне это просто мерещилось? Ведь она пишет о сестре с такой нежностью: *«золотистый бесенок, сестренка, выдающаяся актриса»!* – думала теперь Вероника Павловна, не глядя на Татьяну и рассеянно покусывая дужку очков. – Нет, не мерещилось! Я ведь даже как-то раз, на правах близкой подружки, хотела поговорить об этом с Олей, но не решилась! А потом, когда девочки выросли, между ними разыгралась настоящая драма. Вот... вот это место... как раз об этом», – и редакторша машинально постучала кончиком ручки по строчкам:

Юность разворачивала перед нами свое радужное полотно, дразнила неизведанным, сулила многое. Откуда же было двум самоуверенным, опьяненным победами девчонкам знать, что главная встреча в жизни суждена им одна – на двоих?

«Вот именно – встреча одна на двоих, – мелькало в голове у Вероники Павловны. – Андрей собирался жениться на Татьяне. Помню, Оля говорила мне: «Танька замуж выходит. Славный парень такой!». А славный парень возьми да и влюбись в младшую. И как влюбился-то! Насмерть! Танька – молодец, удар выдержала, лихо отплясывала на свадьбе сестры, но чего ей это стоило – один Бог ведает! Но замуж потом так и не вышла, хотя, я знаю точно, поклонниками не была обделена».

...Еще некоторое время мы с Андрюшей продолжали встречаться. Я видела, как он мечется, как пытается смягчить разрыв, но в мыслях у него – та, другая... Она несколько раз пыталась со мной поговорить, уверяла, что избегает свиданий, не отвечает на его телефонные звонки, гонит из гримерки, куда он прорывается после спектакля. Я не дослушивала, обрывала разговор. Оставь, Наташа, не терзай себя напрасно, сестренка, любовь все решила за нас.

Я сама отпустила его. Мы сидели на скамейке Чистых прудов, и я чувствовала, как вырастает между нами враждебная, ледяная стена

молчания. Я сказала: «Уходи!». Слово было произнесено, Андрей взглянул на меня с благодарностью и явным облегчением, встал и пошел прочь. «Оглянись», – про себя, в отчаянии последней, тоненькой, как паутинка, надежды, крикнула я. Но он не оглянулся. Мимо шествовали счастливые парочки, птицы веселились в ветвях, подернутых нежно-зеленым пухом, а я, проигравшая вчистую, сутулилась на бульварной скамье темным неживым пятном. Было так больно, как бывает только прекрасным майским днем, напоенным любовью и солнцем...

Свадьбу Андрея и Наташи праздновали осенью, золотой и плодоносной. Я нашла в себе силы присутствовать, поздравлять молодых, смеяться и танцевать, несмотря на мучительную душевную боль... Со временем эта боль поутихнет, но вовсе – не пройдет, ее не залечат ни любовные интрижки, ни скоропалительное и недолгое замужество. Тоска по нему, единственному, время от времени будет просыпаться и ныть, как старая рана...

«Видно, до сих пор болит, – думала редакторша, пробегая глазами это горькое признание. Сейчас уж ей далеко за тридцать», – и она скосила глаза на Татьяну, все еще красивую, одетую как всегда с необыкновенной элегантностью, доступной только художественным, неординарным натурам.

– Это у тебя, Таня, хорошо написано. Не у каждого достанет смелости так написать о своем поражении – честно, ни у кого не ища сочувствия! Ну, давай смотреть дальше.

И редакторша продолжала тыкать ручкой в исчерканные красными пометками страницы. Таня кое с чем мягко спорила, но слушала с огромным вниманием и соглашалась почти с каждым замечанием.

– Какой покладистый автор мне попался! – пошутила Вероника Павловна. – А то ведь многие воспринимают редактора, как злейшего врага – не понимает, мол, моего авторского стиля! Порой такой бой приходится выдержать, столько нервов истратить, скажу тебе, что домой прихожу совсем без сил, будто мешки грузила!

Таня тихо и скромно улыбалась. Время текло быстро, стрелка на часах приближалась к десяти. Обе устали, пора было заканчивать.

– Тань, работа тебе предстоит большая. Не торопись. И со всеми вопросами – пиши мне в личку или звони. Надо, чтобы книга о наших с тобой родных людях (она подчеркнула голосом это «наших с тобой»), чтобы дать понять Татьяне, как она разделяет ее горе) получила бы своего читателя. В память о них, обо всех! Я права? – и Вероника взглянула в Танины темные серьезные глаза.

– Конечно, права, Вероничка, – Татьяна впервые за вечер так обратилась к ней, и у Вероники Павловны вновь зашипало в носу. Этим именем, донесшимся из той, другой, навсегда утраченной жизни, называла ее Оля, и вслед за ней – обе сестрички Долговы. «Славная ты моя», – растроганно подумала Вероника и улыбнулась, продолжая задумчиво листать страницы, прежде, чем отдать рукопись автору. Какой-то вопрос, как заноза, сидел в ее голове, не давал покоя, тревожил с тех пор, как она прочла Танин роман. Еще пару минут Вероника Павловна помолчала и вдруг решила.

– Тань, а все-таки как погибла Наташа? Ты пишешь об этом как-то... очень скупно:

В то подернутое дымкой летнее утро тело Наташи нашли в прибрежных камышах лесного озера. Отличная пловчиха, не впервой она отправилась купаться в глухую ночную пору. Она любила плавать под черным звездным небом, представлять себя русалкой, повелительницей непроглядных вод, одинокой и свободной. Но в тот роковой вечер коварное озеро взяло над ней верх. Очевидно, в холодном потоке у нее свело ногу, и она не смогла ни вернуться к спасительному суденышку, ни позвать на помощь. Никто из домашних не видел, как она выскользнула из дома, никого не случилось на берегу в эту немую полночь.

Пробежав глазами эти строки, редакторша невольно поморщилась. «Русалка, немая полночь, коварное озеро» – опять дешевые штампы! Никуда не годится», – подумала она, машинально подчеркнула эти слова, а вслух сказала:

– Я понимаю, тебе, родной сестре, тяжело писать о подробностях. Но сейчас я спрашиваю тебя не как автора, а как друга, я для себя хочу понять, как произошла эта катастрофа? Ведь было расследование, нас еще тогда всех опросили...

Тут Вероника Павловна взглянула Тане в лицо и вдруг испугалась – как в тот вечер, когда шестилетняя девчушка показывала ей свое вязаное изделие. Сейчас Татьяна смотрела в глаза Веронике тем же тяжелым, мрачным взглядом, и Вероника кожей почувствовала, что вопрос задавать не следовало.

– Она, – глухо и медленно выговорила Татьяна, – видно, выпила лишнего на папином дне рождения, вот ее на подвиги и потянуло. Переоценила свои силы. Заплыла в опасное место, туда, где со дна бьют ключи, ногу-то у нее и свело. Да к тому же на ней была такая тоненькая кружевная сорочка, она не удосужилась ее снять. Зацепилась ею за корягу. Ну и захлебнулась.

Все это Вероника Павловна знала и так – от соседей, обнаруживших тело Наташи, от следователя, который приезжал на место происше-

ствия. Сейчас ее поразили не эти детали, а тон Татьяны – в нем Веронике почудилась отстраненность и даже легкое пренебрежение. Вероника Павловна расстроилась. «Может быть, мне все только кажется, – беспокоилась она, испытывая что-то похожее на угрызения совести. – И зачем я спросила? Кто меня за язык тянул? Что нового она мне скажет? Да и кому сейчас, спустя годы, это нужно?».

– Танечка, – заюлила она, стараясь снять неожиданно возникшее напряжение, – автор ты, конечно, неопытный, но работу сделала большую. Молодец. Посмотри внимательно мои замечания, внеси правку, и будем готовить рукопись к печати. Но тут последнее слово – за главным редактором, так что обещать ничего заранее не буду. Ты, надеюсь, понимаешь.

– Конечно, понимаю, Вероничка, – отвечала Татьяна совсем другим – мягким и любезным тоном. – Получится – хорошо, не получится – спасибо, что прочли.

Она положила папку в сумку и достала оттуда небольшой сверток.

– Это – вам. Еще раз большущее спасибо.

Вероника Павловна развернула пакет, и что-то шелковистое, таинственно поблескивающее серебристыми нитями заструилось по ее рукам. Это был искусно связанный палантин, нежный, невесомый, источающий тонкий, почти неуловимый аромат.

– Танюша, – Вероника Павловна от восхищения даже дыхание затаила, – просто... нет слов. Удивительная вещь, – она набросила на плечи накидку и гордо выпрямилась. – Красота! Вот уж спасибо! Как мама и папа тобой гордились бы! – грустно проговорила она.

Татьяна так же печально вздохнула в ответ, тихо улыбнулась, накинула пальто и ушла.

Вероника осталась в редакции одна. Надо было собираться домой, но она отчего-то медлила – никак не отпускала неясная тревога, связанная с Таниным текстом. Она невольно стала перебирать в памяти события того страшного, пятилетней давности, утра.

В день рождения Сергея на даче у Долговых собралось множество гостей. Было так шумно и весело, что даже Вероника забыла на время о своем печальном вдовстве и радовалась от души. Как красивы были хозяева! Дочери, желая доставить удовольствие отцу, оделись с особым тщанием: на Наташе было яркое шелковое, летящее на ветру платье, а на Тане что-то совершенно необычное, несимметричное, с бахромой, и на голых плечах – белая, невесомая, кружевной вязки, накидка.

На большой застекленной террасе накрыли столы, тосты и веселье лились рекой. Насытись и

взбодрил себя добрыми напитками, гости затянули старинную, раздольную казачью песню. «Ой, то не вечер, то не ве-е-че-ер», слегка нестройно, но старательно вторили друзья слаженному дуэту хозяев. И вдруг, заглушив голоса поющих, как порыв ветра заглушает шелест травы, над их разноголосым хором понесся сильный, грудной голос. Все притихли, лишь отец тихонько вел басы, оттеняя пение Натальи. И открылась мысленному взору раздольная древняя степь, окутанная серым предрассветным туманом, и мрачным, неосознанным пока еще пророчеством, прозвучали последние слова баллады:

*Ох, пропадет, он говорил,
Да твоя буйна голова-а-а...*

Песня смолкла, улетела в раскрытые окна. Несколько секунд все молчали, будто находясь во власти разыгравшейся в старину драмы, потом заговорили, заплодировали, кто-то под влиянием песни и выпитого смахнул слезу. Через несколько минут завели музыку, стали танцевать и разошлись далеко за полночь, вспоминая праздник, как подарок. А спустя несколько часов и праздник, и радость, и сама жизнь были зачеркнуты – неожиданно и страшно!

Веронике отвели маленькую, уютную комнату в мансарде. Она мирно спала, когда ее разбудили беготня и крики. Не понимая, в чем дело, но чувствуя беду, она наспех оделась и спустилась вниз. Потом она вместе со всеми бежала к озеру, видела, как мужики впопыхах отвязывают лодки. Поднялась суета, пилой по нервам взвыли двигатели моторок, глухо застучали весла. Еще запомнился Егорыч – старый поселковый сторож. Он работал в поселке с незапамятных времен, и его любили, несмотря на его тихое пьянство. Семью Долговых старик особо привечал, любил вести с Сергеем серьезные разговоры за жизнь, девчонок баловал – катал их на своей лодке, когда были маленькие, показывал на озере тайные опасные места с холодными ключами, подводными потоками, водоворотом или омутом. Когда девчонки подросли, охотно давал им свою лодку покататься, а то и порыбачить. «Да пользуйтесь как своей, без спроса, – говорил старик. – Я уж на рыбалку редко когда выбираюсь, так чего она будет на берегу без дела сохнуть? Катайтесь на здоровье, только про осторожность не забывайте». И Долговы катались, катали своих друзей, отгребали подальше от берега и там ныряли с лодки на глубину. Особенно любила эти дальние заплывы Наташа – она плавала как рыба, могла долго не выныривать, не боялась заплывать в рискованные места. «Ох ты, буйная головушка, – выговаривал ей обожавший ее Егорыч, – остереглась бы ты, Наташа. Не шуткуй с нашим озе-

ром – всякие тут случаи случались!». «Не бойся, Егорыч, – хохотала в ответ неугомонная Наташка, – я твои уроки помню».

Сейчас старик-сторож испуганно мельтешил у кромки воды – его лодки не было. Он встретился испуганными глазами с Вероникой: «Слышь-ка, это... она, должно, мою лодку взяла... стало быть... покататься... Надо того... искать, мою-то... то есть... где лодка, там стало быть... и того...».

Потом на них на всех обрушилась тишина. В этой беспощадной тишине медленно подплывала к берегу чья-то плоскодонка. Из нее вынесли тело, накрытое брезентом, положили на песок, и Оля, не издав ни звука, упала рядом. Егорыч тем временем нашел свою лодку, приплыл к берегу и сунул Веронике в руки кружевную Танину накидку. «На-ка, Вероничка, – шепотом сказал он ей. – Отдай хозяйке». И пробормотал, странно глядя ей в глаза: «У себя в лодке нашел». Но тогда Вероника не придала этому никакого значения, а просто рассеянно сунула накидку в карман.

Потом Андрей и еще трое ребят по лесной тропинке несли носилки, соседи следом вели под руки отца и мать, те спотыкались на каждом шагу, как слепые.

Сидя за столом в полутемной редакции, Вероника удивительно ясно представила то, что тогда, пять лет назад, нисколько не зацепило ее внимания, но отпечаталось в памяти, как след в глине. Было что-то странное в тех далеких событиях, какие-то необъяснимые несовпадения, нестыковки. Ведь когда они бежали по поселку и на все голоса звали Наташу, Татьяны с ними не было – это Вероника помнила отчетливо. Впервые за все утро Вероника увидела Таню во дворе дома – она вышла навстречу скорбной процессии. Подол Таниного платя – вспоминала она теперь – странно вытянулся, будто мокрый. Когда Вероника отдала ей накидку, Таня кивнула, скомкала невесомый кусочек кружев в кулаке, резко отбросила его за кусты сирени, и Вероника решила, что она рассердилась – дескать, зачем к ней лезть с какой-то тряпкой в такую страшную минуту.

Вскоре приехала милиция. Следователь наспех опросил родных и знакомых, составил протокол и уехал, неприязненно бормоча: «Напьются, потом тонут, едрена корень!». Ему было все ясно – молодая баба приняла лишку на папином дне рождения, расхрабрилась, нырнула с лодки, сдуру заплыла куда не следует, да еще и за корягу сорочкой зацепилась. Что с них взять, с дачников этих! Одно слово – москвичи!

После его отъезда гости разъехались, соседи разошлись, члены семьи с потерянными лицами уселись на большой застекленной террасе. Вероника решила не оставлять друзей наедине

с их горем, побыть с ними еще какое-то время. Сидели, молчали, не в силах осознать до конца ужас произошедшего. Вдруг Олю накрыло сущее безумие. Она будто сорвалась в пропасть, стала набрасываться на зятя и мужа, выкрикивала им в лицо нелепые обвинения, не слушала ни успокаивающих слов, ни объяснений. «Ты, – бросала она Андрею в его жалкое, растерянное лицо, – ты где был? Что? Пошел в душ? Потом заснул? Посмотрите на него! Что? Решил, что она прогуляться пошла? И проспал до утра!! У него жена пропала, а он до утра проспал, мямля! Я тебе доверила свою девочку, а ты!.. Ты!..»

«А ведь и вправду – славный был парень, – тихо улыбнулась Вероника Павловна и стала собираться домой, – добродушный, надежный. Как он любил Наташку, все ей прощал, колдунье своей!.. Что с ним теперь? Смог ли он хоть отчасти утешиться, справиться со своей бедой?»

Невыносимая сцена на террасе продолжалась. Наконец Сергей порывистым движением обхватил Олю за плечи и с силой притянул к себе. Она всхлинула, как уставший от рыданий ребенок и, прикинув головой к его плечу, заплакала. Они сидели, обнявшись, на плетеном диванчике – осиротевшие отец и мать, и Вероника чувствовала, что ее сердце вот-вот разорвется от жалости. Она поняла, что друзей сейчас надо оставить одних, встала, взяла сумку и тихонько направилась к выходу. Татьяна вышла за ней на крыльцо, они тепло попрощались. И только сейчас, спустя годы, бредя из издательства к метро по мартовским лужам, Вероника Павловна запоздало удивлялась – отчего тогда Татьяна была так спокойна? Родители и Андрей не находили себе места, видно было, что каждый из них сражен горем, а Таня была, конечно, печальна, но – не более!

Добравшись до дому, Вероника Павловна в первую очередь решила лучше рассмотреть Танин подарок. Надо было бы приготовить что-нибудь на ужин или по крайней мере попить чаю, но ей не терпелось примерить обновку. Она прошла к большому, в рост, зеркалу, накинула на плечи палантин, и стала вертеться, любуясь своим отражением и перебирая в голове свои лучшие наряды, с которыми можно будет надеть такую красоту. Нежное шелковое полотно обволакивало тело еле ощутимым, живым теплом. «Как паутинка», – восторженно подумала Вероника Павловна, и вдруг замерла. «*Арахна ты моя*», – неожиданно пришло ей в голову, и зеркало отразило ее округлившиеся глаза и остановившийся взгляд.

Как она могла забыть? Как это выскочило у нее из головы? Вероника Павловна дрожащими

руками сорвала с себя палантин и откинула его в сторону, будто кусок ткани был в чем-то виноват. Так когда-то Татьяна откинула в кусты свою накидку – очевидно, немую свидетельницу разывшейся в тайне ото всех трагедии.

В ночь после праздника, прежде, чем улечься спать в романтической мансарде под крышей дома, Вероника подошла к полукруглому окну, и долго смотрела сверху на небольшой яблоневый садик, залитый лунным светом. Под раскидистыми ветвями деревьев она заметила какое-то шевеленье, мелькнула белая рубашка, вспенилось платье. Э-э-э, да это Андрюшка с Наташкой обнимаются тайком среди яблонь, как школьники! А ведь они женаты уже несколько лет! Вероника тихо улыбнулась, и у нее защемило на сердце – вспомнился муж, молодость, любовь, такие же, как у тех двоих под яблонями, приступы неожиданного, нетерпеливого желания.

Вдруг ей послышался чей-то слабый крик, какая-то белая фигура пробежала по дорожке, ведущей к калитке, и скрылась. Наталья и Андрей – его рубашка фосфоресцировала в лунном свете – пошли в дом. Вероника осталась стоять в задумчивости у окошка – сон почему-то пропал. В свете луны притихший спящий дом, сад, кусты сирени у забора – все казалось таинственным, исполненным волшебства. Так прошло с четверть часа, и Вероника увидела, как Наталья в своем развевающемся платье прошмыгнула по дорожке к калитке. «Чего это у них там?», – удивилась Вероника, но потом устыдилась своего подглядывания и легла в постель.

«Странно, – тревожно думала теперь Вероника Павловна, – у Татьяны в тексте нет об этом ни слова. Она детально описывает отцовский праздник, погоду, блюда на столе, профессиональным взглядом замечает, во что были одеты гости, но ни слова о том ночном эпизоде. Будто специально что-то хочет скрыть! Но я-то ведь видела, как сестры куда-то побежали одна за другой, значит, они где-то встретились! И значит, той ночью, на озере они были вместе... Боже мой, ведь Егорыч нашел Танькину накидку в своей лодке, и отдал ее мне. И еще так пристально мне в глаза поглядел. Неужели старик тогда что-то заподозрил? Но что? – и она почувствовала, как бешено, до боли, заколотилось сердце, – что же?.. Татьяна... утопила сестру? Нет, не может быть! – и Вероника Павловна замотала головой, будто хотела вытряхнуть оттуда эту ужасную мысль, – на теле погибшей никаких следов насилия не было – ни синяков, ни ран – ничего. Столкнись с лодки Наталью Танька не смогла бы – та была сильнее, тренированнее». Она отошла от зеркала, выключила верхний свет, оставив только торшер, и обессилено плюхнулась на пуф.

Воспоминания будто нарочно цеплялись одно за другое, растрavляли память, не давали успокоиться. «На ней была такая тоненькая кружевная сорочка, она не удосужилась ее снять, зацепилась ею за корягу», – вспомнила она слова Татьяны, и воображение тут же услужливо ей нарисовало картинку с Наташиной свадьбы: красавица-невеста рассматривает подарки, разворачивает изящный сверток и бросается с поцелуями на шею сестре. В свертке оказывается кружевное чудо – искуснейшим образом вытканная сорочка – та самая, которая через несколько лет станет причиной ее гибели.

Вероника Павловна скосила глаза на палантин, таинственно поблескивающий на полу в приглушенном свете торшера, и вдруг заплакала – не сдерживаясь, громко, в голос. «Неужели все эти Танькины нежности в память о родных, все эти теплые слова о семейной гармонии, о сестринском всепрощении – все обман? И не было никакой гармонии, не было настоящего тепла, а только ложь и затаенная ненависть, исподволь разъедавшая семью?» – всхлипывала она, не в силах справиться с отчаянием. Долгие годы она согревалась душой в семье своих друзей, в атмосфере их радости и любви. И вот теперь этот спасительный маячок погас, и она плакала не столько о них, давно ушедших, сколько о себе – совершенно одинокой под безбрежным, холодным небом, равнодушно глядящим на нее сквозь оконное стекло.

После смерти Сергея она несколько раз навещала Олю. «Ушли, – тихо, будто разговаривая с самой собой, говорила Ольга, – оставили меня. Хочу к ним... туда... скорей бы уж...». «Ну что ты говоришь, Оля?! – на правах близкой подруги одергивала ее Вероника, с горечью всматриваясь в искаженные горем черты когда-то прелестного лица. – Перестань, ты восстановишься, ты должна жить. Подумай о Танюше – она ведь останется совсем одна. У нее никого нет, кроме тебя». Ольга замолкала, бессильно свешивала голову, но как-то раз вдруг резко, и, как показалось Веронике, раздраженно ответила: «Она не пропадет». «Что значит, «не пропадет»? – опешила Вероника. Конечно, Татьяна – взрослый, самостоятельный и весьма успешный человек. Она сотрудничает с ведущими домами моды, получает призы и награды на международных выставках, у нее нет отбоя от заказчиков. Да и мужским вниманием не обделена – было б желание – одна не останется. Но родной человек, мать – это совсем другое дело. Кому, как не одинокой Веронике знать, каково это – каждый вечер возвращаться в пустой, темный дом, где тебя никто не ждет? Все это хотела сказать Вероника, но поймала Олин взгляд – тоскливый, как у потерявшейся собаки, осеклась и лишь молча

погладила ее худое плечо. Тогда она не поняла, что хотела сказать ее несчастная подруга, но теперь мучилась от ужасной догадки. Неужели Оля что-то чуяла материнским сердцем? Может быть, не только тоска по умершим так быстро свела ее в могилу, но и страшные подозрения о вине старшей дочери? Кто знает?

Слезы принесли облегчение, в голове прояснилось, как проясняется небосвод после хорошей грозы. «А что если... все это просто мои выдумки? – принялась размышлять Вероника Павловна. – Я сегодня устала, день был сумасшедший, вот и мерещится невесть что! С чего я взяла, что сестры были в лодке вместе? Вполне могло быть так: Танька могла взять его лодку, немного покататься, причалить, накидку нечаянно потерять и пойти домой. А Наташка прибежала на берег уже после этого и решила погеройствовать, поплавать в ночном озере. И впрямь – русалкой себя вообразила! Так что Танькина накидка в лодке сама по себе ничего не доказывает. А ее спокойствие и то, что сестру не побежала разыскивать вместе со всеми? Характер такой... Наталья-то была душа нараспашку, а эта – вся в себе. – Вероника Павловна глубоко вздохнула. – Как бы то ни было, теперь уже ничего не докажешь, ответа не найдешь, да и спрашивать некому». Она промокнула платком разгоряченное лицо и безвольно сгорбилась на пуфике. Голова казалась легкой и пустой, будто со слезами из нее вытекли все мысли. На полу ненужной тряпкой распластался палантин. «Никогда... ни за что... его не надену», – с пронзительной ясностью поняла Вероника и устало прикрыла глаза рукой...

* * *

Татьяна добралась до своего дачного поселка к полуночи. После смерти родных она почти постоянно жила на даче, выбираясь в Москву только для деловых встреч. Поселок в это время года был почти безлюден – лишь в двух-трех домах дымились трубы. Вокруг было тихо, окна пустых дач насуплено смотрели на скользкие, нечищенные дорожки, ели топорщили черные лапы, и в их горделивом молчании Тане почудилось что-то угрожающее. Она испуганно заторопилась по заснеженной улочке к своей даче.

Старый дом встретил ее гулкой пустотой. Надо было бы затопить печь, включить обогреватели, но Татьяна прошла на террасу и задумчиво прислонилась лбом к оконному стеклу, глядя вдаль, на темную стену леса за поселком. Тюльпаутинка, драпирующий огромные окна террасы, – одна из ее давних и лучших работ – легко коснулся ее щеки. Она отбросила его легким движением, чуть зацепив тоненькую, как осенняя паутинка, ниточку острым, тщательно обработанным ноготком, поежилась, и опять, в который

раз, вспомнила ту ночь на озере и сменившее ее страшное утро.

Перед окном яблони раскинули голые ветки. В ночь после отцовского юбилея Татьяна случайно увидела, как Андрей с Наташей целовались под яблоневою сенью – потом оказалось, что в последний раз...

Она познакомилась с Андреем на какой-то вечеринке. Он пришел туда вместе с приятелем, когда веселье было в самом разгаре – шумно, дымно, пьяно. В тот вечер ей отчего-то было грустно, не хотелось танцевать, она собиралась незаметно уйти. Неожиданно незнакомый парень присел рядышком на стул и спросил: «Скучаете?»

Таня повернула голову и встретила с ним глазами. Взгляд был мужской, откровенный, оценивающий, от которого у нее что-то дрогнуло внутри.

– Потанцуем? – он обвил рукой ее талию, и Таня с необычной для себя готовностью покорила этому властному движению.

Они танцевали и все теснее прижимались друг к другу, а потом тихонько покинули вечеринку и отправились бродить по зимней Москве. Разноцветные вечерние окна освещали улицу, снег поскрипывал под ногами. С того вечера, заметного снегом горьких утрат, Татьяна любила зиму, ее вкрадчиво-жесткий нор, ее пронзительное дыхание.

Они гуляли, зашли в небольшое кафе, говорили обо всем на свете, и ей казалось, что они знакомы давным-давно и понимают друг друга с полуслова, как старые добрые друзья. Все в нем ей нравилось – спокойствие, происходящее от внутренней силы, неторопливая речь, добродушная, чуть насмешливая улыбка.

Вернувшись домой, уже в постели, Татьяна вновь и вновь вспоминала подробности этого вечера. Ей вдруг овладели странные мечты. Она закрыла глаза и представила себе картину – светлый абажур над столом, узорчатая скатерть, за столом двое – она и Андрей. Вечер, ужин, а впереди – долгая жизнь вместе. Эта воображаемая картина была такой яркой, что Таня неслышно засмеялась в подушку от ощущения невыразимого счастья.

Некоторое время после знакомства с Андреем Таня была совершенно счастлива. От одного звука его голоса в телефонной трубке, от его взгляда, от прикосновения больших рук, даже при одном воспоминании о нем ее окатывало горячей волной радости. Волшебница-зима подходила к концу, февраль бессильно потрясал последними вьюгами, и ей казалось, что ее сны вот-вот сбудутся. Их костер горел ровно и уверенно, и они – пока обиняком, посмеиваясь, как

бы примериваясь друг к другу, начинали поговаривать о свадьбе, строить совместные планы. Андрюша уже несколько раз приходил к ним домой, Таня представила его родителям и была страшно горда, что они одобрили ее выбор, радуясь за дочь.

«Как все же слеп счастливый человек! – думала Татьяна, нервно постукивая тонкими пальцами по оконному стеклу, точно это постукивание помогало смягчить боль воспоминаний. – Как он не чует беду, словно ребенок, заигравшийся около железной дороги!»

Так уж получилось, что Андрей, бывая у Долговых, ни разу не застал Наташу. Вправду сказать, она навевалась домой урывками – спектакли, съемки, репетиции, бесчисленные друзья, поклонники – бьющая ключом богемная жизнь. Родители чаще видели ее в спектаклях, куда она их приглашала, чем дома. Татьяна в глубине души радовалась незнакомству Андрея с Наташей, будто подсознательно боялась их встречи.

«Впрочем, – думала она сейчас, уныло глядя через окно на озябшие, утопающие в просевшем снегу яблони, – я теперь понимаю, что, когда бы они ни встретились друг с другом, пусть даже на самой моей свадьбе, это, наверное, ничего бы не изменило».

Она знала – тот мартовский день ей никогда не забыть, он будет возвращаться снова и снова и мучить ее, как дурной сон...

Они с Андреем шли по улице, старательно обходили островки мокрого, талого снега, подставляли первым теплым лучам побледневшие за зиму лица. Денек был по-настоящему весенний, победно звенела капель, Таня держала Андрея под руку и вдруг непроизвольно вцепилась в его куртку. Ей показалось, что многоголосье московской улицы стихло – им навстречу неторопливо шла, плыла в веселом солнечном свете высокая девушка, и волосы сияли вокруг ее головы золотым ореолом. Вот она, приветливо улыбаясь, подошла, протянула руку, румяные красивые губы произнесли обычные вежливые слова: «Наконец-то познакомились, рада вас видеть». Татьяне ничего не оставалось делать, как только промямлить: «Моя сестра Наташа. Я рассказывала тебе о ней». Она сама слышала, как на редкость бесцветно, безрадостно звучит ее голос, но поделаться с собой ничего не могла. Широкие рукава Наташиного весеннего пальто развевались, как крылья птицы, Татьяна чувствовала, что Андрей глядит в ее дерзкие светлые глаза, и не могла подавить непонятную тоску.

Неожиданно сестра предложила:

– Ребята, а пошли-ка со мной. Мы собираемся в мастерской у приятеля-художника. Не пожалеете, честное слово.

Тане показалось, что она стоит на краю пропасти, хочет сделать шаг назад и не может. Она начала отнекиваться, сердиться, настаивала на том, что у них с Андреем совсем другие планы. Но как можно что-либо изменить там, где начинает действовать судьба? Ее уговорили и повлекли за собой, молчаливую и раздраженную, в тихий переулочек, в старый, скрипучий флигель в глубине двора, в просторную, обветшалую, пропахшую красками и табаком, завешенную холстами комнату. Там их встретили как старых добрых друзей, усадили за стол, накрытый бумагой, уставленный бутылками водки и немудреной закуской. Было весело, дружелюбно и шумно, потом кто-то крикнул: «Наташ, спой чего-нибудь», и вот уже притащили гитару, сестра взяла ее, стала настраивать. Таня, сидя рядом с Андреем, напряглась всем телом. Сейчас бы вскочить, отобрать гитару, порвать струну, схватить любимого в охапку и – прочь, скорее прочь от рыжей ведьмы, от ее лукавых светлых глаз, от дразнящих белых зубов! Но поздно – уже лег на сердце вкрадчивый перезвон, уже полился, беря душу, необыкновенный, с волнующей хрипотцой на низких тонах, колдовской голос, и от звуков этого голоса, как от напора весеннего ветра, рухнул картонный домик Таниных надежд...

Долгие годы, ледяной струей протекшие с того дня, когда эта рыжая ведьма – сестрица выскочила на них с Андреем из-за угла и затащила в вонючий подвал к своим безалаберным друзьям, Таня ждала. Она была уверена – не пройдет и года, от силы – двух лет, и Андрею надоеет стойкое отвращение Наташки к домашнему быту, ее честолюбивые мечты о славе, ее стремление всегда быть в центре внимания, ее шумливость, толпы ее друзей и поклонников, обрывающих вечерами телефон. Татьяна предвкушала его освобождение от колдовских чар сестры, охлаждение, нарастающее раздражение, и, наконец, разрыв. И тогда... Кто знает? – может, ему и вспомнятся прогулки по заснеженным улицам, спокойные отношения, полные понимания и дружелюбия. Месяцы складывались в годы, мать время от времени с горечью рассказывала Татьяне о ссорах Наташи с мужем, о ее мимолетных интрижках на стороне, и Татьяна, сочувственно округляя глаза и качая головой, чувствовала, как тайная радость терпким вином разливается по ее жилам.

Поздним вечером, после отцовского дня рождения, когда родители и гости улеглись спать, она вышла на крылечко – помечтать. Ночь была теплая, молодая листва тихонько шепталась под

звездным необъятным небом, в отдалении чернел лес. Татьяна перевела глаза на яблоневый сад. Вдруг там, под сенью раскидистых деревьев мелькнула белая рубашка, послышался прерывистый вздох. Она всмотрелась, встала и неслышно подошла поближе – под яблонями, прячась, как тайные любовники, стояли и, забыв обо всем на свете, страстно целовались Наталья и Андрей. Целовались, как будто только что встретились после долгой разлуки, как будто они только вчера поженились! Татьяна, не сдержавшись, вскрикнула, бросилась вон за калитку и, спотыкаясь о невидимые во тьме корни, побежала к озеру. Выскочив на берег, она влезла в лодку старого Егорыча, села на корме и съежилась от боли, закрыв лицо руками. Надежды, которые она лелеяла в себе все эти годы, оказались пустыми! Они целуются – жадно и нетерпеливо, как подростки, не в силах даже добежать до супружеской постели. Нет, несколько он не охладел к жене за эти годы, никогда он не вернется к Татьяне. Вцепившись ногтями в наброшенную на плечи кружевную накидку, превратившись в сплошной комок боли, она сидела на корме лодки. Только сейчас с беспощадной ясностью она поняла: то, что могла она предложить ему – домашний уют, жизнь по расписанию – было ему не нужно. Он по натуре оказался страстным охотником и ни за что не променял бы азарт вечной погони за непокорной, до конца не прирученной птицей на ровный свет семейного абажура.

Татьяна вздохнула, зябко повела плечами – на террасе становилось все холоднее – и сильнее прижалась лбом к оконному стеклу. Андрея она потеряла навсегда, но и у нее есть повод для маленького торжества. Не прошло и года после гибели Наташи, как она узнала от общих знакомых, что Андрей женится. Сначала ей было взгрустнулось, и она чуть заревновала к этой новой, неведомой любви, но очень быстро успокоилась. Ее любовь к этому человеку давно переродилась в сладкое ожидание мести. И вот теперь эта месть свершилась, справедливость восторжествовала – недолго он вдовствовал, недолго страдал, довольно быстро излечился от своего горя и смело шагнул в новую жизнь, оставив погибшую жену где-то на краешке своих воспоминаний.

Лодку, в которой, не плача и не дыша от сжимавшей горло тоски, сидела Таня, внезапно сильно качнуло. Чья-то рука легла ей на плечо, и мягкие локоны зашекетали ее щеку. Это сестра целовала ее склоненную голову, приговаривая: «Танюшка, милая, прости меня. Я не знала, что ты все еще... Я... я дура... Прости. Мы утром же уедем». «Конечно, дура, – с раздражением думала Таня, пытаясь уклониться от Наташкиных

поцелуев. – Когда ты чего вообще понимала!?» Вдруг Наталья отстранилась и загремела цепью, которой лодка была привязана к причалу.

– Что ты делаешь? – зашипела Татьяна.

– Покатаемся, вода все смоеет, – низким голосом проговорила Наталья, села на весла и мощными, сильными рывками погнала лодку на середину озера.

– Ну, куда тебя несет! – взвизгнула Таня. Господи, как эта вертихвостка всегда – всегда, с детства – ее злила!

Сидя в лодке, Таня смотрела на гибкий стан сестры, качающийся взад-вперед в соответствии с движением весел, на ее сильные, длинные ноги, упирающиеся в пол суденышка, и чувствовала, как ее захлестывает ненависть. Встать бы да стукнуть веслом по рыжей кудлатой башке или сунуть рожей в воду – пусть бы побарахталась! Вдруг Наташка перестала грести, вытянула весла из воды и сбросила с себя платье.

– Ты чего, совсем очумела? – уже не сдерживаясь, заорала Таня. Под платьем у Натальи оказалась тоненькая, кружевная шелковистая сорочка, едва доходящая до середины стройного красивого бедра. Таня неслышно застонала – эту эротическую, прозрачную, нежную и одновременно прочную рубашечку она вязала для себя – в те дни, когда она, а не Наташка, была невестой Андрея. Вязала для себя, а подарила другой, загнав слезы и отчаяние поглубже внутрь ноющего сердца.

Луна лила свое серебро на озеро и на упругое тело молодой колдуньи. «Вода смоеет все печали», – глухо и протяжно выговорила Наташа и вытянувшись, прямо в сорочке, нырнула в воду. «Тань, давай сюда, вода – отличная», – закричала она сестре, красивыми сильными движениями унося себя все дальше и дальше. «Ну, вот куда ее несет? – злясь все больше, думала Таня. – Ведь там же ключи бьют, омут, туда никто не плавает, даже парни деревенские». Вдруг Наташка опять закричала: «Таня, Таня!». «Да отстань же ты от меня», – чуть не плача от раздражения, забормотала себе под нос Татьяна. Она твердо решила не отвечать сестре ни словом. Та продолжала кричать, и что-то тревожное почудилось Тане в этих криках. Она всмотрелась в темноту, где раздавались крики и плеск воды. «По... по... по-мо-ги!» – наконец разобрала она. «Помоги! Сюда! Сюда!» – Наташа явно захлебывалась, что-то случилось с ней в воде. Таня схватилась за весла, стала разворачивать лодку и вдруг... А что если махнуть веслом и поплыть в другую сторону? А эта пусть выбирается, как хочет, пусть хоть немного страдает, хоть немного глотнет боли и страха. Эта мысль наполнила Танино сердце такой тихой радостью, ощущением такой свободы, что она, почти не контролируя свои действия, сдела-

ла несколько рывков веслом и начала уверенно и сильно грести к противоположному берегу. В спину ей несся умоляющий голос Натальи, но он постепенно гас в поглощенном тьмой озере, и, наконец, стих совсем. Вдруг Татьяна обомлела – за лодкой кто-то плыл! На секунду она замерла от ужаса, потом сообразила – это Наташкино платье сползло с кормы и зацепилось за какую-то заусеницу в обшивке. Таня перелезла на заднее сиденье, перегнулась через борт, стала рвать тонкую ткань резкими отчаянными движениями, но в воде они теряли силу, и платье, как нежеланный и навязчивый свидетель, продолжало преследовать лодку. Лодка качалась и норовила перевернуться, Таня паниковала, чертыхалась, била проклятый кусок шелка кулаками и веслом, и, наконец, победила. Платье отцепилось, вальяжно покачалось на озерной ряби и скрылось из вида. Таня перевела дыхание и взялась за весла.

Наконец суденышко зашуршало килем по дну. Таня, мокрая, плохо соображающая, перелезла через борт и очутилась по колено в воде, намочив платье чуть не до пояса. Ноги увязли в иле, она с трудом выбралась на берег, сняла измазанные босоножки и заплетающимися ногами побрела домой. Тихонько проскользнув в свою комнату на втором этаже и скорчившись в постели, она попыталась понять: что же она сделала? Что будет, когда Наташка, вернувшись домой, расскажет родным, как было дело? Тогда Таня будет стоять насмерть – не успела подплыть, не сориентировалась в темноте, лодка запуталась в камышах или что-то в этом роде. А если... и тут ее сердце вздрогнуло от страха – если она не вернется?! «Не думать об этом», – запретила себе Таня, подтянула колени к подбородку и задремала.

Разбудил ее отчаянный стук в дверь. «Таня, – кричал отец, – Таня, открой! Ты не знаешь, где Наташа?». Татьяна соскочила с кровати, накинула еще сыроватое платье («А где накидка?» – мелькнуло в голове), рывком открыла дверь и отшатнулась – она никогда не видела отца в таком состоянии. Лицо его было перекошено, глаза от волнения чуть не выкатывались из орбит. «Откуда мне знать! – отвечала она, стараясь справиться с противной мелкой дрожью. – Что я ей, сторож? У Андрея спроси!». Но отец не дослушал, махнул рукой и ринулся вниз по лестнице, на ходу бормоча: «Он не знает. Он и поднял тревогу – говорит, пошел в душ, пришел – ее нет. Решил, что она пошла прогуляться. Лег и заснул. И проспал до сих пор. А ее вот нет и нет!». У Татьяны руки стали ледяными от предательского страха. Она вышла на улицу – родные и соседи побежали к озеру, а она осталась стоять у калитки. Ноги подкашивались, сердце прыгало в груди, не хватало сил бежать со всеми. Она отчаянно трусила:

«Теперь начнут следствие, будут допрашивать – где была, что видела. Как это у них называется? Оставление в беде? Уголовная статья!». Она несколько раз глубоко вздохнула – где-то прочла, что это помогает справиться с волнением. Ей и в самом деле стало как будто немного легче. «Главное, не выдать себя, – она напрягла память, мысленно восстановила картину вчерашнего берега, залитого призрачным лунным светом – тихого и совершенно пустынного. – На берегу никого не было, никто не видел, как мы отплывали. Это точно». Вдруг ее бросило в жар: «Где же все-таки моя накидка? Где я могла ее потерять? Неужели в егорычевой лодке оставила? Ведь затаскают на следствие!.. Не-е-т, – Татьяна напряглась всем телом и сжала кулаки, – буду держаться, как камень. Не поддамся. Скажу так – посидела в лодке, посмотрела на лунную дорожку, и пошла домой. Как накидку потеряла, не заметила. Наташу не видела».

Когда эта недотепа Вероничка сунула ей ее накидку, Татьяна в первую секунду чуть не потеряла сознание. «Вот она, улика. Все, конец. Не отвертеться» – запаниковала она. Но Вероника ничего не сказала и ни о чем не спросила, значит, ничего не заподозрила. А Таня сразу взяла себя в руки и выбросила подальше злополучный кусок ткани – пусть валяется в кустах – потеряла и все тут.

После отъезда следователя Татьяна с облегчением перевела дух. По поводу накидки никто не проронил ни слова. Таня так и не узнала, кто и где ее нашел. Лодку свою Егорыч обнаружил в прибрежных камышах и решил, что ее прибило туда течением. «Да если Егорыч и нашел накидку в своей лодке, – размышляла Татьяна, – у него, у старого алкаша, недостаточно мозгов думать и делать выводы».

У Татьяны от холода руки стали ледяными, но она продолжала неподвижно стоять, уткнувшись лбом в оконное стекло. На этой террасе они сидели тогда, пять лет назад, оглушенные случившимся. С матерью сделалась истерика. Все презрение к Андрею, которого она в глубине души считала безвольной тряпкой, Наташкиным подкаблучником, все раздражение против отца, копившееся годами, она, не сдерживаясь, выплеснула наружу. «Мямля, – орала она зятю, – сонная тетеря! Почему ты вечно у нее на поводу? Почему ты ее отпустил неизвестно куда? Почему не пошел сразу искать? Почему сразу не забил тревогу?»

«А ты, – срывающимся голосом рычала она на мужа, – ты почему не проверил, на месте ли твои дети? Все разбрелись, пошли баинькать в свои кровати, а она... девочка моя!..» Татьяна испуганно слушала. «Да она ненавидит отца»,

– вдруг дошло до ее сознания, и это беспощадное открытие будто сорвало у нее пелену с глаз. Таня, конечно, давно поняла, что у родителей непростые отношения. Из их спальни до нее порой доносились взвинченные голоса – мать обвиняла отца, да и своих детей заодно, что не смогла пробиться в своей профессии, стать литературоведом, заняться художественным переводом, так и осталась школьной училкой русского и литературы. «Всегда – только твои интересы на первом месте, только твоя работа, только твои чертовы аспирантки», – приглушенно вскрикивала мать. Про «чертовых аспиранток» Таня и сама знала – частенько бывало, что в доме раздавался телефонный звонок, отец брал трубку, что-то деловито и строго в нее говорил, а через некоторое время, надев чистую рубашку и костюм, куда-то отправлялся, на ходу бросая домашним: «Я – по делам. К ужину не ждите». И Таня замечала, как мрачно и ненавистно глядит мать в спину уходящего отца.

И все же Тане казалось, что родительские стычки – не более, чем досадные ухабы на их супружеском пути. Ведь только вчера, на дне рождения отца, перед сонмом гостей родители казались такой дружной, такой восхитительной парой. А сейчас, на террасе, Татьяна воочию наблюдала, как рушится красивый фасад и обнажается истинный вид семейного очага – давно остывшего и прогорклого.

В конце концов отцу, очевидно, стало невмочь слушать женские вопли, он резким движением обхватил жену за плечи и сжал их с такой силой, будто хотел сломать ей грудную клетку. Это помогло – мать сморщилась от боли, но истерику прекратила и затихла. Тане на секунду стало стыдно перед посторонним человеком – Вероникой. Давнишняя подруга матери осталась с ними, чтобы поддержать их в трагическую минуту, и вот теперь оказалась в положении человека, перед которым, не стесняясь, трясут грязным семейным бельем. Она украдкой взглянула на Веронику – та сидела с таким скорбным лицом, что Тане сделалось смешно. «Нашла, кого стесняться», – скривила она губы в незаметной усмешке. Она-то знала, как на самом деле отец и мать относятся к Веронике. В их отношении к ней давно уже не было ни дружеского участия, ни простого сочувствия. «Опять твоя нюня просидела у нас целый вечер, столько времени отняла! У меня уже в печенках сидит ее вечная вдовья печаль», – выговаривал отец матери. «Ну да, ты прав, – соглашалась та, – но что же поделать? Не могу же я обидеть университетскую подругу. Она говорит, что отогревается у нас душой». «Лучше бы она свою душу отогревала рядом с какими-нибудь штанами. Не старуха же, в самом деле!», – продолжал насмешничать

отец, и мать кивала ему в ответ, вздыхая и разводя руками.

Наконец «подруга семьи» не выдержала и засобиралась уходить. Никто не обратил на нее не малейшего внимания – ее присутствие никому не было нужно. Только Татьяна вышла ее проводить на крыльцо – ей хотелось убедиться, что Вероника ничего не заподозрила, передавая ей накидку. Но Вероника бормотала обычные слова сочувствия, предлагала свою помощь, и Таня кивала ей, почти не слушая, с чувством огромного облегчения.

На стуле за спиной Татьяны, небрежно брошенная на стул, лежала сумка с распечаткой романа. Еще совсем недавно, по пути от редакции до дачи она радовалась, вспоминая отзывы Вероники Павловны о своей работе, и лелеяла сладкую надежду увидеть книжку со своим именем на обложке. Но сейчас, на стылой, темной террасе эта радость погасла, как свеча от порыва ветра. Зачем она все это написала? Кого хотела обмануть?

Детство... Все повторяют – «счастливая пора». Вот и она описала свое детство в лучезарных тонах. А ведь она не была счастлива в детстве – нет! Ее считали печальной, тихой, задумчивой. Дураки. Никто не догадывался, что вовсе не задумчивость и природная скромность, а затаенная, глухая ревность заставляла ее опускать глаза, сжимать губы, молчать и замыкаться в себе. С годами ее талант расцвел, она достигла своей детской мечты – стала художником-модельером, приобрела известность и клиентуру, родные и друзья щеголяли в связанных ею оригинальных кофточках и шالях. Ее хвалили знакомые, ею гордились родные. Но сердцем все тянулись – Таня это хорошо чувствовала, и мучительно завидовала – к смешливой, озорной Наталье. В ней была магнетическая притягательность детского простодушия и неподдельной душевной теплоты. У нее был дар, недоступный Татьяне, – она умела веселить сердца.

Тоска, непроглядная, как ночь за окном, навалилась Татьяне на плечи. Тишина вокруг казалась материальной, за спиной угрюмо молчал мертвый, пустой дом. Подумать только, одно движение веслом – и все могло бы быть совсем иначе, здесь звенели бы голоса и песни. А теперь – ни души, и впереди – нескончаемая череда тя-

гучих лет и безмерность одиночества. Перед глазами встало лицо сестры – чуть раскосые дерзкие глаза, плутоватая улыбка. «Позови меня! – в отчаянии прошептала Таня. – Позови меня вновь, я приду!».

Вдруг она вскрикнула от страха – ей показалось, что снаружи, за окном, кто-то стоит. Липкий, отвратительный пот охолодил спину, и она, замирая, вгляделась в ночной мрак – голая яблоневая ветвь, безвольно подчиняясь ветру, билась о стекло.

Татьяна выдохнула с облегчением, торопливо прошла в комнату и стала разжигать печь. Скорей, скорей – зажечь все лампы, согреться, вскипятить чайник. Руки все еще чуть дрожали от пережитого страха, но она довольно быстро справилась с растопкой, огонь весело заплясал по сухим веткам, уверенно принимаясь за все более толстые поленья.

Татьяна уселась перед печкой и стала безотрывно глядеть в ее гудящий зев. Тоска, испуганная светом и теплом, отступала, душа отогревалась.

Если быть честной с самой собой, так ли страшит ее одиночество? Нет, не страшит. Ее одиночество – это свобода от ревности, зависти, глухой, разъедающей душу ненависти. Она хозяйка своей жизни, независимая, сильная, успешная. Ей не надо смирять себя в угоду чужим правилам и мнениям, не надо лгать и притворяться.

Но что же все-таки получается? – думала она в следующую минуту, неотрывно глядя в гудящее, жаркое нутро печки. Ведь она по сути дела – убийца.

И она, внутренне напрягаясь, задумалась над этим словом, над этим пронзительным сочетанием двух визжащих звуков – «и-и-й», и чем больше раздумывала, тем больше успокаивалась. И вовсе не надо ударять сзади веслом, выталкивать из лодки, держать пышноволосую голову под водой. Как просто все оказалось – одно круговое движение веслом, и легкое суденышко, послушно развернувшись, понесло ее к радости и свободе.

В конце концов, ее тревога совсем рассеялась, как рассеивается под лучами солнца утренний туман над озерной гладью. Никто никогда не узнает правды. Сладкий привкус тайного безнаказанного преступления наполнил душу тихим весельем. Татьяна вздохнула полной грудью и расправила плечи.

Ирина БЕЗУГЛАЯ

Родилась в 1941 году в с. Борское (ныне – Самарская обл.). Сейчас проживает в г. Москва. Филолог, кандидат филологических наук, переводчик и преподаватель иностранных языков. Пишет для детей и взрослых. Есть несколько опубликованных книг на ЛитРес. Большой жизненный и профессиональный опыт, интерес к общению с людьми разных возрастов, профессий и социальных групп, умение слушать, склонность к анализу услышанного, увиденного и пережитого дает мне обширный материал для литературного дела.

«ПОЛЮБИ МЕНЯ, МУСЯ!»

С Катюшкой мы вместе родились, в одном роддоме, а потом оказалось, что мы и живем в одном доме. Наши мамы или бабушки в одно и то же время катали нас в колясках по одному и тому же маршруту: от подъездов нашего дома до ближайшего парка, часок там, а потом обратно. Мы научились ходить, а потом говорить тоже вместе. Летом мы играли в одной песочнице во дворе на детской площадке и вместе строили замки, лепили «куличики», или всяких зайчиков и мишек из пластмассовых формочек. Пошли в один и тот же детский сад, куда нас обеих записали, как потом рассказывали, еще с грудничкового возраста. Школа тоже была рядом и, конечно, мы поступили в один класс, уселись на одну парту и часто вместе делали уроки у нее или у меня. Мы и на хор в заводской клуб напротив, и в секцию ушу ходили вместе. Она, правда, хотела сразу на карате, но ей сказали, что туда берут девочек только с 9 лет. А когда нам исполнилось девять, мы уже перестали заниматься и хоровым пением, и восточными единоборствами, а пошли на бальные танцы и латино, потом сменили их на

индийские, потом на джаз-балет, потом на степ. А потом мы вообще расстались с Катюшкой.

Но это случилось позже, когда мы уже окончили школу, и легко, без напряжения, сдав обычные выпускные экзамены, а не введенный позже дурацкий ЕГЭ, получили вполне приличный аттестат. Семья подруги к тому времени переехала в другой район, но школу она не меняла и издалека ездила к нам два последних учебных года.

Как только в Москву завезли компьютеры, Катюшке приобрели его для домашнего пользования. Позже он появился и на моем столе. Так и раньше было: стоило моим родителям купить мне что-то новое, особенное, как у Катюхи тут же появлялось то же самое. И наоборот. Ну, например, классный фотоаппарат, портативная видеокамера, а для зимы – фирменные лыжи, беговые и горные, роликовые и фигурные коньки и т.д. К десятому классу мы уже держали в руках радиотелефоны с вытянутой антенной, а немного позже и мобильники.

У нее и у меня родители, вполне обеспеченные и занятые люди, проводили целыми днями

на работе, а после были, или слишком усталые, или снова очень занятыми, чтобы обращать на нас внимание. Они нашли хороший способ замены: снабдить нас всякими современными игрушками, чтобы мы не приставали. Мы и не приставали, росли себе вполне адекватными детьми, не создавая проблем.

Проблемы появились у самих взрослых. Неожиданно, семья у Катюшки распалась. Они жили в большой четырехкомнатной квартире: мама, папа, бабушка ну и сама Катюшка. А потом у нее появился еще и брат Костик. Его сразу стали звать Котя. Такая задумка была у родителей: дочь – Катя, а сын – Котя. Костик и правда, был похож на симпатичного котенка, и ему очень подходило его имя.

А меня зовут Маруся. Вообще-то я – Мария, но моему папе очень нравилось называть меня Маруськой, а еще проще – Муськой. Он, смеясь, рассказывал, что в его деревенском доме, где он проводил детство с бабушкой, у него была кошка Муська. Он ее очень любил, а она его грела зимой, когда бабка, экономя дрова, мало топила на ночь. Муська ложилась ему на ноги и до утра не сходила с кровати. Маруськой же звали и соседскую корову, от которой бабка брала парное молоко, чтобы поить им внука – сиротинушку. И я, и мама активно возражали, чтобы меня называли Маруськой или Муськой. Мне казалось, что все вокруг знают, что это не имя, а кличка для домашнего скота или кошек. Я и обижалась на папу, и сердилась, а он только смеялся. Но когда он перед сном гладил меня по голове, целовал в пятки и ладошки и шептал на ухо, то мурлыча как кот, то мыча как корова: «Муу-сечка», я смеялась, и уже было совсем необидно быть любимой кошкой, да хоть и коровкой. Папа у меня был военным врачом и работал в госпитале. Потом он уехал в Чечню, где его случайно убили. Когда его не стало, мама, упорно называвшая меня Марией, тоже перешла на Муську. Да и я сама уже без смущения отзывалась на это имя.

Я очень тяжело пережила гибель отца. Мне часто стал сниться сон, в котором я превращалась в кошку. Я ходила по какой-то старой темной комнате и выискивала кровать, где должен был лежать мой отец, и я очень хотела согреть его. Я плакала во сне, и мама подходила и утешала меня, стараясь, как отец промурлыкать на ухо «Мусечка...» Я любила маму, но очень тосковала по отцу. Я и сейчас тоскую, хотя прошло почти двадцать лет, как его нет.

С малышом Котей, братишкой Кати, гулял в основном дедушка. Но дедушка два раза в неделю уходил в художественное училище преподавать черчение, и тогда нам с Катюшкой приходилось таскать коляску по окрестным дворам. Мы веселились и хохотали от того, что, переезжая бордю-

ры, выбоины на дорогах и прочие препятствия, с трудом удерживали неповоротливый транспорт в руках, рискуя перевернуть его вместе с ребятенком вверх тормашками. Бедный Котенок, проснувшись от тряски, начинал голосить. Мы трясли его еще больше, и он замолкал. Дома мы вручали внука бабушке и с удовольствием возвращались к своим делам и увлечениям, связанным в основном, с компьютерными приставками – играми. Нас обеих намного больше занимал придуманный мир, чем то, что происходило вне его, рядом с нами. И Катюшка не сразу заметила, что ее семья распадается.

Давно овдовевший дедушка и, как нам казалось, глубоко старый старик, взял да и женился и уехал жить к своей старушке. Спустя немного времени съехал с квартиры и отец Катюшки. Оказывается, у него лет пять уже, как была новая семья или лучше сказать, другая семья. И он решился, наконец, об этом уведомить «старую» семью. Придумав имя долгожданному сыну, он взял да и оставил его, Катюшку и их маму, свою жену. Коте тогда было два года с небольшим, и он как раз стал говорить, и это было очень забавно. Но ни дедушка, ни папа уже не слышали этого чуда, когда ребенок молчит, молчит, а потом вдруг скажет такое! Мама Кати и Коти тоже почти не видела ни сына, ни дочери. Она продолжала очень много работать на своей фирме, и у нее постоянно шли рекламные компании, одна за другой. А у Коти постоянно менялись няни. Одних не устраивало расписание, других – количество услуг, которые надо было оказать: уборка, готовка и кормление, прогулки на свежем воздухе, развивающие игры, третьих – еще что-нибудь. Постоянными в доме у Катюшки были мы с ней. Но мы не очень-то обращали внимание на малявку, да и он не очень приставал к нам. Но как-то вечером, когда мы сидели, как обычно, за компьютером, азартно щелкая пультом, Котя подошел ко мне сзади, подтащил скамеечку, встал, сцепил ручки на шее, прижался головешкой к моей спине, и почему-то хрипло, со вздохом прошептал: «Полюби меня, Муся».

Каждым позвонком я вдруг почувствовала теплоту и нежность этого шепота, детских ладошек, острую жалость и необходимость защитить. Катюшка прикрикнула было на брата: «Кот, не мешай, иди, займись делом», но я отодвинула крутящийся стул, схватила малыша на руки, едва не уронив при этом, и стала целовать, приговаривая: «Да я же тебя давно люблю, я тебя очень люблю». Он радостно засмеялся и убежал в свою комнату.

Так у нас с ним началась игра, которая продолжалась, пока мы дружили и часто встречались. Как только Катюшка открывала мне дверь, тут же семенил Котенок и, уткнувшись мне в бок,

тихо просил: «Полюби меня, Муся». Я его должна была уверять, что я его давно и сильно люблю и никогда не разлюблю. Он бы стоял и дольше, но громкий голос старшей сестры не зло, но решительно приказывал: «Кот, все, хватит. Иди в свою комнату и найди занятие». Видимо, она в точности повторяла слова и интонацию своей матери. Та была женщиной строгой, но справедливой. Во всяком случае, именно так она характеризовала саму себя. После развода с мужем она принялась работать еще свирепей и вскоре стала уже замом генерального директора крупной компании по недвижимости. Она занималась рекламой, связям с общественностью, организовывала пресс-конференции, давала интервью и т.д. Мы с Катюшкой не раз видели ее по телеку в передачах про малый и средний бизнес.

Через какое-то время папа Катюшки, художник – миниатюрист, ушел и из своей новой семьи. Он захотел жить один. Тогда он и вспомнил, что имеет право на какую-то часть жилплощади, давно оставленной им, как предполагалось, в пользу старой семьи. Он попросил поменять квартиру, чтобы получить свой угол для житья. Пришлось разменивать большую квартиру.

Когда Котя перешел в 4-ый класс, отец забрал его к себе, чтобы отдать в художественную спецшколу, где подрабатывал, обеспечивая себе стабильный заработок, не всегда гарантированный продажей миниатюр.

После размена квартиры моя Катюшка переехала в дальний район Москвы, но мы не переставали с ней активно перезваниваться. Позже, с появлением Интернета и новых возможностей мобильных, мы с энтузиазмом по несколько раз в день слали друг другу эмэлки и эсэмэски. Проходило время, и постепенно паузы в звонках и письмах стали увеличиваться. У каждой появлялись новые друзья, знакомые, новые заботы, увлечения. Встречались мы еще реже. Она училась на вечернем отделении юридического факультета и работала у мамы в компании, которая стала специализироваться только на купли – продажи элитной недвижимости в Подмоскowie. Дела шли успешно, несмотря на все перипетии экономики.

А я обреченно, предсказуемо поступила в медицинский. Занята была с утра до ночи, или собственно учебным процессом или сумасшедшей студенческой жизнью вне аудитории, которая меня увлекла не меньше чем сама учеба. Слово «обреченно» я употребила вовсе не со знаком минус. Быть врачом было решено давно. Оба родителя, и погибший отец, и мама были медиками, и не просто так, а хирургами. Кстати, моя красивая и умная мама вышла второй раз замуж (тоже за врача) как раз в день последнего звонка в школе. Вот такой мне был «подарок» к окон-

чанию школы. Но я порадовалась за маму. Мне кажется, что я стала кое-что понимать в жизни давно, с подросткового возраста, особенно после гибели папы. У меня, как мне помнится, не было особо трудного переходного периода, проявлений тупого упрямства или жуткой необходимости самоутверждения любым способом. У нас с мамой сложились доверительные дружеские отношения. Она никогда не держала меня на коротком поводке и всегда объясняла вещи понятным и прямым языком, как будто диктовала при утреннем обходе медсестрам необходимые процедуры и время приема лекарств после сделанной накануне операции.

Я не хотела быть хирургом. Я с третьего курса взяла специализацию в области наркологии, поскольку уже тогда на наших молодежных ту-совках я видела, как за какие-нибудь месяц-два у моего сверстника летит «кумпол» и разбивается на кусочки, не собрать. Медикаменты, процедуры, капельницы не слишком помогали. Мои смелые амбиции устремлялись к тому, чтобы изобрести что-нибудь радикальное, против последствий приема «дури».

Общение с Катюшкой все более затухало. Иногда проходили месяцы, пока появлялось какое-нибудь новое сообщение от подруги, и я писала ответ. Потом стал бежать год за годом, и совсем уж незаметно каждая из нас перемахнула свою первую четверть века, повидавшись за это время всего три раза: по поводу встречи одноклассников, моего замужества (через год развелась) и на похоронах ее отца.

Бедный художник – миниатюрист! Он сам превратился в изящную миниатюру от вяло текущей, но неуправляемой онкологии. Среди собравшихся на кладбище, сына – Костика – не оказалось. Я спросила у Катюшки «почему»? Она тихо, почти на ухо ответила: «Потом расскажу». Но и потом так и не рассказала. Жизнь московская разводит людей не только далеко по разным округам, но и по разным жизненным маршрутам.

По телефону, по электронной почте или при редких встречах, я спрашивала о Котенке, просила передать привет, и каждый раз меня удивляло, что сведения о брате Катюшка передавала фразами короткими, формальными типа «ничего», «все нормально», «живописует, как отец». Говорила она о брате с явной неохотой, зачастую довольно резко прерывая расспросы. Я не настаивала, хотя у меня оставалось потом какое-то тревожное ощущение беды. Но ведь люди вообще далеко не всегда, а лучше сказать, очень редко склонны впустить к себе, в себя чужое горе, чужую беду и, подстраховываясь от такого внедрения, переходят к другим темам, благодарные человеку, который сдержан в рассказах о своих

проблемах. Я, наверное, не исключение. Сознавая это, я и сама не слишком охотно делюсь своими проблемами даже с очень близкими людьми. Впрочем, очень близких у меня и нет. Вот был бы отец жив...

Окончив с красным дипломом медвуз, я тут же поступила в ординатуру, продолжая работать в известной наркологической клинике, где собирала эмпирику сначала для диплома, потом для диссертации. Господи, Боже мой, здесь только за месяц можно было набрать материал на несколько весомых научных трактатов.

Объектом моего изучения были молодые люди до двадцати лет, страдающие наркозависимостью. Пьяницы меня не интересовали. Это была другая тема.

Два раза в месяц мне приходилось дежурить по ночам. Это время сбора «урожая». Ребятам везли отовсюду: из ночных клубов, казино, из подъездов жилых домов и заброшенныхстроек, с каких-то свалок и площадок, иногда просто из квартиры, где эти обкуренные или обколотые парнишки и девчонки проживали вместе с родителями, часто вполне респектабельными и не бедными людьми. Не один раз мне пришлось видеть и последствия «передоза».

Врачей зачастую обвиняют в некотором цинизме, привыканию к видению боли и скорби, а от того у них и нарастает, мол, некий слой бесчувствия. В этом есть лишь доля истины. Искреннее и глубокое сострадание, если не у всех, то у большинства врачей, действительно как бы покрывается защитным слоем, спасающим их от постоянных эмоциональных перегрузок, что позволяет им делать свою работу без нервозности. Сужу по себе. Несмотря на свой относительно недолгий опыт, я тоже научилась не поддаваться сильным эмоциям и сантиментам, как говорится. Я берусь за дело и начинаю быстро, без суеты, без ненужных охов – ахов спасать человека. И мне не в чем себя упрекнуть: я делаю все точно по инструкции, в соответствии с конкретным состоянием данного больного.

И вот как-то на очередном дежурстве в приемный покой доставили парня на вид подростка, так он был худ и немощен. Положение было угрожающим. По внешнему осмотру я могла уже довольно четко сказать, какую дозу принял больной и каким способом, то есть, колелся ли он, дышал, или принимал внутрь. Иногда мне удавалось, еще до анализа, определить тип наркологического препарата. Я уже составила целую картотеку по симптоматике, отличительным признакам клинического состояния больного в зависимости от характеристики самого препарата, его количества и качества, то есть, чистоты продукта. Картотека все расширялась: появлялись все новые, неизвестные смеси, составы, жидкости, пилюли

и прочая химическая гадость. На продажу и потребление шло все. Мне пришлось снова взяться за учебники по органической и неорганической химии, лопатить наши и иностранные журналы. Наших было совсем мало. Большинство российских авторов предпочитали печататься в иностранных изданиях и выступать с докладами на международных конференциях. Пришлось сильно подружиться с химиками – аналитиками из центральной лаборатории, чтобы получать профессиональные консультации задаром.

Мы почти не надеялись спасти мальчишку, которого привезли в ту ночь, случай был очень трудный. Все показатели по анализам крови, мочи, состоянию почек, печени, желудка зашкаливали за норму так, что казалось странным, как он вообще еще живет. Иммунная система практически не работала. Истощение было на грани необратимой дистрофии. Да и сам вид его напоминал бродягу, бомжа. Грязное тело, такие же грязные спутанные волосы, дырявая старая куртка и джинсы с протертыми дырками на коленках от ветхости, а совсем не по входившей тогда моде. Тем неожиданной оказался найденный во внутреннем кармане куртки, зашитом на скорую руку, паспорт. Я открыла его и прочитала вслух: Чивилев Константин, родился в Москве 19.09.1990 года, зарегистрирован – Москва, улица... Но я не закончила читать адрес. Меня как будто обожгло, и я снова вернулась на первую страницу. Это множество девяток в дате рождения мне было знакомо, а уж фамилия в сочетании с именем, и подавно. Это был Котенок, брат моей подруги Катюшки. И ко времени поступления к нам, ему было полных 19 лет. Он вовсе не был подростком, каким казался.

Мне удалось выделить ему отдельный бокс и, объявив всем, что это – мой исследуемый больной, сама расписала ему режим интенсивной терапии с применением всего лучшего, чем владела наша клиника. Я взяла себе ночные дежурства на весь курс лечения, и после утреннего обхода и небольшого перерыва на сон дома или в дежурке на диване, возвращалась к нему в палату. Прошла неделя, но ни его сестра, ни мама не объявились, хотя, конечно, я в первый же день отправила Катюшке на мобилу сообщение о случившемся. Попытки дозвониться не увенчались успехом – абонент был постоянно вне доступа.

Костик был в коме почти две недели. Еще дней десять ушли на элементарное откармливание. Он был истощен невероятно. Редкий случай даже для наших пациентов.

Еще через неделю он стал приходить в себя, открывал глаза и долго смотрел вверх на потолок. Я оценила придумку нашего психолога: не просто побелить потолок, а расписать его радужными голубыми, зелеными, желто-золотистыми

плавными линиями, виньетками, арабесками. Эту идею он вывез из Норвегии, побывав в одной из клиник для душевно больных. Часто они подолгу лежат на спине и глаза упираются лишь в мертвый белый саван наверху. По мнению варяжских психиатров - это еще больше депрессирует больного. И наоборот, цветовая оптимистическая гамма должна, по их теории, вызывать положительные импульсы, отвлекать от приступов немотивированной депрессии, а главное вызывать желание жить дальше. Котя смотрел на потолок, а я все смотрела на него, пытаюсь представить его жизнь, пытаюсь понять, как это могло случиться.

На очередное мое сообщение по электронке, Катюшка, наконец, откликнулась, попросила адрес клиники и через день приехала. Взглянув на брата, который и на нее никак не отреагировал, она прошла в наш кабинет. Мы остались одни. Она закурила, я открыла окно и приготовилась ее слушать. Она долго молчала, потом, повернув голову в сторону открытого окна, за которым зеленели первые майские листочки на высокой гибкой березе, неожиданно начала: «Ты слушать исповедь мою сюда пришел, благодарю...» Я улыбнулась, подошла к ней, обняла за плечи. Я вспомнила, как «проходя» в школе Лермонтова, мы дома так долго читали с ней вслух по частям «Мцыри», что выучили всю поэму наизусть.

Она просидела у меня часа два. Я лишь на время уходила несколько раз по просьбе дежурной медсестры, потом возвращалась и продолжала слушать. Рассказ был невеселым.

Когда Костик переехал к отцу, он тоже пошел учиться на художника, сначала в среднюю художественную школу, потом в Строгановское училище, которое не закончил. У него не было много времени ездить к матери и сестре: те жили в разных концах мегаполиса. Матери и ей, Катюшке, тоже было некогда. Мать к тому времени, смогла уже купить часть акций компании, потом и Катюшка приобрела часть, и они стали совладельцами с контрольным пакетом акций. Нужно было крутиться и кувиркаться, по выражению Катюшки, чтобы удержаться на рынке. Себе они со временем тоже купили по элитной недвижимости в ближайшем Подмосковье. Надо было все обустроить и вкалывать еще больше. Потом начались провалы, нет, не в бизнесе, а снова в семейной жизни. Удачный бизнес и удачная семья редко сочетаются. Так было и у них с матерью. Катюшка выходила замуж три раза и три раза разводилась. Сейчас есть бой-френд, но замуж она больше не собирается. Детей нет, не получаются, а родить с применением новых технологий ей что-то не в кайф. Мамашка, как она назвала мать, тоже пару раз пыталась из своих коллег мужского пола сделать партнера по жизни. Не получи-

лось. Ее оставляли, не забыв при этом отыграть в свою пользу квартиру, машину или маленький «свечной заводик». В конце концов, переложив на Катюшку все дела в совместном бизнесе, мамка укатила в Испанию на постоянное место жительства. Она ушла на заранее подготовленные позиции. Кроме домика под Барселоной, она получила небольшую долю в немецко-испанской компании недвижимости по работе со странами Восточной Европы, России, в том числе. И опять была на коне.

– А я все бьюсь здесь как рыба об лед. Времена трудные, кризис, правда, в нашей сфере не так сказывается, но и конкурентов до черта, – продолжала Катюшка после того, как затянулась очередной сигаретой: она курила одну за другой.

Я долго выслушивала весь этот «плач Ярославны», ожидая, когда она перейдет к проблемам брата. Я не выдержала и, улучив паузу, напомнила о Костике, который лежал под капельницей рядом, за стеной.

Катюшка загасила начатую сигарету, поднялась со стула, подошла к окну и стала говорить, не поворачиваясь ко мне, уперев лоб в стекло.

– Ну да, когда отец забрал к себе Котю, мы с матерью даже обрадовались: сыну нужен отец, а отцу – не слишком удачливому художнику, будет не так одиноко. Да и нам с матерью, честно говоря, некогда было особо заниматься учебой и воспитанием мальчишки. Я же тебе описала наше житье-бытье в круговерти бизнес-планов, рекламных компаний, в постоянной борьбе за выживание, а точнее сказать, за удержание места под солнышком. Ездили мы к ним в Бирюлево-Товарное, прикинь, названьице, редко, а они к нам еще реже. Как-то я приехала и застала у отца большую компанию молодежи из училища. На столе вроде ни водки, ни вина, а ощущение такое, что все хмельные. Я не сразу поняла, что они «косячок» курят, пускают по кругу для тесноты общения. Вроде невинная забава. Я тогда напрямую не сталкивалась с наркоманами. Слышала, конечно, видела по телеку репортажи, знала о проблемах на национальном, как говорится уровне, в других странах. Но как-то не брала в голову. Эта проблема для меня скорее была в некоем виртуальном мире. Рядом со мной никого из любителей уколоться и забыться не было. Да и в тот раз я, хоть и поняв причину всеобщего кайфа присутствующих, включая моего отца, не почувствовала опасности. Более того, я сама присоединилась к круглому столу, за которым шла оживленная беседа об искусстве. Стоял общий треп, никто никого толком не слушал. Я просидела немного, потом тихо слиняла. До двери меня проводили отец и Котик. Я им сказала: «Ребята не, стройте из себя крутых менов. Вы уже взрос-

лые мальчики. Работать надо, делом заниматься. А то мы с матерью откажем вам в удовольствии, как в армии, спишем в резерв, и все». Ну да, я же тебе не сказала, что в те годы у отца вообще не было заказов. Мастерскую его отобрали, выставки не устраивались, ни галереи, ни музеи ничего не брали из его миниатюр - нечем было платить. Отец продавал свои изделия на рынке, пардон, на вернисаже в Измайлово. Наверняка, этих денег едва хватало на самое необходимое. Мы с матерью ежемесячно выдавали им довольно приличную сумму. А в доме, когда я пришла к ним, все было старым, запыленным, брр. Неуютно, печально... Конечно, мне тогда надо было схватить Кота и вместе домой вернуться. Но... Я тогда жила уже отдельно от матери в своей квартире вместе с бой-френдом, а у мамы был очередной скороспелый муж.

Я дала себе слово приезжать чаще, пару раз сама заезжала за братом, и мы с мамой устраивали семейный ужин в ресторане. Но, не дожидаясь десерта, мать обычно срывалась куда-то на переговоры или тоже на ужин, но уже с деловыми партнерами. Оставшись наедине, мы с Костей обменивались короткими фразами, спешили закончить трапезу, почти тяготясь обществом друг друга. Честно, Муська, нам не о чем было говорить. Он был далек от бизнеса как от Полярного круга, а мне не хотелось особо вникать в его проблемы поиска себя в живописи. Во-первых, я в этом ничего не понимаю, а главное, я не верила, что у него есть талант. Впрочем, я и у отца особых искр божьих не находила. Да и Кот оказался, слабо говоря, не болтлив. Он сидел и молчал, отвечая только на мои конкретные вопросы, а если они не были столь конкретны, он улыбался неуверенно и моргал глазами. Ну, ты же помнишь Кота в детстве: ничего толком понять не мог, и сам толком ничего никогда не говорил. Таким вот и остался.

Когда я приехала очередной раз, в квартире уже практически ничего ценного не осталось. Отец продал даже свои любимые картины – прелестную серию на тему «Времена года на старой даче». Все шло на покупку наркоты. Здесь уже не просто косячки по кругу пускали. Здесь вдыхали и кололись по-взрослому.

Спустя немного после моего последнего визита, отец умер. Я еще тогда поняла, что он не жилец: вид был ужасный, и он мне сам сказал, что у него запущенный «рак с большими клешнями по всему органону», - типичная папенькина ирония. Костика дома не оказалось, а на мой вопрос, отец пожал плечами и почти весело сказал: «Свободный художник – летит, куда воображение позовет, куда подскажет. Я его редко вижу. Наверное, где-нибудь живописует. Знаешь, он такой талант оказался!»

Я его попросила, даже потребовала, позвонить мне, как только Костик вернется, или пусть сам Котя позвонит, но ни тот, ни другой так и не позвонили. И я решила – черт с вами, выбирайтесь сами из ямы, куда угодили. Сколько лет можно торчать на содержании у бывшей жены и дочери? Ну, я не права?

На этом вопросе Катюшка закончила свою повесть, оторвалась от подоконника и подошла ко мне.

Я сидела за столом, не двигаясь, уставившись взглядом в стеклянный шкаф с лекарствами, на дверце которого несмываемой краской было написано: «Закрывать на ключ!». Катюха увидела, что я плачу и тоже заплакала. Мы обнялись и ревели всласть вместе, окончательно прощаясь с детской дружбой, с юностью, скорбя о потерях прошлых и предвидя будущие...

Потом мы прошли в палату, где лежал Костик. Тот спал. Катюшка постояла у двери, посмотрела на спящего брата, судорожно вздохнула и, открыв сумочку, достала оттуда увесистый пакет. «Вот, возьми. Это на лечение. Ну, там что нужно, питание дополнительное, уход. Когда подлечите и нужно будет перевозить, позвони мне, я организую. Подумаю, что с ним потом делать». Она взглянула на часы, охнула, поспешно поцеловала меня и пошла быстрыми шагами к выходу. Я смотрела ей вслед: высокая, стройная, она привычно уверенно шла на высоких каблуках. Походка была от бедра, как у манекенщиц. Катюшка всегда была «супер-герл», как ее называли наши школьные приятели.

Я вернулась в кабинет, включила компьютер. У меня была куча файлов, где я хранила сведения всех больных, которые входили в мою группу исследований. Особую папку я завела для больного Чивилева Константина. Я открыла последнюю запись, перечитала, вернулась к началу и внесла туда некоторые данные, которые узнала от Катюшки и которые могли быть мне полезны. Я записала, с какого года начался прием легких наркотиков, в каком состоянии на той стадии находился больной по визуальному осмотру не специалиста, в какой социальной среде проходило привыкание. Отметила и роль старшего, а именно отца, в усвоении пагубной привычки.

Проходили дни и ночи. Я регулярно появлялась у постели Костика, одна или в составе других коллег-врачей и медсестер. Все мы были в одинаковых халатах светло-зеленого цвета, одинаковых шапочках на головах, волосы забраны. Наверное, для пациентов казались одинаковыми и наши лица, с которых не сходило выражение строгой доброжелательности. Все было очень корректно, профессионально. И Костик смотрел на всех, и на меня тоже, одинаково безразлично.

Во взгляде не было злобы, тупости, недовольства, испуга или скрытого протеста, а лишь глубое и спокойное равнодушие ко всем и всему, что его окружает. Меня он не отличал от других, то ли не узнавал, то ли и мое, узанное присутствие, было ему тоже по фигуре.

Прошел месяц. Состояние Костика заметно улучшилось. Правда, две ломки, следующие подряд одна за другой, чуть было не сделали весь процесс реабилитации необратимым, но, слава Богу, мы его вытащили. Я могу сказать, что частично здесь была и моя заслуга: разработанная методика лечения, предложенная мной и утвержденная главврачом, была под моим личным строжайшим контролем. Я как хищная птица кружила рядом, даже если было не мое дежурство.

Я разыскала своего старого институтского приятеля, теперь известного психолога, и упростила его найти время для посещения моего пациента. Деньги, оставленные Катюшкой, я тратила на фрукты, свежий творог, козье молоко и кумыс для Костика, специально заезжая на рынок. Вспомнив о том, что он в детстве был сластеной, покупала свежее испеченные булочки с изюмом в ближайшей пекарне. Естественно, платила и нянечкам за дополнительный уход, уборку, смену белья.

Кот лежал у меня чистый, причесанный, ухоженный, красивый. Да, они с сестрой обладали породой, что называется. Это у них по отцовской линии. Дед тоже был шикарным мужчиной, недаром в свои шестьдесят женился. Мы-то тогда думали, на старушке. Только потом узнали, что этой «старушке» было всего тридцать. У них, кажется, даже кто-то родился.

Я стояла у кровати Костика и любовалась на него, на дело рук своих, припомнив, в каком состоянии нам его привезли. Я гордилась собой, что правильно назначила методику и подбор медикаментов, расписала по часам и дням всю физиотерапию, контролировала весь период реабилитации. И вот результат. Значит, это возможно, даже пока и без той панацеи, которую я не оставляла надежды вывести с помощью науки. Кое-какие результаты у нас уже намечались.

В палате горел ночник над кроватью. В круг света попадало и лицо спящего Костика. Ночник можно было повернуть в сторону, что я и хотела сделать. Я потянулась к железяке – кронштейну, на котором было привинчено бра. При повороте свет попал прямо мне в глаза. Я зажмурилась и поспешила его отвести, но что-то там заклинило. Я продолжала, чертыхаясь про себя, бороться с лампой, как вдруг услышала: «Полюби меня, Муся». И Костик улыбнулся! Я, попросту говоря, обалдела, оставила в покое лампу и наклонилась к лицу Котика, которое снова попало в освещенный круг. Он, не переставая робко улы-

баться и моргать, смотрел на меня, молчал, а потом повторил уже не очень уверенно: «Полюби меня, Муся». «Костик, ты узнал меня, правда?» – воскликнула я, очнувшись, наконец, от ступора, сама дивясь сумасшедшей радости, которую почувствовала при словах, когда-то услышанные мной впервые от малыша. Я обхватила его двумя руками, прижала к себе и повторяла как в детстве, в нашей игре: «Да я и так тебя люблю, очень люблю, Кот».

Прошло еще три недели, и Костика можно было выписывать. Я созвонилась с Катюшкой, договорилась, и в назначенный день и час она приехала в больницу, одарила весь персонал шоколадными конфетами в красивых коробочках, меня – японскими духами. Брату она привезла новую фирменную одежду. Котик молча одевался, не проявляя никаких особых эмоций по поводу приезда сестры и выписки из больницы. Катюшка, как всегда, спешила. Мы перекинулись с ней всего парой фраз, из которых я узнала, что она за это время успела сделать ремонт в квартире у Костика. Она собирается восстановить его в Строгановском училище, где ему осталось два с небольшим года учебы. Она уже нашла ему и непильную работу в одном из подразделений своей компании: пусть у него будут свои заработанные деньги. Мне все понравилось. Я была просто счастлива за Котенка. С ним мы простились очень тепло. Я так расчувствовалась, что готова была заплакать, а потому сделала вид, что опаздываю на осмотр и, помахав рукой, побежала по коридору.

У меня продолжалась рутинная работа, если вообще слово «рутина» уместна там, где каждый день не похож на другие. Я не сомневалась, что защита диссертации будет успешной. Мне оставалось совсем немного...

Над столом уютно горела лампа. Я сидела и бойко шлепала по клавиатуре, чередуя свои собственные наблюдения ссылками на авторитеты, делала сноски использованных источников, расширяя список библиографии, сверяла графики и цифровые таблицы, все как обычно.

В какой-то момент, когда я отстраненно писала имя – фамилию, возраст Кота в одном ряду с другими больными той же возрастной категории, чтобы подробнее изложить потом использованную методику, терапию лечения и полученные результаты, я вдруг услышала в тишине кабинета детский шепот: «Полюби меня, Муся!»

Ощущение близкого присутствия Котика – малыша было так же сильно, как от прикосновения чуть шершавых и теплых рук отца, которые я чувствовала во сне спустя годы после его гибели.

Я отошла от стола, растерянно походила по кабинету, выглянула через стекло во двор кли-

ники и не увидела ничего интересного, вышла в коридор, спустилась вниз, открыла наружную дверь.

Клиника находилась за городом, ехать час-полтора от Москвы, сначала на метро, потом на автобусе. Далекое, но вокруг – сосновые леса и речка. В свои ночные дежурства я всегда выходила посмотреть на громадное звездное небо, что в мегаполисе обычно не видно за домами, яркой рекламой, светом уличных фонарей. Я стояла и любовалась красотой и величием редкого для горожанина видения, но почему-то часто сердце внезапно наполнялось тревогой и бесконечной печалью.

Мой научный опус был закончен, оформлен реферат, я уже получила весьма лестные отзывы от оппонентов. В назначенный день успешно защитила диссертацию. Теперь я хотела вплотную заняться поиском спасительных препаратов. Они должны быть, я в этом не сомневалась. Они должны существовать в природе, исходя из аксиомы, что на каждый яд есть противоядие.

Я ушла из клиники и присоединилась к группе химиков – аналитиков центральной лаборатории. Работа меня увлекла полностью. В свободное время, чаще всего вечерами, мне приходилось много читать специальной литературы, пополняя знания по основным и смежным наукам. Раз – два в месяц я вырывалась в театр, но едва достигала до конца, а чаще уходила после первого действия. Интрига, сюжет, игра актеров меня не захватывали, длинные монологи героев мешали думать. На музыкальных концертах было лучше: мощные звуки оркестра заряжали энергией мои мозги, мысль получала новый импульс.

Всякий, кого «зацепило» наукой, поиском, исследованиями в любой области, наверняка меня поймет. Ничего интереснее, чем то, чем ты занят, уже не существует. Да и наука – «мадам» ревнивая. Она не терпит никого рядом. Азарт научного поиска, кураж и риск по силе адреналина, пожалуй, сродни игре в казино. Впрочем, я там никогда не была.

С Костиком мы созванивались почти каждый день первую и вторую неделю после выписки. Он говорил односложно как обычно, но было понятно, что у него все хорошо, в институте вос-

становился; да, он ходит на работу – сестра взяла к себе. Делает эскизы – рисунки для рекламных роликов, потом отдает их в отдел компьютерного дизайна, сам он в этом не участвует. Да, девушка у него есть, она и раньше была, но они расстались по известной причине, а сейчас все хорошо...

Время и я стремительно бежали. Я споткнулась и остановилась в своем научном марафоне, когда, приложив к уху поющую голосом Френка Синатры трубку мобильного, услышала знакомый голос Катюшки.

– Привет, – сказала она, как будто мы с ней виделись и говорили в прошлую среду, а не с год назад. – Завтра хороним Кота, придешь?

До рассвета я промаялась бессонницей и все думала, думала... Потом приняла снотворное, сознавая, что просто не выдержу завтра ритуальную церемонию, начиная с морга и заканчивая бросанием земли и цветов на свежую могилу.

В ту ночь мне снова приснился старый детский сон: я хожу по темной комнате и выискиваю кровать, где должен лежать мой отец, которому холодно и которого я должна согреть, как согревала его кошка Муська. А потом я нахожу какую-то старую лежанку, тряпье и оттуда вдруг слышу знакомый шепот: «Полюби меня, Муся!»

Я проснулась с мокрыми от слез глазами и с жуткой головной болью. Наглоталась таблеток и поехала на Даниловскую. Пока ехала, и потом, пока стояла на отпевании и потом на кладбище среди немногочисленных родственников и знакомых, я все пыталась пробиться к какой-то мысли, мелькнувшей у меня в сне-триллере и еще сохранившейся на короткое время сразу после. Теперь вот пропала... Что-то связанное со словами усталого тридцатилетнего человека, жившего более двух тысяч лет назад, который бродил по пустыне, по городам и бедным деревням и взывал к людям, повторяя: «Возлюбите ближнего, возлюбите ближнего...» А все ждали чуда и уходили прочь, раздосадованные, что чуда им не показывают.

Я больше не занимаюсь наукой. Я вернулась в клинику, где работы прибавилось. Приходится часто оставаться до ночи, а еще дежурства по графику и экстренные вызовы. В театр хожу редко, а когда случается, засыпаю в первом же акте. Драма на сцене мне не мешает.

Владимир БУЕВ

Родился в Красноярске в 1966 году, живет в Москве. Имеет три высших образования: журналистское (МГУ), социологическое (РГСУ) и финансово-экономическое (РАГС при президенте РФ). Много лет является президентом Национального института системных исследований проблем предпринимательства и группы компаний НИСИПП. Руководил многочисленными научно-исследовательскими и консалтинговыми проектами в сфере экономики и предпринимательства. В роли пародиста и под своим именем выступает впервые. Ранее под псевдонимом писал ироническую и сатирическую прозу на темы Древнего Рима.

Айдар ХУСАИНОВ

Родился в с. Кузгарчи (Башкортостан) в 1965 году. Живет в Уфе. Поэт, драматург, переводчик, главный редактор газеты «Истоки». Окончил БСХИ (факультет землеустройства и лесного хозяйства). Окончил Литературный Институт имени А.М. Горького (факультет перевода). Первую книгу стихов «Оэ!» выпустил в 1991 году. Участник фестиваля писателей и переводчиков в Казани (2007). Член Комиссии по языкам народов РБ при Правительстве РБ (с 2006 г.). Руководитель литобъединения «Уфли». В 2003 году газетой «Вечерняя Уфа» объявлен человеком года за перевод башкирского народного эпоса «Урал-батыр». Член редколлегии журнала «Крещатик» (Мюнхен). Член Общественной Палаты при Президенте РБ. Печатался в журналах «Соло», «Сутолока», «Крещатик», «Бельские просторы», «Дружба Народов» и др.

ПОГОВОРИМ...

Айдар Хусаинов

Оглядев опустелую землю,
Проводив одинокое племя,
Я, наверно, того не приемлю,
Что кончается новое время.

Голос скрипок тягучий и резкий,

Но привыкнешь, как фея из сказки,
Засыпать под короткие пьески,
Просыпаться под злые побаски.

То ли ночь, то ли раннее утро.
Никого не сыскать по ложбинам.
Верно, спят в чешуе перламутра,
Верно, видят родные картины.

Только сны сохраняются реже,
Но заучены лучше и тверже.
Никого не найти на манеже
После срока, и все же, и все же...

Голос скрипок не слышен и важен,
Одиночество правит сердцами,
А любой, кто поныне отважен,
Остается и плачется с нами.

Владимир Був

С высоты своего положенья
Я на племя гляжу и на землю.
Все внизу не имеет значенья:
Я ни то и ни се не приемлю.

То ли сам фея я, то ли фея
На ночь шепчет мне сказку за сказкой.
Фея я иль не фея, слабей,
Засыпаю, устав, как савраска.

Я до чертиков нынче допился:
Ночь и утро уже не способен
Различить меж собой. Спыхватился,
Что бездомному стал я подобен.

Вот поспать бы по новой в кровати.
И опять то ль я фея, то ль фея
Сказку шепчет: я снова в детсаде
Жажду сладкие лапы Морфея!

Скрипку, что ль, потерзать на досуге?
Никогда не держал инструмента
Я такого. Но руки — не крюки.
Что ж, сыграю для эксперимента.

Айдар Хусаинов

Когда приятные мечты
Ко мне приходят шумом новым,
Я говорю с тобой на ты
Каким-то сумраком лиловым.

Ну, или просто до утра
сижу с тобою на диване,
Пока не скажешь — спать пора.
Пора испытать немного дряни

И сладкогласно умереть.
Уснуть часов до десяти.
И все же есть на свете смерть,
И можно что-нибудь спасти.

Владимир Був

Умею в сумрак я входить
Мечтами шумными парадно,
Умею с ним я говорить —
Беседы с сумраком приятны.

Присяду в полночь на диван
И до утра, как оловянный
Солдатик, я сижусь. Мой план —
Принять с утра. И вот я пьяный.

То ль с дамой на диване я,
То ль с сумраком веду беседы.
То ль умер, то ли сплю. Друзья,
Я что купил? Не сигареты?

Айдар Хусаинов

Ты одна сохраняешь прохладу.
Ты одна животворный родник.
Ты без робости знаешь, что надо,
Чтобы я в твое тело проник.

Моя Клементина,
Моя Августа.
Ты полна янтаря,
Золотистого меда холмов.

Ты одна — бесконечное тело,
Ты одна не придешь на язык.
Ты одна не имеешь предела,
Если я в твое тело проник.

Моя Клементина,
Моя Августа.
Где эти дни
Шелестящих ветвей?

Владимир Був

Горячи все другие девицы.
Или теплые. Что же с тобой?
Ты прохладна, как будто в гробнице,
Или холод в тебе неживой.

Иди в объятия
Моя Клементина.
Ты — бриллиант,
Даже если холодина.

У тебя столь длиннее тело,
Я как гномик на нем возлегаю,

Потому и проник неумело,
Клементина, в тебя, дорогая.

Иди в объятия
Моя Клементина.
Твои руки —
Как ветки секвойи.

Айдар Хусаинов

Души деревьев и души китов,
Крепче запирайте меня на засов.
Каждое тело пронзается смертью,
Каждое тело смотрит назад.
Метаморфоза — вы мне поверьте —
Даже единственно брошенный взгляд.

Стало нелепо и выпало слово
Все за какие-то получасы.
Что же такое и что нездорово?
А не позвать ли доцента Петрова
Выкрасть его золотые часы?
Выпить вина? Пожевать колбасы?

Что ты, дитя, вековой горемьке,
Разве убудет нежной Психее?
Руки отнимутся — дар невеликий.
Все-то поправится, спи поскорее.

Владимир Був

Много на свете умерших китов.
Много деревьев, а также кустов
Срублено было в лесах мужиками.
С душами дров и истлевших китов
Я разговоры веду, как с богами.
С душами прочих существ — не готов.

Рифма ботинки и полуботинки
Тоже чудесна, как час-получас.
Вот и рифмую слова без заминки.
Даже филолог Петров из глубинки
В этом вопросе рифмовки за нас.
(Вспомнил он школу, разгладил морщинки).

Вот и дитя пусть уснет поскорее,
Чтобы лихих не возникло вопросов
Ни о грамматике (будет целее),
Ни об иных речевых перекосах.

Айдар Хусаинов

Когда печаль охватит ночь
И ослабеет государство,

Приди униженным помочь,
Мы призовем тебя на Царство.

Приди, физический еврей,
Ты полон сладостной печали.
Ты молча выйдешь из дверей,
Неназываемый вначале.

Владимир Був

Приди еврей Иисус Христос
И накорми семью хлебами!
Я осознал, когда подрос:
Еврейский бог — со всеми нами.

В нем человеческая суть.
Божественная — тоже в норме.
Спасет, заставит спину гнуть,
Зато напоит и накормит.

Айдар Хусаинов

НОВАЯ БАЛЛАДА

Молодой человек, как гласит анекдот,
Возвращался домой на рассвете,
И у кладбища он, возле самых ворот,
Незнакомую девушку встретил.

И пошли они вместе по улице той,
И о чем-то своем говорили.
Напевали негромко мотивчик простой,
И друг друга в пути веселили.

Чтобы жить на земле, а потом умереть —
Это самая малая малость.
Но кругом по дороге все тонет во мгле,
И ее-то почти не осталось.

И друг другу они посмотрели в лицо,
Вот и кончился путь, оборвался.
— Ну, спасибо, а то я боюсь мертвецов, —
Молодой человек попрощался.

Тихо-тихо на небе светила луна,
Было холодно в лунной полуде.
— А чего вдруг бояться? — сказала она. —
Не такие мы страшные люди.

Владимир Був

Молодой человек невзначай, как всегда,
В полночь девушку встретил в проулке.

Не знакомы они, но она молода
И прекрасна, как лик на шкатулке.

Хоть была эта девушка очередной
Для него, но польстился на чудо.
И признался в любви ей пацан неземной
И потребовал быстрого блуда:

Мол, приляжем пойдем, а не то умереть
Суждено тебе, дева, сегодня.
Рассмеялась в ответ: мол, тебе не суметь
Приметь меня — воля Господня!

И друг другу они посмотрели в лицо
И увидел пацан не девишу,
А старуху с косою (из сельских косцов?),
А в глазах... ой! Пустые глазницы!

— И чего все мужчины боятся меня,
Даже храбрые юные парни? —
Риторично старуха вопрос пробубня,
Объяснилась косой популярно.

Айдар Хусаинов

Что сказать, кроме слова «тоска»,
Населяющим город, который
Из травы, голосов и песка,
Мы увидимся, в общем, не скоро,
Что сказать невозможно — Пока!
Не имея в запасе укора.

Что сказать вам еще? человек,
Как всегда, расположен в пределах,
За которыми падает снег.
Что творится на свете на белом
Невозможно понять, имярек,
Можно только смотреть очумело.

Я люблю вас, но это слова.
Это поле, где сложено сено.
Как укрыта моя голова,
Так и местность вокруг неизменна.
А чего мне хотелось сперва?
Очень может быть, плена.

Владимир Був

Я в запасе держу не укор —
Сберегаю в кармане я фигу,
Потому мои фразы — хардкор,
А не просто «Пока!» Я интригу
Придержу на слепой форс-мажор —
Мне не хочется быть торопыгой.

Что вы все пристаёте ко мне?
Вы простые и смертные люди,
Вам со мною не встать наравне,
Вот и грезьте, мечтайте о чуде,
Очумело смотрите вовне
И болтайте в закрытом сосуде.

Но, конечно же, всех вас люблю,
И любовь горяча и обильна.
Выйду в поле и там утоплю
Свою голову в сене. Стерильно:
Экологию боготворю.
Сено, хоть и не стильно, не пыльно.

Айдар Хусаинов

Листва потянет лист древесный
И ветер шорохи пригладит
А что висеть над этой бездной
Игрушкой малою, полезной
Одною черточкой в тетради

Всегда немного возможно
И это вызывает скуку,
Что только на руку врагу.
Вот он чертит,
Потом строгаёт,
и небывалое бывает,
И стон, и топот на пути.

Тогда мечтай...

Владимир Був

То ль ветер, то ли листва потянет
Листок с кустов или с деревьев —
Не важно, кто кого пригладит
Иль кто чего во что обрядит:
Мир полон разных чародеев.

Вот враг чертит, но, может, чертит.
Он не способен быть великим.
Листва врагу закрыла взор.
Он стал слепым,
Строгать не может —
Его отныне совесть гложет.
Не быть вражине боевым!

Страдает пусть...

Айдар Хусаинов

Смешно любить в семнадцать лет,
Хотя тогда мне было двадцать,

Когда от женских сигарет
Хотелось мне, должно быть, плакать.

Как мало жизни половой,
Как много жизни бестолковой,
Хотя своею головой
Мечтал и жил мечтою новой.

А как ни хочешь, жизнь пройдет
Не так как хочется, должно быть.
И теща в руки упадет,
Сломает спину или ноготь, —

Да все равно — теперь одна
Есть разновидность жизни духа:
Что денег нет, кричит жена.
— Ну, будут, — отвечаешь глухо.

Владимир Був

Когда мне было восемь лет,
Мне было десять сразу целых!
Когда семнадцать, я куплет
Пропел, что двадцать мне приспело.

Ведь только в двадцать я любить
Смог разрешение получить.
В семнадцать мне б пришлось держаться
И с юной девой не сношаться.

Что что такое? Жизнь прошла.
Хоть двадцать, хоть под шестьдесят,
Но ни одна мне не дала.
Теперь уж вряд ли прилетят.

Зато духовный я такой,
Что скрепы сущность мою держат.
Могу я вечной жить мечтой
О той, которая содержит.

Айдар Хусаинов

ВИФЛЕЕМ

Привыкнув к шороху светил,
Все открывавшему до срока,
Следили за движеньем сил
Цари далекого Востока.

Но стала на небе звезда,
А это знак великой силы,
И, значит, им идти сюда
Хотя бы даже из могилы,

Поскольку люди всей земли
Так долго ждали это чудо.
Цари немедленно пошли
И гнали медленных верблюдов.

И через некое число
Они своей достигли цели.
Так было сухо и тепло,
Там овцы бляели, там пели.

Там говорили, но теперь
Все потонуло в странном гуле.
И вот они открыли дверь,
И осторожно заглянули.

Владимир Був

Следили, может, и цари
(Они хотели чуда тоже),
Но вот волхвы, черт побери,
В тот час сумняшеся ничтоже.

Верблюды, полные даров,
Волхвами пригнаны к Иусу:
Жрецам не ведом мир Христов,
Но поклонились карапузу.

Волхвы и золото, и ладан,
И смирну ценную вручили
Царю Израиля: ребята
Картину мира уловили.

Картину завтрашнего дня,
Хоть овцы бляели сегодня.
Животных разных толкотня.
Но воля то была Господня.

Жрецы помялись и ушли,
Но к Ироду не возвратились.
Казалось им: они «зажгли»
И сохраниться умудрились.

Айдар Хусаинов

А LA ВЕРТИНСКИЙ

В белом платице, в золоте гусениц,
В безнадежной любви к мертвецам
Есть какая-то странная путаница.
Так что я не советую вам.

А желаю возвышенной милости
Все на свете считать за пусяк.
Все на свете так странно, таинственно.
Все на свете почти что так.

Владимир Був

А LA ХУСАИНОВ

Я и сам не пойму, что советую,
А чего не советую вам.
То ль на платице белое сетую,
То ль на кладбище шлю к мертвецам.

Я свободно побалауюсь ритмикой
Да и рифма крутить не впервой.
Все на свете — пустое, а критиков
С корабля модернизма долой!

Айдар Хусаинов

В темноте, поражающей очи,
Есть граница движения тьмы,
То, что ты объясняешь, как прочерк,
Это почерк, невидимый очерк,
То, что раньше не видели мы.

Тьма и тьма не сливаются, Нетти.
Я назвал бы тебя дорогой,
Как себя называешь на свете,
Но в мое пребывание в нетях
Так тебя называет другой.

Так живи свою жизнь в хороводе,
Но, пожалуйста, только без нас.
Не почувствовав даже в природе
Что всегда называется вроде
Наблюдающих издали глаз.

Владимир Був

Забабахая рифму на славу:
Очерк, прочерк и почерк сюда ж.
Самобытен мой слог по составу.
Не казармен и не по уставу —
Уникален культурный багаж.

Тьма и тьма — две субстанции разных.
Кто не знал, сможет это познать.
В соцсетях нынче крайне опасно
Выражать свое мнение гласно.
А в фейсбуке опасно бывать.

Так подите все прочь. И ты — тоже.
В одиночку хочу подтянуть.
Морфологию, синтаксис. Может,
Мне в грядущем ученье поможет.
Неученье — во тьме утонуть.

Айдар Хусаинов

ВИЛЬЯМУ ЯНОВИЧУ ОЗОЛИНУ

Корабль уйдет под воду. Тяжесть
Его разломится легко,
И что на дно морское ляжет,
Укроет мягко молоко
Печали родственной, семейной.

(Они дождались моряка.
Вот он вернулся из похода
Под хладный отблеск маяка,
Оставив на море две тени,
Стирающиеся год от года).

А все, что наполняло трюмы,
Все будет плавать в толще вод,
И что на берег попадет,
Отыщет человек угрюмый.
Так это я. Развеселясь,
Я крикну в небо, где поплыли
Дымы, как лилии, ну, или,
Душа, немного накренься
От бортовой привычной качки:
— Пришла пора, вставай от спячки!
Молитвой новой молись
И Богу тяжко улыбнись.

Владимир Був

Корабль утоп. Бывает, тонут
Любые в море корабли.
Моряк коль смертью не затронут
То смог добраться до земли:
Семья от радости взорвется.

Моряк пришел-таки домой.
А что же лодка? «Утонула».
Ушла подобная впервой
На дно, спасенье опоздало.
Страна забыла (но всплкнула).
...Моряк хоть с лодки, но с другой.

Число большое галеонов
Лежит на океанском дне
От взглядов жадных в стороне.
И нет их поднимать резонов,
Коль нет сокровищ на бортах.
Но эту лодку вверх поднимут.
И кто-то будет весь в слезах:
Родные мертвых не обнимут.
Страна от шока отойдет:
Все забывается — забудет
Страна и эту лодку. Счет
Лет через сто предьявлен будет.

ПАРОДИЯ

Айдар Хусаинов

По горам, по долинам, по рекам,
лишенным свободы горами,
По ручьям, по оврагам, по склонам,
стекающим влагой,
По подземным пещерам
со скрытыми в недрах дарами,
По подземным пустотам бушует сгоревшее пламя,
Так небрежно прикрытое белой бумагой.

Золотое и белое, бело-ковыльное счастье предков,
Есть на свете страна твоих старцев
и счастливых стариц.
Ты послушай меня, беспокойная злая советка,
Разве есть не она и, как прежде, нередко
До нее добирается каждый скиталец.

Знает улей пчела, и народ его знает пчелиный.
Кто построил его — разве наша забота и трата?
Это просто наш дом, мы вернемся дорогою длинной,
И украсим его по обычаям нашим старинным,
Чем земля дорогая богата.

Можно жизнь положить,
чтобы верно начальствовать миром,
Можно сети поставить по всем по дорогам.
Только я говорю — пребывайте же с миром
В непрерывном согласии с Богом.

Владимир Буев

Так бушует сгоревшее пламя,
что в воде не спастись горемыкам.

Закипела вода в океанах,
чтобы суп приготовить всемирный.
Все просторы с водой на планете
огласились раскатистым рыком.
Уроженцам не мил океанским
белый свет, прежде бывший обширным.
Живность в панике водная. Мигом
ей поддались все. В горе великом.

Но зачем без причин бесноваться,
коль сгоревшее пламя бушует,
Коль огонь даже не возгорался,
коль вода не горит в океанах?
Неужели? Да точно же! Предки!
Со старухой старик конфликтует!
Ну, и что, что теперь не по теме
и что прежняя тема буксует!
У поэтов вся логика в клетку:
состоять им привычно в смутьянах.

Я, как пчелка, тружусь:
строчки в рифму кладу. Набежало
На трехтомник уже. Коль скромнее быть,
то на двухтомник.
Украшаю стихом и собой землю —
так уж совпало.
Это лучше, чем мастерски действовать
острым кинжалом.
Я в агрессии скромн — в
поэзии вовсе не скромник.

Пребывайте все с миром,
а также в согласии с Богом!
Это вам говорит не какая-то мелкая кочка!
Это я говорю! А коль я говорю, то о многом
Говорит это всем. Значит, точка!

Майя ГАЛИЦКАЯ

«Родилась в 1977 году в Беларуси. Окончила Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины. С 1999 года работаю учителем русской словесности в Нёдойской средней школе Буда-Кошелёвского района. Лауреат I Всемирного фестиваля русского языка и литературы (2010 год, Санкт-Петербург), XII международного литературного Пушкинского конкурса (2012 год, Москва). Обладатель гран-при всемирного литературного интернет-конкурса «Чайка» (2013 год), победитель международного литературного конкурса «Владимир Тендряков сегодня» (2013 год). Обладатель международной литературной премии имени Ф.И. Тютчева (2015), победитель международного литературного конкурса имени В.В. Карпенко (2015 год), международного литературного конкурса «Хрустальный

родник» (2017), международного литературного конкурса «Звезда Рождества» (Запорожье, 2017, 2018 год). Финалист международного литературного форума «Славянская лира» (Минск, 2016-2019 годы), победитель конкурса «Созвездие духовности» (Киев, 2018), призёр международного литературного конкурса «Центр Европы» (Полоцк, 2018 год).

Лауреат литературной премии имени Кирилла Туровского (Гомель, 2020). В 2020 году вышла первая книга прозы «Образы».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Тётке Стасе опять не спалось. Это повторялось уже которую ночь подряд. С вечера она, намаявшись за день, вроде бы быстро и крепко засыпала, а потом, через пару часов, резко прокидывалась оттого, что ей не хватало воздуха. Она подолгу лежала неподвижно, с закрытыми глазами, пытаясь унять расхолодившееся сердце.

– Ну, чегой-то с тобой опять-то? – мысленно спрашивала она у своего «двигателя». – Устало, бедненько, устало. Ну, погоди-то, не части так. Тихенько, тихенько... Нема ж войны уже, не бейся, не бейся... Полтора года, как нема...

Когда бешеный пульс понемногу успокаивался, тётка Стася открывала глаза. Первое, что видела она напротив дощатого настила, служившего ей кроватью, было желтоватое в ночном мраке пятно лика Николая Угодника.

Икона была единственной вещью, которую Стася успела выхватить из уже полыхающей хаты под гогот подвыпивших немцев. Наскоро отступая, они, окружив деревню, уже не стоня-

ли в сарай стариков и баб с малолетними детьми. Спешно прошерстив хлевушки и вспоров последние оставшиеся в живых подушки с матрасами, фашисты подожгли деревню с четырёх сторон и, для пущего страху разрядив несколько обойм под ноги обезумевших от горя воющих баб, пошли дальше, зажимая под мышками трепыхающихся тощих кур.

Бабы, голося навзрыд, кинулись было тушить крайние хаты, но осень сорок четвёртого года была на диво сухой и тёплой, да и порывистый ветер быстро закончил дело, начатое фашистами.

В этом пожаре уцелела и старая кошка тётки Стаси – угольно чёрная, без единой белой шерстинки Васеня. Васеню ещё до войны котёнком принёс младший сын Стаси, пятнадцатилетний Алёшка. Прибежал с улицы и дрожащими руками ткнул что-то матери в подол.

– Мамк, давай возьмём кошёнка, а? Я на поле нашёл. Поглядь, какой маленький, сосун ещё, видать. Помрёт же ж.

Тётка Стася подхватила из рук сына чёрненький еле тёплый комочек. Котёнок открывал розовый беззубый ротик, но звук не шёл.

– Ай-йй, горечко ж мелкое! Так он не видит же ж, глазки больные, – закудахтала тётка. – Подитка, вон там за забором ромашки растут. Нарви жмени две. Только рви те, у которых сердечник вверх торчит, то лечебные будут.

Алёшка мигом принёс большую пригоршню цветков. Мать заварила их крутым кипятком и, когда взвар остыл, намочила мягкую тряпочку и долго отмачивала мордочку котёнка.

Через несколько дней отпоенный парным молоком и вымытый ромашковым отваром котёнок ожил. По традиции его назвали Васькой – как и три десятка других деревенских котов. Васька своё имя запомнил очень быстро, но за хозяина признавал только своего спасителя, Алёшку. Он никогда не тёрся об ноги ни самой тётки Стаси, ни отца, ни Алёшкиного старшего брата Петра. В руки он тоже не давался и сердито рычал, когда кто-то хотел его приласкать.

Была у кота странная привычка: как только Алёшка усаживался, Васька подходил к нему, становился на задние лапы и так, вытянувшись в струну, клал голову на колено хозяина. Стоять в таком положении, практически не шевелясь, он мог очень долго.

Ровно через год Васька благополучно принёс троих таких же чёрных, как и сам, котят. Соседки долго подтрунивали над Стасей, мол, как же ты не разглядела котятъе «хозяйство»! Васька, успевший привыкнуть к своему имени, ни на каких Мурок и Катек не реагировал и так и остался Васькой, правда, в немного изменённом виде – Васеней.

За несколько часов до пожара Васеня исчезла. Выскользнула из хаты и как будто растворилась в воздухе. Как только фашисты вышли из объятай пламенем деревни, кошка тут же появилась вновь.

За всю войну и год с лишним, прошедший после, кошка ни разу не окотилась, а в последнее лето, видимо, от постоянного испуга и недоедания начала чахнуть. Почти всегда она лежала, свернувшись клубком, и широко открытыми глазами следила, как тётка Стася управлялась, наскоро швыркала самодельным веником по земляному полу и уходила работать в поле.

Нетронутой огнём того пожара в их деревне осталась одна единственная кургузая хата бабы Матрёны, по-уличному – Матруси, о которой по деревне ходили недобрые слухи. Поговаривали, что она мало того, что ведьма – гадает на картах, так ещё и раненого молодого немчонка выхаживала – притащила на себе из соседнего леса после того, как закончился скорый бой поредешего немецкого батальона с засевшими в лесу

партизанами. Когда бабы прознали, что Матруся просит молока от единственной на три окрестные деревни коровы вовсе не для советского солдата, чуть не устроили самосуд. Собравшись возле Матрусиной хаты, они колотили кулаками в хлипкие стены и требовали отдать им немчонка-вражину. Матруся, приоткрыв дверь, сначала пыталась донести до баб, что раненый немчонок совсем молодой, дитё. А потом, поняв, что соседки настроены серьёзно, распахнула дверь настежь, отошла и, уперев руки в худую поясницу, медленно проговорила:

– Ну, давайте, заходите. Давите его. Только помните, что и ваши дети у какой-нибудь немецкой бабы вот так же могут лежать.

Неожиданно обернувшись на моментально притихших баб и оглядев всю толпу, Матруся ткнула чёрным заскорузлым пальцем в тётку Стасю:

– Ты, Стася, давно похоронную получила на старшего? А мужик твой где? Погодь-ка, приползёшь ко мне ещё. И ты, Верка, – она перевела взгляд на другую женщину, – не будешь знать, куда кидаться, когда безногого привезут твоего.

Матруся закрыла хату. В гробовой тишине тонким голосом выла Стася, скомкав грязный передник и засунув его в рот. Бабы, не проронив больше ни слова, разбрелись по своим землянкам и наскоро слепленным буданам.

Тётка Стася встала, зажгла керосинку. В изножье кровати заворчалась Васеня, протяжно мяукнула. Стася попила воды из гнutoй алюминиевой кружки и села на лавку, под закопчённого Николая Угодника. Минуту подумав, она вытащила из-за иконы скрученные в трубочку грязно-серые бумажки, развернула и поднесла поближе к трепыхающемуся тоненькому огоньку. «Уважаемая Анастасия Павловна! С великим прискорбием сообщаем Вам, что Ваш муж... Игнатий Васильевич пал смертью храбрых в бою под...» Дальше тётка Стася прочитать не могла – чернильные строчки расплылись под каплями её слёз ещё тогда, в сорок третьем. Дрожащими руками она разглядила похоронку, прижала к щеке, закрыла глаза. Посидев так немного, взяла другую бумажку – текст был точно таким же за исключением имени: в строчке «Имя и имя по отцу» стояло «Пётр Игнatieвич». Третий тоненький листочек был совсем свежим. В нём значилось, что «...сын Алексей Игнatieвич пропал без вести в 1945 году в бою за Берлин». Алёшку призвали, как только ему стукнуло восемнадцать, и вот...

По впалым щекам тётки Стаси потекли слёзы. Алёшка, Алёшенька, младшенький... Знать бы хоть, где твоя могилка, где твои косточки нашли последний дом...

– Надо идти! – вдруг подумала тётка Стася. – Пусть скажет хоть что-то.

Тётка Стася встала, плеснула в лицо холодной воды прямо из ведра, скребанула беззубым гребнем по голове, затопталась по хате. Нагнувшись под трёхногий стол, вытащила корзинку с десятком яиц, положила туда же тонюсенький кусочек грязно-серого сала, завёрнутый в тряпицу. Шикнув на кошку, она, крадучись, на цыпочках, вышла из избы и, пригибаясь, быстрым шагом направилась на край деревни.

– Кто? – спросил сонный голос из-за щелястой двери, утыканной пучками мха.

– Я это, Стася Игнатиха, не бойся. Открой.

– Щас, погодь трюхи.

Матруся приоткрыла дверь и, убедившись, что это действительно соседка, пропустила её в избу.

– Чего тебе среди ночи? Помираешь, что ль?

Тётка Стася, поставив на лавку корзинку, неуклюже бухнулась Матрусе в ноги, обхватила их руками и запричитала сквозь слёзы:

– Не прогоняй, миленькая! Помоги, сил больше нет терпеть-то. Кинь карты на Алёшку моего. Мож, жив ещё. Не написано же ж, что мёртвый, пропал без вести.

Матруся невесело усмехнулась.

– Говорила же ж, придёшь ещё ко мне. Так вышло, по-моему, а? Я ещё тогда видела, что ты придёшь. И сейчас знаю, чего ты тут. Только ты сама мне скажешь... Да ладно, вставай, Стася, не гоже прошлое поминать, грех это. Вставай, да садись вот на лавку.

Матруся подошла к лавке, убрала длинные волосы под замызганную косынку и принесла стопку толстых карт, затасканных и засаленных до такой степени, что они больше напоминали ломти сала, чем куски картона. Смахнув со стола крошки, Матруся стала шлёпать на него карты, пристально всматриваясь в них, то качая головой, то цокая языком.

– Пропал без вести, говоришь?

– Так же ж, пропал. Написано. В бою за Берлин.

– Не знаю, Стася, что такое. Карты мои ни разу не ввали, но...

– Как есть, так и скажи. Умаялась я от неизвестности-то. Хоть буду знать, как-то с ним всё.

– Вижу, что есть он на этом свете, но как будто лица у него нет. Одни глаза живые, а лицо как будто расплзлось всё. Стало быть, живой твой сын. Жди, Стася, вернётся он, скоро.

Тётка Стася последних слов уже не слышала, так как сползла без сознания аккуратно под лавку. Матруся плёхнула ей в лицо воды, и Стася, хватая ртом воздух, снова уткнулась лицом в колени Матрусы, как заведённая, повторяя на одной ноте:

– Спасибо, миленькая! Спасибо, Господи!

– Да ладно, нема за что. Иди, Стася, а то как бы бабы не прознали, что ты ночью была тут. Ещё спалят будан твой. И кошёлку забери. Как будешь идти, так оставь её у Верки Семёнихи на крыльце. Дети малые там, да мужик как полмужика, безногий, ей нужнее.

С той самой ночи тётку Стасю как будто подменили. В поле она работала за двоих, даже просилась на подмену, когда какая-нибудь из баб не могла выйти на работу. Когда второй послевоенный урожай был убран и началась зима, тётка Стася без устали расчищала снег возле крыльца, моталась в лесок за хворостом, утепляла хатку, наспех сколоченную из того, что можно было найти на пепелищах и под ногами. Она притащила откуда-то оконную раму с почти целым стеклом, и теперь днём на небольшом окошке частенько восседала чёрная Васеня. Два раза в месяц в деревню приезжал на лошади «магазинщик» – бородатый мужик на деревянной ноге – и привозил сахарин, керосин, бесформенные юбки из крашеной самотканой материи, куски серой бумаги и другие бабские мелочи типа шпилек, ручек для ухватов, дубовые кругляши для подставок под чугуны... Неизвестно каким образом сторговавшись с «магазинщиком», тётка Стася выторговала себе цветастый платок и – о чудо! – кругленькое надтреснутое зеркальце, которое надёжно упрятала в безразмерный обгорелый с одной стороны сундук.

Ближе к весне тётка Стася даже умудрилась приобрести себе мелкую однорогую козу Майку, для которой носила из леса берёзовые и еловые веники из тонюсеньких веточек. Рядом с домом она расковыряла небольшую грядку, обтыкав её разновеликими кривыми сучьями.

Кошка Васеня как будто тоже сошла с ума вместе со своей хозяйкой. В один из одинаковых в ожиданиях дней она куда-то исчезла. Тётка Стася думала, что животина окончательно зачахла и подалась в лес умирать. Но Васеня вернулась через пару недель, и дальше всё было как обычно. Ровно через два месяца кошка притащила тётке Стасе в кровать только что родившегося чёрного котёнка, положила хозяйке на грудь и села рядом.

– Вот те и раз! Сдурела на старости-то? – протянула тётка Стася, но котёнка вместе с мамашей поместила в дырявый картофельный кош.

Более того, бабы-соседки стали замечать, что тётка Стася, скорее всего, повредила от горя в уме: ковыряется-ковыряется в поле или возле хатки, потом выпрямится, смотрит куда-то вдаль и улыбается сама себе, а потом ещё и скажет что-то тихонько... Позовёшь её – как будто вздрогнет и – опять вроде бы нормальная.

Другие тётки из бригады начали подтрунивать над Стасей:

– Послушай-ка, говорят, что к тебе мужик какой-то сватался, ай нет?

– Да ну вас, пустозвонки, какой мужик мне! Мне уже и помирать скоро. Да и не нужен мне никто. Игнатушку вот война забрала...

Губы тётки Стаси дрожали, лицо кривилось, и она долго-долго не поднимала голову, стараясь налегать на лопату или мотыгу ещё сильнее.

Сама себе тётка Стася думала, что если Алёшенька вернётся, то обязательно на большой праздник. Иначе и быть не может. Поэтому и к Пасхе готовилась особенно тщательно: побелила глиняную печурку и потолок, натаскала глины из овражка и вымостила земляной пол. Но проходил праздник за праздником, а сына всё не было. В душе она уже нередко начинала клясть Матрью, обнадежившую её. Но как только сталкивались с ней возле родничка или у «магазинщика», Матрью многозначительно кивала ей головой, и Стася снова на некоторое время притихала и улыбалась сама себе.

В самый сенокос ей вдруг стало плохо. Может, от жары, а может, силы покинули напереживавшуюся на две жизни вперёд женщину. Тётка Стася отползла под куст, прилегла на мягкую шёлковую траву и закрыла лицо руками. Вроде бы стало немного легче.

– Баб Настя, а баб Настя! – звал её пацанёнок Верки Семёнихи. – Ба-а-ба На-а-стя!

– Чего тебе? Чего-то орёшь, как поджаренный! – подхватила тётка Стася.

– Там тебя какой-то мужик ищет! Страшный – жуть! С опаленной мордой, такой. И руки одной нет. Мычит чегой-то, только глазищи зыркают.

– Шла б ты домой, тётъ Стася, – посоветовал бригадир. – Мало ли что, время тяжкое, ходят всякие – недобитки немчурские. – Он недобрым взглядом окинул Матрью, махавшую косой неподалёку. – Ещё обберёт хату, последнее унесёт.

Тётка Стася медленно побрела домой. Как назло, разболелась голова, бухало в глаза красными молниями. Подходя к своей избёнке, она

дёрнулась и замерла на месте. На косеньком невысоком крыльчке топтался незнакомый седой мужик и, воровато оглядываясь, пытался одной рукой открыть фанерную дверь. Дверь не поддавалась, и он сосступил с крыльца и, сильно прихрамывая, пошёл под окно, заботливо остеклённое тёткой Стасей.

Тётки Стасины ноги ослабли, и она едва не рухнула ничком в дорожную пыль. Пересилив себя и облизнув враз пересохшие губы, тётка Стася двинулась к хате. Незнакомец скрылся за хаткой, и тётка Стася, подняв щербатый серп и занеся его над головой, начала заходить с другой стороны. Она успела услышать, как завывала в хате Васеня и, видимо, чувствуя опасность, билась изнутри в запертую дверь.

Сделав шаг за угол, она столкнулась с мужиком и остолбенела от испуга. Лицо его было обожжено до костей и зажило уродливыми рубцами. Волосы на голове росли пучками и были абсолютно седые. Как и говорил Веркин пацанёнок, у мужика не было одной руки от самого локтя, в другой он сжимал какую-то тряпку. Однако, глаза его остались целыми и в упор смотрели на тётку Стасю. Тётка Стася глухо охнула, схватилась за сердце и осела на землю.

Когда она очнулась, был уже вечер. Она осмотрелась. Хата её была цела, дверь заперта, а страшного мужика поблизости уже не было. Надрывно верещала кошка, запертая в хате. Тётка Стася приподнялась на руке и снова замерла: седой человек сидел поодаль на старой колоде, на которой она рубила хворостины. Она подумала, что успеет заскочить в дом и запереть его изнутри, прежде чем он, хромой, сможет её догнать.

Собрав все силы, она подскочила, опрометью бросилась на крыльцо, отперла слабую дверь и вбежала в дом. Кошка пулей выскочила во двор и метнулась прочь. Тётка Стася заперла дверь на крючок и устало осунулась на лавку. Черпая кружкой воду из ведра, краем глаза она увидела, что рядом с сидящим на колоде страшным мужиком, встав на задние лапы, вытянувшись в струну и положив голову ему на колени, стояла чёрная Васеня.

Яна МАТЮШКИНА

«Родилась в 2005 году в г. Рузаевка. В своих работах я люблю показывать те стороны нашего современного мира, которые в привычной повседневности люди привыкли не замечать или же лишать их присущей им значимости. То, что воспринимается как должное, иногда можно выставить в совершенно другом свете – и донести эту мысль мне кажется особенно важным, ведь закрепившиеся за нашим поколением так называемые «стандарты» зачастую влияют на ход мыслей людей. Я не преследую какую-то определенную цель, скорее пишу то, о чем думаю, и что хочу донести до окружающих. А именно: позволить увидеть другим привычные вещи под иным углом и показать, что некоторые, максимально простые для одних вещи, могут оказаться совершенно запутанными и непостижимыми для других. Все мы разные, но это не мешает нам понимать друг друга, верно? Поэтому, иногда будет неплохо взглянуть на ситуацию с другой стороны. И в своих зарисовках я стараюсь показать те самые нестандартные

взгляды на элементарные ситуации, которые присущи определенной части нашего общества. В моем понятии – нашему миру попросту не хватает самой обыкновенной человечности и взаимопонимания, которыми пестрят большинство массовых мероприятий и школьных уроков. Именно поэтому я стараюсь показать то, что, по моему мнению, происходит в нашем мире через свое творчество, ведь, как мне кажется, каждый из нас способен внести значимый вклад в наше, пока ещё, неопределенное будущее».

ЖИЗНЬ ПО РАСПИСАНИЮ

Время около шести. Противная трель будильника, что буквально въелась в подавленное сознание, звонко охватила скромно обставленную комнату. Каждое утро одно и то же. За окном сгущаются тучи, хотя, казалось бы, – куда ещё гуще? Из-за этой серой массы не было видно абсолютно ничего, начиная с формально тёплого солнца и заканчивая желанием выходить из квартиры. Из своей коробки.

Ему снова приходится открыть глаза и наткнуться на монотонную белизну потолка. Это настолько обыденно, настолько привычно и бесцветно, что невольная тошнота противным комом подступает к горлу. Тошнит. Ему слишком знакомо это чувство пустой безысходности и немного ожидания, пронизывающего каждый божий день.

Но так ведь и нужно, верно?

Бледные стопы касаются привычно ледяного пола, и он поднимается с теплой кровати, что по утрам была похожа на самую настоящую тюрьму. Кому в здравом уме захочется покидать столь желанный плен, где единственной твоей проблемой будут странные сновидения, порожденные собственной больной головой?

Мелкий дождь начинает капать за окном, оставляя на стекле размытые дорожки. Хаотичный, но такой успокаивающий – он казался более правильными и нужным, чем вечно палящее солнце. Забавно. И в какой момент дождь отнес ли к чему-то дефектному, второстепенному и совсем не нужному, считая его лишь очередным капризом природы? С чего вообще люди взяли, что в этом мире на небе гордо должна возвы-

шаться раскалённая звезда, а не серый ковёр мрачных туч?

Он стоит прямо перед зеркалом, машинальным движением затягивая на болезненно-бледной шее галстук и поправляя ворот серой рубашки. На лице – ни грамма эмоций, а в душе сплошная тоска. Казалось бы – дай ему волю и он заживёт по-другому, убивая каждую секунду отведенного времени на самые глупые и такие нужные сердцу вещи. Но этого не случится, потому что его жизнь – это поминутно расписанный план, в котором не может быть поправок или исключений. Он заложник собственного существования, своих мыслей и необъятной тоски, что жаждет чего-то настоящего, сродни мелодичному дождю за окном.

Это ведь не так много, верно?

В метро привычно нечем дышать. Все сиденья давным-давно заняты, а сами «венцы природы» безразлично уткнулись в свои гаджеты, неизменно сгорбившись в спине и протянув к проходу ноги. Их совершенно не волнует стоящая рядом беременная женщина, которой попросту не хватило места. Забавно, что вся их безграничная толерантность осталась где-то позади, там, где осуждать нужно было других, а не себя.

Он держится за поручень, рассматривая всех и каждого, кто попадется на глаза, словно бы ища в них что-то настоящее, не похожее на противный шаблон, предоставленный самой жизнью. Хотя бы капельку искренности... Но снова натывается на пустоту и не может сдержать обреченного вздоха. Ничего нового. В этих людях нет абсолютно ничего – они все похожи на безликие манекены, которые скоро попросту выкинут на ближайшую свалку и заменят новой, более навороченной моделью. Как телефон.

Механический голос динамиков объявляет о прибытии на очередную станцию, где ему нужно будет выйти. А он и не против. Хочется побыстрее выбраться из этой консервной банки, пусть потом и придется влиться в поток ничего не смыслящих, куда-то бегущих манекенов, которые спешат угодить расписанному по минутам шаблону, не имеющим места опозданиям.

Вся эта пустая суэта оставляет какой-то противный и ужасно тяжелый осадок.

Каждый насмешливый взгляд и кинутая вслед колкость, дабы унижить, бесповоротно заставить увидеть их мнимое величие и несуществующее превосходство – стали настолько обыденными и нормальными, что теперь уже смешивались с гулом спешащих в никуда машин. Так привычно и противно одновременно.

И самое забавное, что их цветущая внутри пышной розой бесчеловечность уже его не удивит. Ему абсолютно всё равно на каждую под-

лость и оценивающий взгляд, брошенный в спину. Какое дело может быть человеку до безликого манекена? Он не считает себя Богом и не превозносит на мнимый пьедестал перед остальным подобием людей, лишенных всякого сострадания и сочувствия. Но ясно понимает, что в отличии от остальных способен хоть на какую-то искренность и чувства, в порыве которых готов отдать всего себя ради благого дела. Ему кажется это той самой его хорошей стороной, его отличием от всех остальных шаблонов. Так почему общество столь сильно старается принизить всё светлое, что в нем осталось?

– Уважаемые пассажиры, следующий рейс по маршруту номер двенадцать будет совершен до конечной станции, – сообщил он пустому салону автобуса, безразлично отводя взгляд к окну.

Сейчас он ждёт того самого знаменательного момента, ради которого встал с обыденно-теплой, пленящей кровати и снова выбрался из своей коробки, продолжая волочить уже такое надоевшее болеющей душе существование.

И он наступает, когда открытые двери автобуса встречают промокшую с ног до головы девушку, что молча заходит внутрь, не удостоив мужчину и взглядом. На ней самая обычная, мокрая одежда, а с темных волос скатываются всё такие же ледяные капли дождя. Её взгляд даже не обращается в сторону заинтересованного водителя, но он все равно видит, что там, прямо на дне темно-карих глаз, плещется спокойное равнодушие и совсем капельку колющее безразличие ко всему живому, что так настырно пытается найти её внимание.

Она снова проходит в самый конец, снова садится у окна и достает спутанные провода наушников, более не обращая своего взора куда-либо, кроме окна. А оно и не надо. Потому он молча трогается с места, изредка поглядывая на единственного пассажира, что сейчас смотрит за скатывающимися по прозрачному стеклу каплями дождя и, кажется, тонет в той самой осенней тоске, которую так любезно решил взять с собой «главный каприз природы».

Впервые весь этот долгий и привычно-длинный маршрут был пройден так спокойно, так странно быстро и едва ли заметно, что он задумывается о срочной необходимости часов. Хотя, когда ему вообще было дело до несостоявшихся в его личной реальности моментов и безразлично прошедших мимо секунд?

Время идёт слишком быстро и вынуждает его замечать, даже если это последнее, чего ты хочешь.

Ему остается лишь безвольно повернуть голову и немо проводить совсем недавно найденный кусочек искренности, запрятанный глубоко под мокрой одеждой.

Сейчас она снова пройдет к дверям, снова улыбнется и покинет то ли этот приевшийся взгляду автобус, то ли его маленький мир. Покинет и оставит напоследок лишь эту едва заметную, не сравнимую даже с формально ярким солнцем улыбку, которая угаснет, стоит только автоматическим дверям транспорта закрыться.

Ему снова остаётся лишь пустое молчание, приевшееся тепло работающей печки и слёзы вечно плачущего неба за окном.

Он сожалеет, немо сочувствует и почему-то правда вкладывает в это ту самую, никому не нужную искренность, ведь снова видит, как она тихо уходит, словно не замечая, что плачущее небо верно следует за ней.

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Этот день заведомо не мог начаться хорошо. В её комнате стоит непроглядная темнота, а за окном – не менее саднящая глаза луна. Как оказалось, это светило радует далеко не всех и не всегда, как, вот, сейчас, к примеру. Её необходимость девушка сравнивает с надоедливой рекламой по телевидению, являющейся уже в сотый раз и прерывающей просмотр какого-нибудь интересного фильма. Абсолютно бесполезна для зрителя и не вызывает ничего, кроме колющего где-то внутри раздражения. У неё.

Она не станет говорить за других, ведь не может признать даже того, что в этом мире есть ещё миллиарды ей подобных. Или просто язык не поворачивается назвать их людьми, кто знает. В любом случае, как бы то ни было, она встает с прохладной кровати, касаясь онемевшими ступнями ледяного пола. Опять забыла закрыть окно. Растянутая рубашка послушно свисает ниже бедер и, если уж говорить честно, совершенно не греет, но остается на теле, подобно обыденной формальности. Как и многое другое, что занимает в людской жизни то или иное место, но при этом, по правде-то, ничего и не значит. Она привыкла к своей рутинной повседневности и пропускает мимо себя всякого, кто пожелает стать её частью. Сойдемся на том, что в её жизни и так чересчур много бесполезных вещей.

В комнате стоит мертвая тишина, присущая, наверное, каждой монотонной ночи и помещению, освещённому бледным светом этой самой, абсолютно не нужной сейчас луны. Она так и не решается закрыть окно, вновь возвращаясь на край ледяной кровати и подтягивая под себя колени. Это не было попыткой согреться или что-то в этом роде, однозначно нет. Этот жест был не больше, чем самой обычной, ничего в себе не несущей привычкой, плотно осевшей в сознании за отвратительно-жалкий промежуток времени. Безобидная зависимость.

Электронные часы, что одиноко стояли на прикроватной тумбе и с головой выдавали её до тошный перфекционизм, сейчас четко показывали двенадцать минут третьего.

Она знает, что просидит вот так – обнимая собственные колени и утопая в пробирающем до самых костей холоде – до раннего утра. Знает, что больше не сможет позволить себе лечь спать, ведь то, что она сегодня проснулась, уже само по себе является чем-то, сродни невыносимому и несуществующему везению.

Её жизнь – это сплошные черновые работы, с кучей перечеркнутых заметок и верных мыслей. Она бросила жить так, как хотят другие, и в их лице перестала существовать совсем. Её жизнь не значит ровным счётом ничего, ведь люди убеждены, что она не больше, чем помешанный на собственном эгоизме мизантроп, только и всего. Она исчезнет вместе с последними каплями дождя, и о ней никто не вспомнит.

Забавно, но так уж вышло, что стоит только закрыть глаза и позволить себе провалиться в царство Морфея, как за гранью, в собственных снах, её будет ждать такая же жизнь. Изюм дня в день ей снится одно и то же и, кто бы мог подумать, но там она была по-настоящему счастлива, впервые улыбаясь по собственной воле. Реальность попросту начала терять свою эфемерную значимость, которую до этого едва ли имела.

Для неё нет и не было ничего более важного, чем поскорее отдалиться сну, вновь попадая в мир, где она имеет место. Где она нужна. Даже такая важная и ни к кому не жалостливая вещь, как время, перестала для неё существовать, ведь вся жизнь строилась исключительно внутри собственного сознания. Реальность всё чаще вызывала тошноту. Настоящая жизнь забирала слишком много времени, постоянно подкидывая всё новые и новые взгляды прохожих, которые, видимо, считали своим обязательным долгом кинуть колкую фразу, дабы самоутвердиться за чужой счёт. Досадно, не правда ли?

И казалось бы – какой глупец захочет уснуть вечным сном, обрывая тонкую нить собственной жизни и исчезая из памяти так называемых людей? Она хотела.

Большую часть времени она лелеяла жалкую надежду на то, что сможет проспять весь день и всю ночь, а после проснуться лишь на следующее

утро, как можно дольше не покидая столь полюбившуюся, подобную больной галлюцинации жизнь. Сны затягивали. Они заменяли всё, что когда-то имело для нее хоть какую-то, даже самую жалкую цену, и это видел каждый участник сей прозрачной реальности, за исключением неё самой.

Эта наивность стоила ей всего.

Мнимая реальность сгорала дотла с самым истошным криком, который ей только удавалось слышать. Хотелось попросту закрыть уши и до стертых в кровь коленей умолять о столь необходимой сейчас тишине. Место, в котором она чувствовала себя по-настоящему нужной и счастливой, сейчас превратилось в её самый худший

кошмар, уверяя в том, что больше она не уйдет. Она затыкает уши, пытается перекричать эти сотни, вызывающих приступ тошноты, голосов, но в итоге всё равно слышит каждое их слово. И в голове лишь только паника-паника-паника, стоит услышать истерический смех рядом и режущую слух мелодию будильника.

Сейчас ей попросту кажется, что она сходит с ума и никак иначе, ведь с того самого дня не может позволить себе уснуть. Хотя, по сути, так и есть.

Ведь неизменно, каждую мертвую ночь, всё, что ей остается – это вслушиваться в звуки монотонно капающего на кухне крана.

КОГДА УПАДЕТ НЕБО

Этот день она помнила и будет помнить всегда, в независимости от того, сколько раз наша планета обогнет разгоряченную жизнью Солнце.

Утро началось по обыкновению прекрасно. Ей всего пять и в её понимании по-другому попросту не может быть, да и будем честны – кто вообще против? Время уже около десяти часов утра, в комнате стоит приятная телу прохлада, а за окном – не менее приятная взгляду осень. В детских глазах самое обычное окно выступает в роли тайной дверцы, открывающей проход в скрытый от всего живого, ничем не заменимый маленький мир. Потому она уже по привычке соскакивает с небольшой кровати, ловко забираясь на излюбленный подоконник и выглядывая наружу. Ей нравится смотреть, как это время года цветет самыми неповторимыми красками, словно единственный в своем роде, присвоенный кем-то ужасно эгоистичным и жадным, цветок.

Но кто бы он ни был – ей не трудно его понять.

Она сравнивает осень со своей матерью – такой мягкой и никем незаменимой женщиной, скрашивающей каждый её божий день и разливающей на их семейные будни яркую акварель. Вся их совместная жизнь – это та самая неповторимая осень, в которой есть место, как лучистому солнцу, так и проливным дождям. Она мечтает, чтобы в их доме всегда цвела эта идиллия.

Сейчас девочка уже сидит перед большим зеркалом, позволяя матери заплести свои непослушные волосы. Она по привычке качает ногами то вперед, то назад, изредка поглядывая на морозящий за окошком дождь, что так хорошо виднелся в отражении зеркала. Несомненно, ей нравился, и он тоже, ведь было бы довольно таки подло боготворить осень лишь за одну яркую листву, верно? Она считает это время года

неотъемлемой частью их семьи и потому любит его просто так – искренне и по-детски преданно, неся свою верность по жизни так, будто бы это лишь крепкие узы, а не самые тяжелые, звенящие оковы. Она наблюдает за каждым плавным движением материнских рук, вслушиваясь в мягкий, мелодичный голос, и довольно узнает в излюбленном пении свое долгожданное поздравление. Оно вновь, совершенно не изменяя себе, оставляет какое-то приятное, до бабочек в животе родное послевкусие, которого, кажется, она ждала весь этот и предыдущие года.

Они называют её своей маленькой Леди.

Дождь за окном, кажется, так старательно и мелодично подпевает её улыбающимся родителям, что эта тихая песня, созданная и живущая лишь для неё одной, становится подобна концерту самого талантливого оркестра. Она задумает несколько горящих на макушке небольшого торта свечей и позволяет себе насладиться улыбкой, скрашивающей самые родные для неё лица. Она готова была жить каждый день в мучительно-приятном ожидании очередной тихой песни и мелодичного дождя. Её верность этому дню была похожа на самые крепкие, позолоченные цепи.

Но сейчас ей уже почти двадцать, и она далеко не та маленькая Леди, о которой так ласково пели её пропавшие во времени родители. На улице идет пробирающий до самых костей дождь, и единственным спутником на этих мокрых и совершенно пустых улицах стал для неё никто иной, как сама осень, верно следующая за девушкой по пятам. Остались только они вдвоем. Ей всё еще слышится то самое, приглушенное поздравление и мелодичное исполнение своего ежегодного оркестра, что давал самый короткий, но такой необходимый детскому сердцу концерт под звуки тихого, морозящего за окном дождя.

Сегодня она изменяет своей привычке и решается пройти пешком, вместо того, чтобы по обыкновению воспользоваться вечно пустующим, последним автобусом.

Она тонет в собственных мыслях, раз за разом переживая в свой же голове каждое из колющих душу воспоминаний, молча наступая в одну из грязных луж. Кажется, будто бы по чьей-то глупой шутке её поставили на место Атланта, дабы держать это застеленное серым ковром мрачных туч небо и заодно посмешить все живое. Совсем скоро она его уронит.

На светофоре послушно горит мигающий желтый, лишний раз напоминая о том, что сейчас – глубокая ночь, и весь город, если не всё живое, погружено в не менее глубокий сон. Так почему же она вновь и вновь меряет шагами залитый лужами асфальт, как, сейчас, к примеру?

Глядя куда-то вниз, прямо туда, где дождевые капли разбиваются о землю, она тихо напевает себе ту самую мелодию и переходит дорогу, уже совершенно не задумываясь о грязной и насквозь промокшей обуви. Волосы свисают прямо перед глазами и по ним – капля за каплей – скатывается вода, падая куда-то на асфальт и сливаясь воедино с распластавшимися там серыми лужами. Противный цвет.

Но почему-то его освещает слишком яркий для глубокой ночи свет и за предоставленные доли секунды ей слишком поздно удается услышать на фоне тихой, излюбленной мелодии контрастно громкий, протяжный звук.

И всё, что она успевает сделать – это до боли и цветных пятен перед глазами зажмуриться.

А после – сколько не вслушивайся, на фоне не слышно абсолютно ничего и создается впечатление, что все вокруг заполнила та самая, звенящая тишина.

Темнота, кажется, пробирается под кожу, неизменно отравляя кровь и заставляя её кипеть в тонких венах, обжигая те изнутри. Словно бы сама судьба заставляет её блуждать на собственных затворках сознания, в полном неведении и пустоте. Что может быть хуже, чем эта отравляющая разум неизвестность?

Потому, она неуверенно открывает глаза, чтобы найти хоть одну живую душу, способную объяснить ей – что вообще произошло пару минут назад. Или сколько времени уже прошло?

Но стоило только это сделать, как в глаза ударил приглушенный свет, обжигающий одним своим присутствием и заставляющий потратить несколько секунд на то, чтобы к нему привыкнуть. И она привыкает. Но от предположительных вопросов и прежнего непонимания не остается ни следа, ведь вот, прямо перед ней стоит тот самый небольшой торт, с пятью горящими на красивой макушке свечами, а напротив – всё также улыбающиеся и глядящие на нее полными нежности глазами родители. Она не говорит ни слова, чувствуя, как сознание и тело полностью сковали те самые, позолоченные цепи, а в горле встал ненавистный ком. За окном всё также моросит мелодичный дождь, и оттуда веет привычной, слишком приевшейся сердцу прохладой, когда ей удается понять, что произошло на перекрестке, у мигающего желтым светофора.

«С днем рождения, наша Маленькая Леди!»

Никита РЫЖИХ

Родился и вырос в городе Новая Каховка, на берегу Днепра. Победитель международного конкурса «Искусство против наркотиков», бронзовый призер фестивалей поэзии «Собака Керуака» и «Каштановый дом», лонг-листер литературных премий «Двенадцать», «Лицей», «Филатов-фест», премии им. А. Драгомощенко. Шорт-листер конкурсов драматургии «Евразия», «ЛитоДрама». Публиковался в журналах «Дзвін», «Топос», «Фабрика литературы», «Вторник», «Формаслов», «Двоеточие» и др.

Я УЛЕЧУ В НЕВИДАННЫЕ СТРАНЫ...

* * *

Чего сходить с ума, глазной хрусталик,
Ты видишь ли, скажи, глазное дно?
Куда плывешь, просторный мысли ялик? —
Рейкьявик, как и Сидней, далеко.

Чего сходить с ума, товарищ строгий?
Куда течешь? По ком звучит набат?
Чу! Птичка упивается в остроге,
Вдыхая той свободы аромат,

Который мы не чуем и не знаем...
Спокойствие, товарищ пионер.
Ты помнишь: город наш прозвали раем;
Тебя в нем называли Гулливер?..

* * *

Девочка наблюдает из окна
Девочка наблюдает из ока
Девочка наблюдает за окном
Окно наблюдает за девочкой
Параллельные прямые все же пересекаются
В бесконечности

* * *

Уплывай, но постепенно; если честно, то
Мы давно себе совсем не интересны —
Прямо в сети проходящих
Нано-значений
(секунд, минут, движений и так далее)

Сергей КАЛАБУХИН

Родился в 1958 году в г. Коломна (Московская область). Окончил Московский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева (МИСИ). Инженер-электромеханик по автоматизации производства. Автор двенадцати книг. Член Союза писателей России. Лауреат Третьего всероссийского фестиваля «Господин Ветер» в номинации «проза» (2012г.), дипломант Пятого всероссийского фестиваля «Господин Ветер» в номинации «проза» (2015г.), лауреат литературного конкурса «Звёздное перо» имени Георгия Кольцова (2017г.), финалист Германского международного литературного конкурса русскоязычных авторов «Лучшая книга года» (2018г.).

ЧЁРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

...В руке Горгоны вспыхнул огненный цветок, и Сергея Быстрова окутало радужное облако защитного поля.

– Бластер! – изумился Быстров.

Уходя от губительного луча, он нырнул в белесый туман облака. По ушам бил тревожный сигнал стремительно разряжающегося аккумулятора. Ещё немного, и откажет не только защита, но и антиграв, и тогда Быстров просто камнем рухнет в море. Рядом с шипением возникали струи раскалённого пара – Горгона наугад резала укрывшее Сергея облако лучами бластера. Ещё одно попадание, и Быстрову конец. Рванув застёжку кобуры, Сергей тоже выхватил бластер и взмыл к солнцу. Спасительное облако осталось внизу. Солнце слепило Горгону, и потому та не сразу заметила Быстрова. Сергею пришлось впервые стрелять из боевого оружия в живого человека: обычно он обходился парализатором. Но для точного выстрела из пистолета расстояние слишком велико. На сомнения и колебания времени не было. Луч бластера ударил в парящую над волнами Горгону, и ту тоже мгновенно укрыло радужное облако защитного поля.

– Чёрт возьми! – выругался Быстров. – У неё не только боевой бластер, но и защитный комбез Патруля времени! Кто же ты, сволочь? Неужели одна из нас?

Вокруг Горгоны вскипали фонтаны пара – держать её на прицеле в болтанке полёта было

весьма нелегко. Тем более что та тоже не висела на месте, не желая быть неподвижной мишенью. Защита Горгоны отказала на секунду позже полного разряда бластера Быстрова. Радужное облако исчезло, и Горгона стремительно полетела к виднеющемуся недалеко берегу моря. Сергей сунул бесполезный бластер в кобуру и в запале выпустил по удирающему врагу заряд из парализатора. Опомившись, он убрал пистолет и ринулся вдогонку...

– А, вот и ты, – шеф приветливо взмахнул рукой, приглашая Быстрова войти. – Проходи, Сергей, садись.

С упавшим куда-то в желудок сердцем, Быстров плотно закрыл за собой дверь кабинета, прошёл вдоль длинного стола для совещаний к первому ряду стульев и сел. Когда шеф так приветлив и зовёт кого-либо просто по имени, значит дело – дрянь.

– Знакомьтесь, – продолжил шеф, и Быстров поднял глаза на сидящего напротив него незнакомого седоватого мужчину в штатском костюме. – Это – наш коллега из Уголовного розыска, полковник Романов. А это – наш лучший сотрудник, старший группы службы Патруля времени, лейтенант Быстров.

– Николай, – чуть привстав, протянул через стол руку Романов.

– Сергей.

– Ну, вот и познакомились, – жизнерадостно промурлыкал шеф, и у Быстрова от его довольной улыбки заняли зубы. – Полковник, введите лейтенанта в курс дела. Да и мне не помешает ещё раз послушать.

– Знаешь, кто такие чёрные археологи? – спросил Быстрова Романов.

– Конечно, – кивнул тот. – Раскапывают курганы, места былых сражений. Находки продают коллекционерам, хотя по закону обязаны сдавать их государству.

– Вам с ними приходилось сталкиваться? – повернулся к шефу полковник Романов.

– Нет, – ответил тот. – Путешествие в прошлое пока очень дорого. Хронотуризм только начинается и доступен лишь весьма богатым людям. Чёрным археологам он не по карману. А официальные научные экспедиции постоянно находятся под контролем Патруля времени. Никто из наших подопечных и шагу в одиночку в прошлом сделать не может.

– К сожалению, у нас сложилось иное мнение, – хмуро сказал полковник Романов. – Кто-то летает в прошлое, минуя ваш контроль.

– Этого не может быть! – вскочил Быстров.

– Сядь, Сергей, – успокаивающе улыбнулся ему шеф. – Сядь и слушай дальше.

– В Москве есть некий антиквар – Беридзе Котэ Шалвович. У него небольшой магазинчик на Тверском и свой сайт в интернете, – продолжил полковник Романов, когда Быстров сел на свой стул. – Жена одного из наших сотрудников работает в Налоговой инспекции. Она приблизительно год назад проводила очередную проверку бизнеса Беридзе и заметила одну странную закономерность. Сначала на сайте Беридзе в разделе «Куплю» появляется объявление о том, что магазин приобретёт некий предмет у организации или частного лица. Через неделю-две в книге посетителей сайта появляется письмо некоего владельца-частника с предложением продать магазину Беридзе искомый предмет. А ещё через неделю этот предмет уже выставляется в разделе продаж магазина, и его практически немедленно, то есть – в течение суток, покупает какой-нибудь богатый коллекционер. Самое любопытное в этой схеме то, что покупатели могут меняться, а вот продавец-частник всегда один и тот же. Её ник – Горгона.

– Ну и что? – нервно спросил Быстров. – Ясно, что интернет-магазин Беридзе – просто посредник между Горгоной и коллекционерами редкостей. Он что – легализует краденое?

– Нет, – отрицательно покачал головой полковник Романов. – Ни одна из проданных Горгоной вещей никогда не была украдена. По крайней мере, никто не заявлял и не заявляет об их пропаже. Более того, они вообще не числятся

в каких-либо каталогах: ни музейных, ни частных.

– Ну и причём тут мы, Патруль времени?

– А притом, лейтенант, что Горгона продаёт именно то, что заказывают коллекционеры: вещи известные, но не существующие в нашем времени. Среди них, например, золотая серьга киевского князя Святослава, украшенная карбункулом и двумя жемчужинами. Того самого Святослава, сына не менее знаменитых князя Игоря и княгини Ольги, которого убили печенеги на днепровских порогах, когда он возвращался с победой домой, разгромив византийцев в Болгарии. Печенеги отрубили князю голову и сделали из его черепа пиршественную чашу. Судьба серьги Святослава с тех пор неизвестна. Откуда она у Горгоны?

Быстров пожал плечами.

– А откуда уверенность, что это именно та серьга?

– Горгона прилагает к каждой проданной ею вещи небольшой видеоролик, в котором запечатлён вместе с этим артефактом либо его создатель, либо известный владелец. Современные методы позволяют установить точный возраст любой вещи, а полёт в прошлое делает бессмысленным подделку видеороликов. Что ты теперь скажешь, лейтенант?

– Горгона имеет возможность бесконтрольно летать в прошлое, – убито признал Быстров. Ему стали понятны и ласковый приём, и улыбки шефа. Но почему козлом отпущения выбран он?

– Но Горгона не может что-либо забирать в прошлом и доставлять сюда, в наше время. – Вмешался шеф. – Это пока технически невозможно.

– Это ваша проблема, – развёл руками полковник Романов. – Я знаю одно: мы обязаны поймать Горгону и передать в руки правосудия.

– А мы-то вам зачем? – раздражённо спросил Быстров. – Возьмите её на передаче очередного заказа в магазин Беридзе.

– Пробовали, – вздохнул полковник. – Не получается. Артефакты приходят по почте, обычными посылками. Как они оказываются на центральном сортировочном пункте Москвы, установить не удалось. Обычные почтовые коробки без штампов и отметок каких-либо почтовых отделений. Адрес отправителя не существует.

– А деньги?

– Беридзе переводит их на счёт Горгоны в одном из Швейцарских банков. Это – номерной счёт. Горгона может управлять им по интернету или лично являться в банк. Мы всё равно об этом не узнаем – банк не даст никакой информации, так как невозможно без суда объявить Горгону преступницей.

– А за что её судить? – мрачно спросил Быстров. – Горгона никого не ограбила, ничего не украла. Что вы можете ей предъявить?

– В этом-то и проблема, – уныло ответил полковник Романов. – Мы не знаем, как и где Горгона достаёт заказанные вещи. Вот почему нам нужна помощь Патруля времени.

– А мне, лейтенант Быстров, хочется знать, каким образом эта Горгона избегает нашего контроля, – жёстко произнёс шеф. – Какие у тебя на этот счёт имеются соображения?

Быстров задумался.

– На самом деле, уйти от нашего контроля очень легко...

– Вот как? – недоверчиво подался вперёд в своём кресле шеф. – А подробнее. Так, чтобы не только я, но и полковник Романов понял.

– Мы, конечно, почти непрерывно следим за порученными нашей защите и контролю людьми, совершающими полёт в прошлое, – медленно начал Быстров. – Но бывают моменты, когда кто-нибудь из наших подопечных исчезает с глаз патрульных. Например, заходит за дерево или угол дома. Через секунду-две он вновь появится, но вот откуда?

– Поясни, лейтенант, – прервал Быстрова полковник Романов. – Я что-то не понял, о чём ты.

– Каждый хрононавт носит свою машину времени на себе, как улитка раковину, – Быстров встал и продемонстрировал полковнику широкий ремень. – Универсальный пояс хрононавта, сокращённо – УПХ. Пряжка – сенсорная клавиатура. В пояс вмонтировано всё: мощный аккумулятор, аптечка, хронокомпьютер для задания координат и управления перемещением во времени, антигравитатор для полётов в воздухе, мнемопереводчик со всех известных языков, рация – словом, всё необходимое. Горгоне достаточно незаметно или заранее ввести в хронокомпьютер новые координаты, зайти за дерево и...

– ...она уже не изучает в группе учёных процесс разрушения Колосса Родосского, а ворует кинжал у Бенвенутто Челлини, – восторженно стукнул по столу рукой полковник Романов.

– Вот именно, – крикнул от досады шеф. – А потом эта стерва спокойно возвращается к дереву практически в тот же момент, как покинула его, и, как ни в чём ни бывало, вновь появляется перед коллегами и Патрулём. Молодец, Быстров! И как это мы не предусмотрели такую возможность?

– Подождите! – воскликнул полковник Романов. – Но вы же сказали, что Горгона не может ничего принести из прошлого в наше время.

– Зато она может спрятать нужную вещь в укромном месте, – возбуждённо ответил Быстров. – Закопать, например. А, вернувшись из прошлого, уже в нашем времени откопать и продать.

– Как же вы будете ловить эту хитрую бестию? – озабоченно спросил полковник Романов.

– Элементарно! – небрежно взмахнул рукой шеф. – Так же, как ловят всех хищников: на живца.

...Быстров очнулся от боли. Он лежал ничком на берегу, почти у самой воды. Всё тело ныло. Скалистый берег пятиметровой каменной стеной круто вздымался от неширокой песчаной полосы прибоя, резко переходя наверху в гладкую, как стол, равнину.

– Повезло, что антиграв отказал уже во время приземления, а не в полёте над морем, – пробормотал Быстров, разглядывая торчащие вокруг острые зубья скал. – И всё же «посадка» была жёсткой...

Он вынул из кармана «сигару» зарядного устройства. Отвинтив крышку, вытащил из капсулы туго свёрнутый рулончик. Взмах руки, и рулончик превратился в короткий плащ. Быстров накинул его на плечи и застегнул пряжку. «Ткань» плаща начала жадно поглощать солнечные лучи, заряжая встроенный в пряжку запасной аккумулятор.

Быстров пошёл кромкой моря. Придётся почти сутки ждать, пока солнце зарядит аккумулятор. А где ждать? От голода и жажды он за сутки не умрёт, но и оставаться на месте падения нельзя: на равнине полно диких племён, постоянно враждующих между собой, и кто-нибудь из аборигенов мог видеть его падение. Пистолет вряд ли спасёт от нападения местных отрядов – в запасе осталось не более двадцати парализующих зарядов.

Женский плач вывел Быстрова из задумчивости. Выхватив пистолет, он осторожно огляделся. Аборигены никогда не отпускают своих женщин одних, без охраны, за пределы поселений. Став спиной к морю, Быстров стал внимательно осматривать прибрежные скалы. Вокруг было сравнительно тихо. Ни один камешек не скрипит под неосторожной ногой. Не звенят доспехи. Только шелест волн, и где-то рядом всхлипывает женщина. Быстров осторожно заглянул за скалу, из-за которой раздавались звуки плача. Перед ним в широкой нише, прижавшись к стене обрыва, сидела девушка. «Рабыня», – отметил про себя Быстров, разглядев короткую белую тунику, окутывающую сжавшуюся фигурку.

– О, Посейдон, пощади меня! – прорыдала девушка.

«Древнегреческий», – определил мнемопереводчик, мгновенно переведя фразу, и загрузил в кратковременную память Быстрова всю необходимую информацию по этому языку.

Осколок раковины предательски хрустнул под ногой Сергея. Девушка вскочила, закрыв

лицо руками, и закричала. И тут Быстров увидел, что несчастная прикована к скале. Длинная тонкая цепь спускалась от широких браслетов, охватывающих запястья рабыни, извивалась меж осколков окатанных морем валунов и кончалась вмурованным в стену кольцом.

Сергей шагнул к девушке.

– Не бойся. Я – друг, – тихо сказал он.

Увидев чужака, пленница сначала удивилась. Потом бросилась к Быстрову, приникла к его груди и опять заплакала. Он стал ласково гладить её короткие пушистые волосы, бормоча какие-то успокоительные слова. Ткань комбеза на его груди стала влажной и горячей от слёз. Наконец, плач постепенно стих. Быстров осторожно отстранил от себя девушку.

– Сейчас я освобожу тебя, – сказал он, с сочувствием глядя на её поникшую, совсем ещё детскую фигурку.

Сердце Быстрова сжималось от жалости. Осторожно взяв худенькую руку пленницы, он достал нож и нажал кнопку. Из рукоятки забила короткая струя плазмы. Отрезанные цепи упали у их ног, как застывшие бронзовые змеи.

– Теперь у тебя на руках будут браслеты. Ну, очнись же!

Быстров потряс девушку за плечо и улыбнулся в её широко открытые, ещё мокрые от слёз глаза.

– Ты свободна, – он поднял с песка покрывало и накинул его ей на плечи. – Иди домой.

Убрав нож, Быстров сел на валун. Неожиданно девушка села рядом с ним.

– Ты что? – удивился Сергей. – Уходи, ты свободна!

– Нет, – отрицательно покачала головой девушка. – Освободить меня может только мой господин. А он этого не сделает. Моя жизнь закончится здесь, как только зайдёт солнце. А теперь и ты погибнешь вместе со мною.

– Почему?

– С заходом солнца сюда придёт Смерть. Чтобы она не выходила из моря на равнину и не нападала на город Дагон, воины царя Неарха каждую неделю приводят сюда раба или рабыню. Смерть съедает жертву и уходит назад, в море. Сегодня жребий пал на моего хозяина.

– Иди домой. Я вместо тебя буду жертвой.

– Кто мне поверит? – грустно улыбнулась девушка.

– Тогда уйди отсюда куда-нибудь подальше и спрячься, – предложил Быстров. – А утром, когда всё будет кончено, вернёшься домой.

– Ничего не выйдет, – вздохнула та. – В двух полётах стрелы от этого места – и на равнине, и по обе стороны берега – караулят воины. На всякий случай. Нам не уйти. Меня сразу же вернут сюда и опять прикут к стене, а тебя либо убьют,

либо ты займёшь моё место у этой скалы через неделю. Лучше попробуй уйти и спрятаться сам.

Девушка вернулась в нишу, вновь расстелила своё покрывало, села и с безнадежной тоской стала глядеть на море.

– Да уж, положеньице, – вздохнул Быстров. – Воины, говоришь?

Он посмотрел на индикатор заряда аккумулятора и безнадежно присвистнул: энергии не хватит ни на активацию защитного поля, ни на включение антиграва. Он застрял в ловушке где-то в античной Лидии на берегу Эгейского моря. Что у него есть? Разряженный бластер, нож и пистолет с двумя десятками парализующих зарядов. Вряд ли с таким арсеналом ему удастся прорвать оцепление и уйти живым и невредимым. Разве что ночью попробовать? А куда, собственно, он собрался прорываться? Искать Горгону? Где? Операция сорвана. Надо просто дождаться полной зарядки аккумулятора и вернуться назад, в своё время.

Быстров взглянул на стоящее в зените солнце. Что ж, по крайней мере, источник энергии ещё долго будет на нужном месте. Сергей снял плащ и расстелил его на солнцепёке – пусть заряжается. Потом шагнул в тень ниши и сел рядом с девушкой. Та удивлённо спросила:

– Ты решил умереть вместе со мной?

– Нет. Лучше сразиться с неизвестным чудовищем, чем вступить в заведомо безнадежный бой с вашими воинами. Как говорят на моей родине: из двух зол нужно выбирать меньшее.

– Почему ты решил, что выбрал меньшее зло?

– Ну, хотя бы потому, что до заката, когда придёт за тобой Смерть, ещё далеко, – улыбнулся Быстров. – Так что я проживу немного дольше. Ваши воины убили бы меня гораздо раньше.

– Ты же можешь спрятаться в прибрежных скалах или сдаться!

– Я тоже воин, – устало ответил Сергей. – Слушай, у меня был трудный день. Мне надо отдохнуть и набраться сил для встречи с вашим чудовищем. Я немного посплю, а ты покарауль. Разбуди, если что.

Быстров лёг на горячий песок и закрыл глаза. Надо хорошенько обдумать, что делать дальше. Где искать Горгону? Негодяйка где-то здесь, рядом. Она тоже должна подзарядить свой аккумулятор, чтобы вернуться в двадцать второй век. Эх, если бы Сергей был не один, а с Генкой! Вдвоём с напарником они бы легко взяли Горгону. Кто ж мог предположить, что она вооружена и экипирована не хуже Быстрова?

– Ну что, Старшой, забьём быка? – достав из кармана монету, спросил Генка Гор. – Чур, мой «орёл»!

– Давай, – легко согласился Быстров.

Генка щелчком большого пальца подкинул монету в воздух. Та, вертясь, сверкнула в лучах жаркого летнего солнца и зазвенела на плитах террасы.

– Решка! – разочарованно вздохнул Генка, поднимая монету. – Опять мне трястись на вонючей кобыле.

– Зато тебе везёт в любви, – засмеялся Быстров, бросая окурочек в урну утилизатора. – Где ты только находишь своих красоток?

– Места надо знать! – самодовольно усмехнулся Генка и широко распахнул дверь в комнату отдыха. – После вас, сударь.

Они вошли. Миновав столики с шахматами, домино, нардами и колодами карт, за которыми коротали свободное время остальные члены дежурной команды Патруля времени, друзья сели в кресла установки виртуальной реальности.

– Хочешь, после дежурства свожу тебя в одно место? – спросил Генка, запуская «Корриду».

– Нет уж, – надевая шлем VR, ответил Быстров. – Твои красотки мне не по карману.

– Да брось ты, Старшой! – заржал Генка. – Я угощаю!

– Мне хватает адреналина на работе, – не желая огорчать друга резким отказом, отмахнулся Быстров. – А когда затишье, как сейчас, – в виртуалке.

– Не любишь ты меня сегодня, – укоризненно пробурчал Генка, надевая свой шлем VR. – Почему?

– Завидую, – криво улыбнулся Быстров. – Так что, поехали? Или будем и дальше лясы точить?

– Поехали! – И Генка ткнул кнопку запуска...

...Высокие сапоги из натуральной кожи противно скрипели, когда Быстров неторопливо выходил на середину арены. Солнце пекло немилосердно. Сергей поднял вверх узкий клинок шпаги, приветствуя сидевших на трибунах зрителей. Вслед за ним на арену выехал на белой, как сахар, кобыле Генка Гор. В левой руке он небрежно держал короткое копьё и пучок украшенных цветами флага России дротиков-бандериллий, положив их поперёк седла перед собой. Правой рукой Гор снял с головы широкополую шляпу и поклонился публике, принимая свою порцию аплодисментов. Его лошадь, горячась от криков множества людей, нервно перебирала тонкими ногами, громко цокая подковами по каменистой земле.

Вдруг двери загона распахнулись, и на арену выскочил огромный чёрный бык. Очевидно, солнце ослепило его в первое мгновение, так как зверь остановился, заморгал и недоумённо затряс головой. Его изогнутые острые рога были покрыты серебряной краской.

Гор пришпорил лошадь и, подъехав к быку, с силой метнул в него один из дротиков. Тот вонзился в могучее плечо зверя. Бык взревел от ярости и боли, взмахнул хвостом и бросился на наглого врага. Генка ловко увёл лошадь из-под удара острых рогов и вонзил в пролетевшую мимо тушу ещё один дротик. Бык резко затормозил всеми четырьмя ногами, взрыхлив копытами утрамбованную до каменного состояния землю, и резко развернулся. Из каждого плеча у него торчали бандерильи, и стекали алые струи крови. Шумно сопя, бык ринулся вперёд. Когда он подбежал, Гор перегнулся через шею лошади, вонзил копьё в бугор между лопатками зверя и налёг всей тяжестью на древко, держа его почти у самого наконечника. Генка изо всех сил удерживал быка, медленно отводя лошадь в сторону, пока она не оказалась в безопасности. Тогда Гор немного ослабил нажим и, когда бык, почувствовавший это, рванулся вперёд, остриё копья вспороло блестящую от пота и крови шкуру, обнажая уязвимое для удара шпаги место между широкими костями лопаток – единственную «ахиллесову пяту» могучего зверя.

Бык громко взревел от ярости и боли. Быстров ловко развернул красный плащ перед его мордой, отвлекая зверя на себя. Взбешённый бык бросился на нового врага. Размахивая плащом перед его налитыми кровью глазами, Быстров обвёл зверя вокруг себя. Когда плащ описал круг, Сергей прижал его к груди. Бык вновь бросился. Почти не сходя с места, Быстров сделал полный оборот. Торчащая из плеча быка бандерилья больно хлестнула его по руке с плащом и обломилась у самого наконечника. От запаха пота и крови зверя Сергея немного замутило. Три раза повёртывался он, заставляя быка бегать вокруг себя. Зрители на трибунах ревели от восторга.

На четвёртый раз Быстров выхватил шпагу и, приподнявшись на цыпочки, вонзил её в то место, где копьё Гора вспорол толстую шкуру быка. Прوماх! Клинок согнулся, уткнувшись в кость лопатки. Бык дёрнул плечом, шпагу вырвало из руки Быстрова, а сам он покатился по земле. Гор тут же бросил лошадь между быком и ошеломлённым падением Сергеем. Разъярённый зверь вонзил рога в брюхо несчастной лошади, поднял её вместе со всадником и, мотнув головой, отбросил в сторону. Вскочив на ноги, Быстров подхватил шпагу и кинулся к быку.

– Торо! – взмахнул он плащом перед окровавленной мордой зверя. Где-то рядом в агонии билась и кричала лошадь, но у Быстрова не было времени и возможности посмотреть, что там с Гором. Он сосредоточился на летящей на него свирепой горе мускулов и злобы. Игры на публику закончились. На этот раз Сергей не промахнул-

ся: клинок вошёл в «ахиллесову пятую» быка. Тот резко остановился, шатаясь сделал пару шагов, роняя кровавую пену с губ, и рухнул на землю. Сергей выдернул шпагу, и горячая кровь брызнула из раны ему в лицо...

Быстров проснулся и тут же вспомнил, где он, и что с ним случилось. Но ощущение горячей влаги на щеке не исчезло. Сергей открыл глаза. Его голова покоилась на коленях окаменевшей от ужаса рабыни. Горячие слёзы пробороzdили на её белых, как мел, щеках мокрые дорожки, капая ему на лицо. Быстров вскочил на ноги и замер. В застывшей давящей тишине отчётливо раздавались громкое дыхание и плеск какого-то приближающегося со стороны моря существа. Быстров вышел из ниши и в багровых лучах заходящего за горизонт солнца увидел в прибрежных волнах встающего на задние лапы огромного ящера.

– Ни хрена себе! – ошеломлённо выдохнул Сергей. Он до последней секунды не верил в приход чудовища. Ждал кого угодно: шайку пиратов, банду разбойников или отряд воинов соседнего с городом племени, пришедших за еженедельной данью в виде живого товара, но никак не чудом выжившего представителя доисторической фауны.

Тело морского змея всё выше вздымалось над поверхностью моря. Передние лапы с перепонками между огромными серповидными когтями ритмично рассекали воздух, словно зверь продолжал плыть. Толстый длинный хвост вспенивал воду позади монстра. Маленькие злобные глазки с щелевидными зрачками остановились на Быстрове. Распахнулась метровая пасть, усеянная острыми зубами-кинжалами, и жуткий рёв поднял в воздух с прибрежных скал тысячи птиц. Звуковая волна отбросила Быстрова назад, в нишу. Из-за его спины вдруг вывернулась гибкая девичья фигурка и бросилась к морю, навстречу зверю. Выхватив пистолет, Сергей одним прыжком догнал рабыню и отшвырнул назад, в нишу. Почти не целясь, он выпустил в ящера три парализующих заряда. Тот замер на мгновение, перестав реветь, затем решительно ринулся на задних лапах к берегу. Видно, для такой туши доза, способная мгновенно свалить с ног слона, была не страшна. Быстров попятился, непрерывно стреляя в надвигающуюся зубастую громадину. Заряды давно закончились, а он всё продолжал жать на спусковой крючок. К его спине прижалась дрожащая девушка.

– Ты остановил Смерть! – вдруг услышал он её удивлённый голос.

– Что? – Быстров сунул в кобуру бесполезный отныне парализатор и внимательно посмотрел на ящера. Тот неподвижно стоял в пяти метрах от берега, опираясь на мощный хвост. Пасть его

осталась открытой, глаза горели лютой злобой, но монстр не мог даже моргнуть!

Быстров поднял с песка плащ и бросил взгляд на индикатор. Аккумулятор успел зарядиться лишь на треть. Что ж, Сергей уже вновь может пользоваться защитным полем и антигравом, но вот для полёта во времени энергии ему не хватит. Придётся как минимум и завтрашний день провести на местном солнышке.

– Почему ты его не убиваешь? – спросила девушка. – Избавь нас от этого чудовища!

– Уже, – ответил Быстров, складывая и убирая в контейнер плащ. – Видишь: зверь не дышит. Не может. Получил слишком большую дозу. Скоро он умрёт от удушья. Больше Смерть не будет приходить сюда за очередной жертвой. Как тебя хоть зовут-то?

– Андромеда. А кто ты?

– Ну, раз ты – Андромеда, то я – Персей, – засмеялся Сергей. – Что будем делать: останемся на ночь здесь или поднимемся на равнину?

– А как же наши воины?

– Теперь я их не боюсь.

– И не должен, – раздался вдруг чей-то голос.

Быстров обернулся, одновременно активируя защитное поле. На берег из-за скалы вышел десяток воинов, вооружённых короткими мечами и большими круглыми щитами. У двоих за плечами висели большие луки и колчаны, полные стрел. Трое держали длинные копья.

– Кто вы? – стараясь выглядеть спокойным и уверенным, спросил Быстров. – Что вам здесь надо?

Старший над воинами сделал шаг вперёд и ударил сжатой в кулак рукой себя в грудь.

– Я – Ксанф, начальник стражи Неарха, царя Дагона. Он послал меня за тобой ещё днём. Но мы нашли тебя только сейчас.

– Днём? – удивился Быстров.

– Да. Почти весь город наблюдал бой в небе над морем. Спешу обрадовать тебя, Персей: твой враг, Горгона, тяжело ранен. Он сейчас в царской темнице.

– Что ты сказал? – воскликнул Быстров. – Горгона у вас?

– Да, – ответил Ксанф. – Он сказал, что будет говорить только с тобой.

– Ты сказал «он»? – поразился Быстров. – Горгона – мужчина?

– Да, – в свою очередь удивился Ксанф. – Ты не знаешь, кто твой враг, Персей?

– Горгона назвал тебе моё имя? – уточнил Быстров, проигнорировав вопрос Ксанфа.

– Нет. Он сказал, что мы узнаем тебя по одежде. Она у вас одинаковая.

– Хорошо, Ксанф, идём. Я хочу увидеть Горгону как можно скорее.

– Персей... – замялся Ксанф.

– Что ещё?

– Разрешите нам отрубить голову этому чудовищу и доставить её нашему царю? Не беспокойся: мы не присвоим твою славу.

– Ладно, – махнул рукой Быстров. – Только побыстрее, солнце уже почти село...

Да, засада всё-таки удалась. Мы с шефом обсудили несколько вариантов приманки. Нужен был артефакт, известный историкам, но о котором ничего не знает простая публика. Это чтобы нам случайно не помешал какой-нибудь хронотурист. Остановились на щите Алкивиада. Никто в наши дни не вспоминал об этом афинском политике. А ведь когда-то Алкивиад был известным стратегом, воспитанником знаменитого Перикла и любимым учеником Сократа. Более того, этот явно неординарный человек слыл в тогдашних Афинах идеалом мужской красоты! Не дурак был вышить, и весьма охоч до баб.

Щиты в Афинах тогда мастерская делала по одному общему образцу. Для богатых клиентов, того же Алкивиада например, их покрывали золотом. А чтобы в походах не перепутать, где чей, владельцы помечали свой щит специальным знаком. Так вот, Алкивиад и здесь отличился: вместо знака приказал мастеру украсить свой щит изображением Эрота с молнией в руке, так что его ни с каким другим перепутать невозможно.

Не знаю, куда шеф отправил мой УПХ, но когда его через пару дней вернули, в нём появилось три новых устройства.

– Этот датчик ты прикрепишь к щиту Алкивиада. – Протянул мне шеф маленький целлофановый пакетик, в котором лежала тонкая прозрачная чешуйка, размером с ноготок. – Он самоклеющийся. Когда Горгона возьмёт артефакт, у тебя на поясе загорится вот этот индикатор, раздастся звуковой сигнал и на табло хронокомпьютера появятся пространственно-временные координаты украденного щита. Ты немедленно стартуешь туда. Вот эта кнопка включает индикатор внешнего хронополя, Как мне объяснили, если рядом с тобой в радиусе ста метров появится хрононавт, индикатор загорится, и ты узнаешь, что Горгона где-то рядом. Сразу включай блокиратор хронополя – вот эту кнопку. Пока работает блокиратор, никто из вас, ни ты, ни Горгона, не сможет перемещаться во времени. То есть, сбежать она не сможет. Как бы Горгона ни маскировалась, индикатор укажет тебе направление и расстояние до неё. Ну, а когда ты её схватишь...

Потом люди полковника Романова организовали через какого-то коллекционера заказ щита Алкивиада в магазине Беридзе. И вот я здесь.

Странно, Горгона должен быть уже рядом, а индикатор на моём поясе не горит. Уж не обма-

нывают ли меня Ксанф с Неархом? Сам, как дурак, лезу в царскую тюрьму.

Мы идём по узкому извилистому коридору. Впереди и сзади меня сопровождают вооружённые мечами воины. В поднятых вверх мускулистых руках они несут чадающие факелы. Где-то позади остались царь Неарх с фальшивой улыбкой на устах и страхом в глазах, Ксанф с кровоточащей головой ящера и пиршественный зал, заполненный вооружённой стражей и демонстрирующими веселье гостями.

Воин впереди вдруг останавливается и распаивает передо мною тяжёлую, обитую бронзой дверь. Мы входим. В колеблющемся свете факелов я вижу лежащую на середине камеры фигуру в комбезе Патруля времени.

– Ну, здравствуй, Старшой, – пронзает мне сердце знакомый голос. – Дождался-таки...

– Оставьте нас, – приказываю я воинам, и те, воткнув факелы в предназначенные для них гнезда, выходят.

– Генка Гор, – с горечью шепчу я. – Так это ты – Горгона?

– Я, – не отрицает очевидное мой лучший друг. – Генка Гор, Гор Гена, Горгона...

Он вдруг закашлялся, на губах запузырилась кровь.

– Что с тобой? – бросился я к нему.

– Не трогай! – остановил он меня. – Твой выстрел из пистолета был на удивление удачен. Парализованный, я не мог управлять антигравом и на полной скорости впечатался прямо в скалистый берег моря. Похоже, у меня переломаны все кости и повреждены внутренности.

– Завтра я доставлю тебя в лучшую больницу, – мои ноги подкосились, и я сел рядом с Генкой, лежащим на грязном и холодном каменном полу.

– Нет, Старшой, забудь. Мне хана. Я жив до сих пор только благодаря надежде дождаться тебя, обезболивающим и стимуляторам из аптечки.

– Меня ждал? Зачем? Ты же стрелял в меня из бластера!

– Не знаю почему, но я не смог скрыться во времени, когда ты окликнул меня по рации и приказал сдаться. Мой хронокомпьютер перестал работать. Вот я и решил укрыться где-нибудь здесь, в этом мире. Пальнул из бластера, зная, что щита у тебя включена. Думал, пока ты будешь прятаться от меня в облаках, я успею смыться.

– Подожди, я прикажу перенести тебя отсюда...

– Оставь, – удержал меня Генка. – Нет времени. Я же сказал: мне хана. Свой УПХ я уже сжёг – хватило остатков заряда бластера. Так что домой мне по любому не попасть. Как и в нашу российскую тюрьму. Лучше умру здесь. Я теперь – часть этого мира.

– Эх, Генка! – со злостью ударил я кулаком об пол. – Зачем?

– Не переживай, Старшой, – хрипло ответил он. – Я ведь не дурак. Знал, что когда-нибудь эта минута настанет, и приготовился: у меня ампула с ядом в зубе. Вы меня всё равно живым бы не взяли.

– Я не про это, – мой голос тоже звучал хрипло. – Зачем ты стал «чёрным археологом»?

– Ради денег, конечно, – криво усмехнулся Генка. – Я ж детдомовский. Как подросток, меня тут же выперли на улицу – живи, парниша, как сможешь! А что я мог? Что умел? Вот тогда-то я и прибился к «чёрным копателям». Но вскоре Крот, наш главварь, погорел на сбыте оружия времён Второй мировой войны. И опять я остался один, сам по себе. Завербовался в армию. Пять лет бросали из одной горячей точки в другую. Все ребята, с кем начинал службу, сгинули, а на мне ни царапины! Однажды вызвали в штаб, и там один хмырь в штатском предложил мне перейти на службу в Патруль времени.

– Зачем же ты теперь-то подался в «чёрные археологи»? У нас жалованье побольше, чем в армии. Иль на баб не хватало?

– Я не в археологи пошёл. Скорее, в следопыты – искал конкретные вещи, затерянные во времени. Сопровождал как-то одну группу, изучавшую подробности смерти и похорон Чингисхана. Услышал спор учёных о том, каким образом в голом поле пометить место захоронения Чингисхана, чтобы монголы и последующие искатели могилы эту метку не обнаружили, а они, вернувшись в наше время, смогли найти. Вот тогда-то мне и пришло в голову, как можно модернизировать бизнес «чёрных археологов» и заработать на достойную жизнь.

– Что ты называешь достойной жизнью? – разозлился я. – Хождение по бабам и кабакам?

– Это всё внешнее, Старшой, – сплюнул сгусток крови Генка. – Львиную часть денег я переводил детским домам. Помогал ребятам и девчонкам, с которыми вырос. Их ведь тоже, как и меня, выпихнули за дверь без денег, жилья и работы. Теперь у моих друзей есть всё, что нужно для нормальной жизни. Ну, и себя, конечно, не забывал. Я никому не делал зла, Старшой! Не жалеешь теперь, что нашёл Горгону?

– В Робин Гуды метишь? – горько усмехнулся я. – Полковник Романов из МУРа всех твоих подопечных найдёт, запишет в соучастники и, если не посадит, то добьётся конфискации всего их несправедливо нажитого добра.

– С какой стати? – хищно оскалился Генка. – Я же делал всё сам, один.

– Один? – в ярости закричал я. – А кто принимал на почте без должного оформления твои посылки? Кто искал тебе информацию по зака-

занным артефактам? Кто ведёт твои банковские дела? Кто занимается перепиской от твоего имени с интернет-магазином Беридзе с несуществующих адресов? Думаешь, в МУРе дураки сидят? Добро он людям делал! Ты показал своим друзьям сладкую жизнь. Каково им потом-то будет, когда их опять ткнут мордой в дерьмо? Нет, я не жалею, что нашёл Горгону, потому что ненаказанное зло всегда чувствует себя добром.

– Значит, считаешь меня злом? – тихо сказал Генка. – Уверен, что их найдут и всё отнимут?

Я не ответил.

– Мы думали об этом, – вдруг сказал Генка. – Без помощи Патруля времени МУР не справится. Им придётся отследить все мои контакты в нашем времени, а это сейчас невозможно. Ты же знаешь: у каждого хрононавта есть мёртвая зона времени, куда он не может попасть – время его собственной жизни. Один и тот же человек не должен одновременно находиться в двух разных местах, тем более встречаться с самим собой. Значит, муровцам придётся подождать не менее двадцати пяти лет, пока родится, вырастет и пройдёт соответствующую подготовку тот сотрудник Патруля времени, который сможет заняться отслеживанием моих контактов в нашем времени. Думаю, что они не станут столько ждать, ведь я не маньяк-убийца и не военный преступник. Срок давности, Старшой! А сами они и меня-то найти не смогли, раз ты здесь. Я прав?

– Не совсем, – нехотя признал я. – До этого они не знали, кто такой Горгона. Теперь ситуация изменилась. Не так уж трудно узнать, кто из твоих детдомовских друзей работает на почте или стал хакером. Их найдут.

– Найти мало, Старшой, – сжал мою руку горячими пальцами Генка. – Надо ещё доказать вину, найти улики. Ты сможешь моим друзьям? Зло ведь уже наказано...

– Как?

– Ты прав, я не гений, – усмехнулся Генка и закашлялся. Кровавый ручеёк потёк у него из уголка рта. – Моё время на исходе.

– Так не теряй его, говори, что надо сделать!

– Как вернёшься назад, дай объявление в интернет-газете «Совершенно бесплатно» в разделе «Разное». Напиши, что ищешь напарника для участия в вирт-игре «Коррида». Это сигнал о моём провале. Ребята знают, что и как им надо сделать, чтобы их, как ты изящно выразился, не ткнули мордой в дерьмо. Сделаешь?

– Обещаю, – твёрдо ответил я.

– Спасибо, Старшой! Прощай...

Во рту у Генки что-то хрустнуло, он обмяк, его напряжённое лицо постепенно разгладилось, горячая рука вскоре начала холодеть...

МАХМУДЫЧ

Виктор Иванович маялся. До конца года оставалось почти четыре часа, значит, гостей ждать ещё не менее двух часов! Придут, как обычно, сваты и соседка Зинка. Дочка с зятем приведут внука Мишку.

Виктор Иванович с завистью смотрел в окно на бредущие по тротуару весёлые, явно уже податые компании. Через дорогу, в офисе торговой фирмы, давно гремит музыкой и танцами праздничный корпоратив. Несколько парней выскочили из дверей фирмы и начали готовить запуск шутих. Сквозь украшенные надутыми шариками и мигающими разноцветными гирляндами стёкла окон за ними следили оставшиеся в тепле помещения остальные сотрудники фирмы. Некоторые из них при этом что-то прихлёбывали из высоких бокалов.

Виктор Иванович выругался и задрнул шторы. Когда же, наконец, закончится это мучительное ожиданье? Все были при деле: дочка с зятем повели внука во дворец на ёлку. Жена, Клавдия Петровна, заканчивает готовить закуски на кухне. Сваты час назад завезли какие-то кастрюльки и свёртки и тут же уехали по магазинам: что-то не успели найти и купить. И только Виктор Иванович маялся не при делах. Ёлка уже давно наряжена. Гирлянды исправно горят – Виктор Иванович проверил несколько раз. Ковры выбиты на свежеснеженном снегу и вдобавок пропылесосены. Мусор вынесен. Праздничные гирлянды развешены. Все необходимые продукты закуплены. Подарки под ёлку сложены. Посреди комнаты в ярком свете отмытой накануне Клавдией Петровной люстры сверкает хрусталём бокалов и начищенным мельхиором вилок праздничный стол. Вазы горбятся румянобокими яблоками, оранжевыми мандаринами, жёлтыми апельсинами, зелёным кишмишем и лиловым виноградом. Исходя соком, нежится под радужными кольцами репчатого лука разделанная селёдочка. В салатницах аппетитно притягивают глаз давно обрусевший «оливье» и «фирменные» салаты сватки: рыбный, из кальмаров, крабовых палочек, с зелёным горошком, кукурузой или ананасом – всех не перечислить. Любила и умела сватья готовить салаты. Розовели тарелочки с тонко нарезанной красной рыбой и докторской колбасой. Желтел и остро пах сыр. Аппетитно блестели маринованные грибочки, манили мятыми боками солёные помидоры, зеленели пупырчатые огурчики. Но более всего притягивали жадный взгляд Виктора Ивановича несколько разноцветных и разномастных бутылочек, сгруппировавшихся в самом центре новогоднего стола. Тут были и блестя-

шая золотом фольги высокая бутылка розового шампанского «Абрау Дюрсо», и почти не отличающаяся от неё бутылка безалкогольной детской шипучки (для внука), хрустальный графинчик самодельной черносмородиновой наливки (Клавдия Петровна сама делала!), нестандартная бутылочка таллинского бальзама, пузатый коньячок, «огнетушитель» белого вина и две бутылки водки. Эти две последние и вызывали маету Виктора Ивановича.

– Нет, ну кто сказал, что в последний день года надо пить только по расписанию? – возмутился Виктор Иванович. – Сначала проводить старый год, потом, после речи и тоста президента, под бой курантов встретить новый. Где это написано? В каком законе? Вон, – покосился Виктор Иванович на окно, за которым шумел корпоратив, – нормальные люди давно уже празднуют!

Эх, если б не категорический запрет Клавдии...

Виктор Иванович в раздражении плюхнулся на диван и начал жать на кнопки пульта, переключая каналы телевизора. Везде пили, пели и бесновались одни и те же морды, осточертевшие Виктору Ивановичу и в будни: те же бессмысленные песенки, те же идиотские шуточки. Казалось, вся эта попсовая шатия-братия и типа поёт для себя любимой, и типа шутит для себя, сама себя при этом нахваливает и награждает. А Виктор Иванович и все прочие люди ей абсолютно без надобности.

Матерясь сквозь зубы, Виктор Иванович жал на кнопки пульта, благо в цифровой приставке к телевизору было каналов за сотню, и наткнулся, наконец, на старую советскую комедию. На экране возник уставленный бутылками и закусками стол. Вдоль него шёл как всегда пьяненький артист Вицин и громко возмущался скороспелостью нынешней свадьбы. Виктор Иванович с умилением смотрел, как Вицин, игравший отца многодетной невесты, мимоходом прихватывает со стола бутылку самогонки, укрывая её от глаз жены собственным телом, щедро плещет в гранёный стаканчик и смачно выпивает. Виктор Иванович даже сглотнул набежавшую слюну, так понравилась ему увиденная сцена. Но бдительная жена, мать невесты, уже тут как тут, и коршунном бросается на Вицина.

– Не тронь! – кричит тот, не позволяя отобрать у себя бутылку и стакан. – Не тронь моё самосознание!

– Правильно! – подхватился с дивана Виктор Иванович. – Пусть президент по расписанию принимает. А у нас своё самосознание имеется!

Виктор Иванович грозно посмотрел в сторону кухни, где жена Клавка заканчивала варить в кастрюле картошку, жарить на сковороде мясо и тушить в духовке кролика. Ароматы с кухни доносились сногшибательные. Виктор Иванович решительно цапнул со стола бутылку водки и резко крутанул пробку. Пробки на нынешних бутылках стали хитрые. Их не надо теперь выдёргивать штопором или снимать, разрывая алюминиевую крышечку. Виктор Иванович взял фужер и потряс над ним бутылкой. Не вылилось ни капли! В нетерпении, Виктор Иванович крутанул пробку в другую сторону. Раздался оглушительный хлопок, вылетевшая пробка больно ударила Виктора Ивановича прямо в лоб, и из бутылки повалил густой белый дым. Виктор Иванович в панике выронил бутылку и рухнул на диван. Дым быстро уплотнился в тощую фигуру седобородого старика в зелёном восточном халате и чалме.

– Хоттабыч, блин! – растерянно пробормотал Виктор Иванович, потирая зудящий лоб.

– Махмудыч, – строго поправил его старик.

– Один хрен, – махнул рукой Виктор Иванович.

– Раба любой может обидеть, – скорбно промолвил джинн.

– Раб, значит? – усаживаясь поудобнее, начал соображать Виктор Иванович. – Любое моё желание исполнишь?

– Почти, – обречённо вздохнул Махмудыч. – Я – специалист по удовольствиям. Что желает хозяин?

– Для начала восполни недостачу на столе, – потёр руки Виктор Иванович.

– Понял, – сказал старик, вырывая волосок из своей длинной бороды. – Я читаю желания хозяина без лишних слов.

На столе появилась новенькая бутылка водки.

– Ну, раз без слов... – довольно улыбнулся Виктор Иванович и взял со стола фужер.

– Извини, хозяин, – развёл руками Махмудыч. – Я обеспечиваю удовольствия, а не отравление. Алкоголь – яд!

– То есть как? – удивился Виктор Иванович. – Что ты несёшь, старик? Что же тогда, по-твоему, удовольствия?

– Удовольствия бывают трёх видов, и все они связаны с мясом, – взмахнул широкими рукавами халата джинн. – Можно ездить на мясе, вкушать мясо и вводить мясо в мясо. Начнём с первого?

Старик дёрнул волосок из бороды, и перед Виктором Ивановичем возник живой конь. Виктор Иванович ойкнул и запрыгнул с ногами на диван.

– Настоящий арабский жеребец! – восхищённо прищёлкнул языком джинн.

Конь шумно вздохнул, взял губами яблоко из ближайшей вазы и смачно захрустел им.

– Каков красавец! – приплясывал рядом Махмудыч, гордо поглядывая на очумевшего Виктора Ивановича.

От жеребца, мягко говоря, пахло. В брюхе коня громко заурчало, он потянулся за вторым яблоком и начал задирать хвост...

– Убери его! – завопил Виктор Иванович, поняв, что сейчас произойдёт. – Немедленно!

– Хорошо, хорошо, – разочарованно дёрнул из бороды следующий волосок джинн.

Конь исчез. На вычищенном и пропылесосенном два часа назад Виктором Ивановичем ковре парила и воняла кучка свежего навоза.

– И это убери! – истерично взвизгнул Виктор Иванович. – И запах!

Махмудыч безропотно вырвал ещё один волосок.

Виктор Иванович слез с дивана и осторожно потрогал ковёр. Тот был чист и сух.

– Что случилось? – на крик Виктора Ивановича из кухни прибежала Клавдия Петровна. – Кто это?

– Дед Мороз, – отмахнулся от неё Виктор Иванович.

– Махмудыч, – обиженно поправил хозяина джинн.

– Какой ещё Махмудыч? – грозно спросила Клавдия Петровна. И тут она углядела в руке Виктора Ивановича фужер и валяющуюся на полу пустую водочную бутылку. – Та-а-ак! – протянула Клавдия Петровна. – Гостей дожидаться не можешь? С первым встречным водку пьёшь! Алкаш несчастный!

– Объясни ей, – устало махнул рукой Махмудычу Виктор Иванович.

– Понял, – кивнул тот и дёрнул волосок из бороды.

Клавдия Петровна застыла на полуслове, переваривая информацию.

– Что, настоящий джинн? – вытаращилась она на Махмудыча.

– Второе удовольствие и без меня уже готово, – принялся к кухонным ароматам Махмудыч. Клавка охнула и убежала на кухню. – Может, перейдём к третьему?

– Ты думай, что говоришь, – показал глазами на вновь появившуюся в комнате жену Виктор Иванович.

– А в чём проблема? – удивился джинн и дёрнул из бороды волосок.

На глазах Виктора Ивановича толстенная полуседая Клавдия Петровна преобразилась в молодую фигуристую красотку, везде, где надо кругленькую и аппетитную.

– Ну, как? – гордо спросил Махмудыч и распахнул дверь спальни.

– Ой, – потрясённо воскликнула Клавдия Петровна, разглядывая себя в зеркалах трюмо.

– Да-а... – промывчал Виктор Иванович. – Вот так Снегурочка! Ну, Хоттабыч! Ну, угодил.

Он потянулся к красотке, но та ловко вывернулась и больно треснула Виктора Ивановича по рукам.

– Не лапай! Ишь, шустрый какой.

– В чём дело? – возмущился Виктор Иванович.

– У нас тут не Восток, и я не в гареме, – сверкнула прекрасными глазами Клавдия. – Удовольствие должно быть взаимным. От тебя и от молодого толку в постели было немного, а сейчас и подавно.

– Хоттабыч, – оскорбился Виктор Иванович. – Разберись.

– Махмудыч! – сквозь зубы прошипел джинн. – Хозяин хочет, чтобы его женщина получила удовольствие?

– Да! – рявкнул Виктор Иванович. – Хочу. Выполни её желание. И перестань меня всё время поправлять.

– Как угодно хозяину, – поклонился джинн и дёрнул волосок из бороды. Глаза его коварно блеснули.

«Интересно, в какого красавца он меня превратил?» – подумал Виктор Иванович и повернулся к трюмо. Но из зеркала на него смотрела знакомая пузатая фигура с лысой головой и плохо выбритым морщинистым лицом.

– Эй, Хоттабыч, в чём дело? – разгневанно обернулся к джинну Виктор Иванович.

Но вместо тощего седобородого старика перед ним стоял молодой красавец с фигурой Жана Марэ и лицом Алена Делона.

– Извини, хозяин, – ехидно ухмыльнулся красавчик. – Ты сам велел мне выполнить желание твоей жены. А теперь покинь спальню – пришла пора удовольствий.

– Верни всё взад! – взревел Виктор Иванович. – Ну, Клавка...

– Не могу, – засмеялся Махмудыч, демонстративно поглаживая голый подбородок. – Придётся подождать, пока снова отрастёт моя борода.

Джинн ловко вытолкнул Виктора Ивановича из спальни и закрыл дверь.

– Ах ты, тварь! – заорал Виктор Иванович. – Неблагодарный раб! Я вам покажу удовольствия!

Виктор Иванович схватил с пола бутылку, из которой появился в его квартире наглый джинн, и со всей дури швырнул её в дверь спальни. Бутылка, как резиновая, отскочила от двери и долбану-

ла Виктора Ивановича твёрдым доньшком прямо в лоб. У того от боли и обиды из глаз брызнули слёзы. Он сидел на полу и ревел, как пацан, потирая лоб и размазывая по щекам слёзы и сопли.

– Витя, что с тобой? – вдруг услышал он над собой встревоженный голос жены.

– Пошла вон, шлюха! – рыдал Виктор Иванович. – Предательница! Возвращайся к своему Хоттабычу, или как там его.

– Нажрался уже! – зло вскрикнула Клавдия Петровна. – Не утерпел, алкаш несчастный.

Виктор Иванович протёр глаза. Перед ним стояла разгневанная жена. Не молодая сексапильная красотка, а родная, расплывшаяся от времени и забот Клавдия Петровна. В старом домашнем халатике, с подвязанным кухонным фартуком. Из-под косынки выбились пряди седых волос. От неё вкусно пахло жареным мясом и специями.

– А где джинн? – растерянно пробормотал Виктор Иванович, потирая шишку на лбу.

– Какой ещё джин? – закричала Клавдия Петровна. – Тебе что, водки мало? Вот придут к внуку Дед Мороз со Снегурочкой, у них и проси хоть джин, хоть виски. А сейчас немедленно наведи здесь порядок. Мне некогда за тобой прибираться. Скоро гости придут, а я ещё не одета.

И Клавдия Петровна ушла в спальню, громко хлопнув дверью.

Виктор Иванович услышал бульканье. Из лежащей рядом знакомой посуды джина Махмудыча толчками вытекали остатки водки. За окном с пулемётным треском взрывались петарды. Видать, испугавшись первого взрыва, Виктор Иванович уронил бутылку и, нагнувшись за ней, со всего маху приложился лбом о край стола.

Виктор Иванович поднял злополучную бутылку, встал и вытряхнул в рюмку остатки водки. Смакуя, выпил. Водка оказалась обычная, не палёная и не разбавленная. Виктор Иванович отнёс пустую бутылку в мусорное ведро. Взяв швабру, он задумчиво повертел её в руках и поставил на место.

– Ну, лужа на ковре, – подумал он. – И что? Не конский же навоз. Сама испарится.

«Вы что, водкой полы моете?» – вспомнилась ему фраза из спектакля «Дни Турбиных».

– Моем! – хихикнул Виктор Иванович.

Он достал из холодильника новую бутылку водки и, с опаской, посмотрел её содержимое на свет. Жидкость как жидкость, ничего постороннего не плавает. Виктор Иванович потрогал шишку на лбу и захохотал.

– Ну, Хоттабыч, попадётся ты мне!..

Наталья КОЛМОГОРОВА

Родилась в 1963 году на ст. Клявлино (Самарская обл.). По образованию – педагог. Лауреат нескольких всероссийских и международных конкурсов. Член Союза профессиональных литераторов. Лауреат нескольких международных и всероссийских конкурсов.

СЕРДЦЕ В КАРМАШКЕ

НО ЧТО-ТО ДОЛЖНО СОСТОЯТЬСЯ В ДУШЕ!

Но что-то должно состояться в душе!
Как май, что полощет ветвями черемух,
Как раннее утро, что спит неглиже,
А солнце на небе — цветущий подсолнух...
Но что-то должно состояться в душе!

Вызреть и выстрелить почкой зеленой,
Стать стрекозой голубой невесомой,
Тонким намеком от Ива Роше,
Криком, с которого все началось,
Точкой последней в конце предложенья...
Но главное — чтоб состоялось, смоглось!
Главное — чтобы нашло продолженье...

И если однажды, вменяя в вину,
В гости нагрянет усталая старость,
Я в твою сторону молча кивну
И прошепчу: — Это все, что осталось!
Все, что осталось — короткий рассвет,
Титров последних бегущие строки,
Месяц, плывущий среди туч в вышине
Все, что осталось — минуты и сроки...
Но главное — все состоялось в душе!

СЕРДЦЕ В КАРМАШКЕ

в пиджаке кармана носил мое сердце
иногда доставал его, чтобы согреться
ходил с ним на выставки модных картин
вот только когда оставался один
говорил ему:

прости за изъян
у меня дырявый карман
зашить бы да все недосуг
то надо помыть посуду
то выполоть лук
и кстати я совсем не умею шить
а еще надо найти время
чтоб для себя пожить
но сердце мое на это не обижалось
оно лишь стучало сильней
и отчего-то сжималось
а однажды
когда мы гуляли по улицам ранним
сердце мое проскользнуло
в прореху в твоём кармане
а ты ничего не заметил
мужчины бывают ей-богу как дети
и вот я лежу на дороге и вздыхаю тяжело
мимо проходят люди говорят:

потеряшка
хотели в бюро находок сердце мое сдать
но потом передумали
и оставили так лежать
и вот я валяюсь теперь на дороге
рядом со старым шурупом
а ты ходишь теперь домой
совершенно иным маршрутом
и кто-то не помню конкретнее кто
сказал что ты приучился к порядку —
на карман своего пиджака
поставил большую заплатку
и ходишь теперь в новой красивой рубашке
и другое новое сердце
носишь в своем кармашке.

СОЛДАЙЯ

Если бы камни могли говорить!
Но камни молчат...
Знаю, претит им
пустой болтовни многоцветность.
Там, где свивает тугую лозу виноград,
Свод подпирая, стоит Генуэзская крепость.
Башни взирают на мир,
сквозь века и бойницы,
Тени эпох по брусчатке разбитой спешат.
Мне бы проснуться,
но сон этот длится и длится!
Мне бы вернуться на годы... и годы назад.
...
Консул рассержен,
как будто он — раненый бык!
Взгляд — Минотавра, остро торчащий кадык.
Волос у консула — как беспросветная сажа...
Консул плюется словами: — Безмозглая стража!
Как этот вражий лазутчик
к нам в крепость проник?
Пыткам, не медля, предать,
разузнать, что да как:
Чьи корабли у стены цитадели стоят,
Жерла орудий направив на башни и стены?
Стражу усилие у южных и западных врат,
В оба смотрите, нам надо стеречься измены.

Консул потер подбородок могучей рукой,
Перстень на пальце его — ч
ерный знак Скорпиона,
Красная мантия, крест на груди золотой,
В грозных очах — власть и ярость дракона.

Консул припомнил: в Девической башне, одна,
Дева прекрасная грустно смотрит из окна,
Злато отвергнув и лживую сладость речей,
Гордячка не делит с ним ложе горячих ночей.

Характер гордячки —
как будто бы отлит из стали!
Такого еще не встречали в прибрежной Солдае...

Консул спешит на свидание быстро и споро,
Последний правитель Солдаи —
дон Христофоро,
Возможно, сегодня он будет намного смелей,
Возможно, сегодня красавица станет нежней...

Если бы камни могли говорить и кричать!
У стен Генуэзских османской империи — рать,
Эскадра турецкая с моря из пушек палит,
У Главных ворот войско турок, как туча, стоит.
— Эй, Христофоро, отдай нам свою цитадель!
Не тронем мы вас,

не пожжем плодородных земель,
Мы пощадим стариков и, конечно, детей...
И льются турецкие речи, как сладкий елей!

Но, осажденные града, под всполох зарниц,
Кричат им в ответ: — Эй, османы,
Солдаю — не тронь!
И в подкрепление слов, из отверстий бойниц —
Ядра и стрелы, и пороха адский огонь.

Осада и битва в Солдае — трудна и долга,
Немногие в битве с османской ордой уцелели,
Но Христофоро не сдался на милость врагам,
И жители града не сдали своей цитадели.

Спасаясь от турок, защитники спрятались в храм,
Но разве сдержать злых шакалов большую орду?
Костел подожгли, и огонь запылал тут и там!
Защитники сгинули заживо в «красном аду»...

Если бы камни, как люди, могли говорить!
Город Солдаия — какой аппетитный кусок...
Шелковый путь — золотая, бесценная нить,
Тянется к морю — от Запада и на Восток.

...
Иду по тропе...
Солнце выжгло до пепла траву,
Земля генуэзская залита солнечным светом!
Кактус цветет... и стрекохут цикады во рву...
Было ли то? Было ль когда-нибудь это?
Пристально время глядит на любого из нас,
Будто алхимик на камень — с
квозь толстую призму,
Бродит по замку в полуночный маревый час
Дух Христофоро,
его сверхъестественный призрак.

Кто с ним встречался на узкой и тесной тропе,
Все говорили, что было мучительно страшно!
Мнится мне профиль прекрасной девицы в окне.

Самой высокой из всех — той Девической башни.
Город Солдайя... и чайки кружат в вышине...
И шепчутся камни... и молвят истории мне...

- *Солдайя — город в Крыму, современное название «Судак», он же — Судея и Сурож.*
- *Христофоро ди Негро — последний консул Солдайи.*
- *В 1928 году, при раскопках храма, были обнаружены останки человеческих скелетов (около тысячи) со следами сожжения. После этого, в стенах Генуэзской крепости, стали встречать призрак консула.*

СИНЕГЛАЗКА

Ночь догорает, будто спичка,
Горячий шепот, чей-то бред.
Гангрена. Кровь.
— Воды, сестричка! —
Скрипя зубами, просит дед.
Война. Разруха. Лазарет.

Восток по небу — сукровицей,
Заря глядит в пустой зрачок
(Знать, все же помер старичок)
Июль. Зловонная жара.
И кто-то с самого утра:
— Помилуй мя! Сестра! Сестра!

Кровавой ватой облака
Плывут по небу вдаль куда-то...
— Сестра, я жив?
— Живой пока.
И на холодный лоб солдата
Ложится теплая рука.

Невыносимо. Дико. Жутко!
И боль лишает нас рассудка,
По капле утекает жизнь...
— Держись, родименький,
Держись!

Карболка, йод, новокаин.
Свинцовый град. Осколки мин...
Увы, помочь сестра не в силах,
Когда течет отравы в жилах,
И смерть, от имени Христа,
Целует раненых в уста...

Ей, вместо платья выпускного —
Пропахший порохом халат.
— Ну, что ж, гражданка Иванова, —
Майор взглянул почти сурово, —
Вас направляем в Медсанбат.

Она мечтает отоспаться,
Но снова раненых везут:
Зеленка, морфий, шина, жгут,
Бинтов нестиранных гора,
И тут, и там кричат: — Сестра!
Как величать-то, Синеглазка?..
Крик боли, морфий, перевязка,
А в небе, полном тишины —
Таблетка горькая луны.

Ее мы кликали «сестричкой»,
И оглянувшись вдруг назад,
Я вспоминаю медсанбат,
Военных будней переключку
И тех, не выживших солдат,
И ангела в халате белом...

Внутри ее плескался свет!
И пусть поблекнут жизни краски,
Улыбку нашей Синеглазки
Я вспомню через тыщу лет...
Ведь подвигу забвенья — нет.

НЕ ВИНОВАТЫЙ ОН, БАБУЛЬ!

Лицо ее я помню плохо.
Кричит бывало: — Не балуй!
Опять заноза?.. Вот дуреха!
А виноват соседский Леха.

— Не виноватый он, бабуль!

— А кто ж тебя, такую кроху,
Сманил на медни со двора?
Гляжу, а энтот обормот
Уже маячит у ворот,
Тебя тягает на березу,
А ты споймала там занозу,
Упала оземь, точно куль...

— Не виноватый он, бабуль!

Лица не помню... Фартук. Юбка.
Шагов неторопливых звуки,
А взгляд — что в поле незабудки,
Но помню слишком хорошо
Я эти бабушкины руки.
— Вы днесь с Лексеем, до обеда,
Ныряли снова на чердак?
Чаво искали, оглоеды?
На лбу, гляжу, опять шишак...
И дался вам мой ридикюль?
Поймаю Леху — выбью дурь!

— Не виноватый он, бабуль!

СТРОФЫ

Лица почти не помню... Жаль!
Фуфайка. Клетчатая шаль.
Кричит, бывало, мне в окошко:
— Иди, поешь со мной малеха!
Какаву будешь? А окрошку?
Опять твой охламон — Алеха!
Когда ж закончится июль?

— Не виноватый он, бабуль!

Лицо ее я помню плохо -
Седые волосы, очки.
Зато прекрасно помню Леху —
Кровоподтеки, синяки...
Одно-единственное фото,
У времени на память — квота!
А в сердце раны — как от пуль...

— Не виновата я, бабуль!

НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛА

Белый обмылок луны
Виден сквозь кружево тюли,
Призрачной тайны полны
Сны в сенокосном июле.

Сладок и чуток твой сон
Под голубым одеялом;
Слышишь кувшинок трезвон?
Завтра — Ивана Купала.

Ну же, скорее проснись,
Папоротник светится ало!
Ночь — будто хищная рысь,
Время безумства настало.

В гриву шелковых волос
Гребень точеный вонзаю...
Вот и туман меж берез
Серой змеею вползает.

Там, где медвежьи следы,
Там, где соцветия ряны,
В заводи черной воды
Дружно резвятся няяды.

Папоротник алым цветет
Тем, кто не спит этой ночью...
Зреет у дальних болот
Ягода красная волчья.

Свежих кувшинок нарву —
Тайных свидетельниц блуда...

В ночь на Купала умру,
Если отвергнута буду!

Милый, целуй горячей,
Губ моих вышей отраву,
Или останься ничей,
Если тебе не по нраву.

Ветром колышется тюль,
Месяц застыл истуканом...
Душно. Седьмое. Июль...
Ночь на Ивана Купалу.

ЯБЛОКИ

Мы словно два яблока на одной ветке,
Кому-то солнца досталось меньше,
кому-то — больше,
Такие случаи, знаешь, довольно не редки:
Ты сладок на вкус, но мой аромат — тоньше.

Мы сутками грели на солнце с тобой бока,
Подставляя светилу округлости попеременно,
И кричали нам с небушка облака:
— Поспевайте скорей!
Поспевайте скорей
Непреренно!

Мы с тобой научились встречать налетевшую тучку,
И вместе держаться за ветку в момент урагана...
Тебя вдруг сегодня сорвала женская ручка,
И положила в карман своего сарафана...

А я в одиночестве гордом осталась на ветке
(Как трудно одной,
если делишься с кем-то любовью!)
И с горя упав за забор к престарелой соседке,
Лежу я теперь на земле, возле грядки с морковью.

Но есть притяжение на свете сильнее магнита!
Но есть притяжение одно на двоих — это точно...
Моя сердцевина отныне разбита, разбита!
И мякоть моя стала кислой и вовсе не сочной.

Давай будем вместе...
Пусть в верности каждый клянется,
Ведь наша любовь
в каждой строчке скрижалей воспета!
Пусть яблоком спелым вращается красное Солнце,
И желто-зеленым вращается наша Планета.

Сколько же в нашем саду удивительных яблок?
Видишь огромное? — Это поспела Селена...
День догорает. Сегодня он ветрен и зябок.
Сбор урожая. Пахнет дождями и сеном...

Наталья ПЕЧОНОВА

Родилась в 1970 году в г. Нальчик. Выпускница Кабардино-Балкарского Государственного университета и аспирантуры Северо-Кавказского Государственного института искусств по специальности «Культурология». Редактор газеты «Советская молодежь». Публиковалась в ряде периодических изданий региона. Член Союза журналистов РФ.

ПО СВОЕМУ ХОТЕНИЮ

Царевна опять грустила. Собственно говоря, в этом не было ничего удивительно: ее звали Царевна-Несмеяна именно потому, что она никогда не веселилась. Но сегодняшняя грусть была какой-то особенно тоскливой и тягучей – скорее всего, от наступившей зимы. Не помогли даже отборные тирамису с замороженными йогуртами, которые царь заказал специально на обед из самой модной нынче харчевни «Прошкина деревня».

Но самое неприятное состояло в том, что худшее еще было впереди: грусть Несмеяны становилась особенно непереносимой перед Новым годом, когда все вокруг веселились, а самым несчастным человеком в царстве была она. Дело дошло до того, что Царь Берендей Четырнадцатый уже начал поговаривать о переносе Нового года на первое сентября, как было, с исторической точки зрения, еще совсем недавно. Новый календарь, по примеру зарубежных государств, был введен его дедом, что, в общем-то, только приветствовалось всеми подданными, которые предпочитали ликовать и веселиться после окончания сельскохозяйственного сезона.

И вот теперь, вздохнула Несмеяна, исключительно из-за черной немочи единственной царской дочери и наследницы, не только летоисчисление, но и вся экономика державы может претерпеть не самые лучшие изменения. А во всем будет виновата лишь она.

Последовавший вслед за этой мыслью печальный вздох был таким громким, что сидевший до этого в задумчивости царь аж подпрыгнул на своем троне.

– Что, опять? – с отчаянием спросил он, переводя взгляд с дочери на нянюшку Меланью и обратно.

– Опять, батюшка, с самого утра, – наябедничала Меланья на воспитанницу. – Три раза плакала, два раза хныкала, один раз рыдала.

– Эх, пороть ее надо было, – пожалел Берендей и с досадой бросил ложку. – Да царица покойница не позволяла, а потом и как-то конфузно стало бить девку, что люди скажут? Что монарх великой державы тиран и самодур, который с единственной дочерью справиться не может, иначе, чем розгами? Нет, Малашка, разъясни ты мне, какого рожна ей не хватает? Дворец – полная чаша, держава – наибогатейшая, развлечений – пруд пруди. Вон, специально для нее зодчего аж с самой Италии выписали Луна-парк построить, а она все не смеется, и не смеется. По королевскому обмену в Голштинию ездила, у дочки персидского шаха отдыхала, а все плачет, да плачет. И лекарям показывали и бабки заговор делали, а все попусту. Ну, что с ней происходит?

– Ох, батюшка, темная вы личность, – разомкнула, наконец, уста царевна. – Мне психоаналитик говорил...

– Кто говорил? – не понял царь.

Несмеяна раздраженно фыркнула.

– Мозговед, государь, – пришла Берендею на помощь Меланья. – Туточки, на площади, частную лекарню открыл, цельных два ефимка за сеанс берет.

– Ишь, кровосос, – возмутился Берендей. – Монаршей особе дисконт мог бы сделать. Небось, потом и растрезвонит всем, что царску дочку консультировал. Надо Филимону об нем рассказать, пушай его налоговый приказ им займет. Так что он говорил?

– Говорил, что это очень серьезная болезнь, хроническая депрессия называется. Еще и книжку ученую почитать дал.

– Ну и?

– Ну и так есть: депрессия.

– А лечить-то, лечить-то как? – не успокаивался царь.

– Там про это, батюшка, не написано.

Царь разочарованно сплюнул.

– Да, пока сам проблему не решишь, никто не поможет. Малашка, к ужину меня не ждите, я с боярами заседать буду.

Берендей пропустил не только ужин, но и утреннюю трапезу, так как заседал с боярами до самого обеда следующего дня. Наконец, двери Думной палаты распахнулись и всклокоченный, но веселый царь с короной набекрень выбежал с радостным криком:

– Ну, Несмеянушка, радуйся. Тятка-то твой голова, такое придумал!

– Что, батюшка? – настороженно спросила дочка.

– Конкурс женихов, кто тебя насмешит, тому тебя в жены отдам.

– А что? – неожиданно согласилась Несмеяна. – Можно, мне уж и возраст подошел. Объявляйте, батюшка.

– Умница моя! – чмокнув царевну в щечку, царь умчался на кухню.

Меланья, не ожидавшая такой реакции, удивленно посмотрела на Несмеяну.

– Ты что это, матушка удумала? Сама завсегда твердишь, что замуж только по любви выйдешь, столько сватов и свах отвадила, а теперь соглашаешься?

Несмеяна равнодушно зевнула:

– Да, ладно, Малашка, думаешь, хоть кто-то из претендентов и вправду меня развеселить сможет? Просто батюшка так старался, что никак не возможно его огорчить. А так и он обрадовался, и забаву себе нашел, да и мы отвлечемся.

Прогноз царевны оправдался полностью. Царь носился по дворцу с утра до вечера, целыми днями пропадал в отборочном комитете, рассматривая заявки всех соискателей, руководил уборкой апартаментов и ругался с помощниками.

Дальше предсказания Несмеяны также сбывались: ни один из развлекательных номеров женихов не вызвал на ее личике даже подобие улыбки. Царь и все зрители, за вход которых на шоу предприимчивый дьяк Налогового приказа Филимон придумал брать по три ефимка, получили большое удовольствие. Им очень понравился и Иван Турецкий со своим поющим девятиголовым Горынычем, и пародии скомороха Андрея Галкина. Всех очень развеселил номер артиста Бориса Моисейкина, правда, потом, пошептавшись с возмущенной Меланьей, покрасневший царь почему-то снял его с конкурса. А как все веселились от выступления сборной КВН Тридевятого царства! Все, кроме Царевны Несмеяны, – ей по-прежнему было скучно.

Когда прошла первая неделя конкурса, а число претендентов, в том числе и с такими мало-перспективными именами, как «Рыцарь Печального образа», «Плачущий Пьеро» и «Грустный Клоун» перевалило за три дюжины, Берендей охватили смутные предчувствия, что его затея не удалась. Объявив мероприятие закрытым, и собрав вещи, он уехал в командировку в отдаленный конец царства. Через неделю он вернулся во дворец, помолодевший и повеселевший.

– Ну, доча! Жди, завтра к тебе Емельян придет.

– Какой такой Емельян? Не из Пугачевых ли? – забеспокоилась Меланья.

– Не, кажись, Сидоров. Точно, Емельян Сидоров. Во, какой парень! Что вытворяет, видели бы вы только! Ладно, Несмеянушка, ничего больше не скажу, сама все увидишь. Но чует мое отцовское сердце, он тебе глянется...

...Ждать пришлось совсем недолго. Рано утром, в последний день уходящего года, Несмеяна проснулась от хохота своей няньки, смотревшей во двор. Царевна подскочила к окошку и остолбенела. Во двор въезжала печка, самая обычная печка, которую можно увидеть в любой избе, но она ехала и довольно быстро! На ней лежал довольно упитанный молодой человек, фальшиво игравший на губной гармошке, очевидно, в честь приближающегося праздника, мелодию, чем-то напоминающую «В лесу родилась елочка».

Понукаемая Меланьей, Несмеяна быстро оделась и спустилась из своей светлицы в Тронный зал, где ее ждал отец с необычным гостем.

– Знакомься, доченька, это Емельян.

– Можно просто Емеля, – пробасил тот и выдул пузырь из жвачки.

– Вы тут пообщайтесь пока, – засуетился царь, – а я в баньку пока сбегая, проверю, что там да как.

– Как тебе мой транспорт? – спросил Емеля после напряженной паузы. – Боярские спецномера видела? А тюнинг?

– Ничего, – вежливо сказала Царевна. – А откуда у тебя такая печка?

Емеля расцвел:

– Тут такая история вышла. Пошел я этой зимой за водой к проруби, и ведро шуку поймал, волшебную. Ну, и за свою свободу она выкуп мне предложила: исполнение любого желания.

– Пряма-таки любого? – не поверила Несмеяна.

– А то! Надо только сказать волшебные слова: «По щучьему велению, по моему хотению» и все исполнится. Ну, сначала, я ведра заставил до дому самих дойти, потом еще там по мелочи по хозяйству, а потом развернулся по крупному. Денег у меня теперь не сосчитать, и печка вот теперь самоходная.

– И ты счастлив?

– Конечно, я теперь первый парень на деревне, все могу. Сам царь меня пригласил в гости. Так что, ты не сумлевайся, жених я выгодный, решай давай, и ты, и царство со мной не пропадут.

При этих словах подслушивавший Берендей возмущенно подпрыгнул и стукнулся лбом о ручку двери, за которой прятался.

– Да не с тобой, – насмешливо возразила Несмеяна, – а с шукой твоей. Сам-то ты ничего не умеешь и не хочешь уметь.

– А что, – огрызнулся Емеля, – хватит, нарабатался в деревне. Тебе хорошо говорить, сама вон на всем готовом, и тоже ничем не занимаешься.

– Потому мне, наверное, и скучно, – призналась девушка. – И потому, Емеля, я тебя понять не могу. Ты сам себе был хозяин, от тебя зависела твоя жизнь, да чего уж там, перед молодым свободным парнем, пусть и незнатного сословия, лежал весь мир, в котором ты мог сделать, все что угодно, а ты предпочел смотреть на него с высоты своей печки!

Побагровевший Емельян молчал, не зная, что сказать. Молчала и Царевна, уже пожалевшая,

что накричала на него, выплеснув недовольство собой и собственной жизнью на постороннего человека. Наконец, она примирительно сказала:

– Ладно, Емеля, оставайся на праздники при дворе. Новый год с нами встретишь. Пошли, пусть Филимон тебе командировочные выпишет. Только знаешь, что? Дай мне разок покататься на печке, но только одной, а тебя пока на кухне покормят и разместят в гостинном дворе.

...Изумленный Берендей не мог поверить своим ушам: во дворе звенел счастливый смех его дочери. Когда он выбежал к ней, Царевна, спрыгнув с остановившейся печи, бросилась ему на шею.

– Батюшка, как хорошо! Так здорово было!

– Вот и ладненько! Слава тебе, Господи, услышал ты мои молитвы! Значит, давай мы у Емельяна эту печку купим, а он себе новую нажелеет.

– Нет, батюшка, не надо, я не хочу.

– А чего же ты хочешь?

– Учиться хочу, батюшка, на конструктора самоходных печей. Мне всегда науки нравились, ты же знаешь. Правда, никогда не могла понять, что мне больше всего хочется изучить. А сегодня, перед первым днем Нового года я поняла: языки, дипломатический этикет, политика, тактика и стратегия, – это все, конечно, здорово. Но так хочется стать инженером. Отпусти меня после праздников в институт на острове Буяне, там самые лучшие педагоги. Отпустишь?

...Царь Берендей любил получать от Несмеяны письма, в которых она описывала свое учение и веселую студенческую жизнь и обещала приехать домой на каникулы сразу опосля первой сессии. Эти письма он долго обсуждал с Филимоном и Меланьей, а потом сочинял длинные ответы. В последнем письме Берендей написал дочери, что по слухам, Емеля сел на диету, а волшебная шука занимается с ним репетиторством, чтобы он смог сдать вступительные экзамены в Буянский институт.

**Ирина
АБДРАШИТОВА**

Родилась в 1980 году в г.Саранске. Закончила МГУ имени Н.П. Огарева (Историко-социологический институт, 2002). Преподаватель живописи, истории искусств.

ФИЛОСОФИЯ ВОЗРАСТА

*

Миг от завязи до зелени,
Вездесущей, уверенной,
Трель соловьев, воронов карканье,
Шаг четкий, взгляд пламенный —

Весне дорогу! Солнцу путь!
В обмане — правда, в любви — суть.
Пьяницы на асфальте, в траве,
Шумные улицы, пустые кафе.

Весне дорогу! Солнцу власть!
Поем слаженно. Понеслась!

*

Щека исполосована подушкой —
Я снова вижу сон под утро:
На сито льется мед, и тут же
Ждут дети, подставляя кружки.

Навощены полы, зеркалаят,
Чередование тепла и света.
Пробилась бабочка в избу навеки —
Кружится жизнь — не улетает.

Сквозь поле побежали к солнцу,
И луч коснулся струйки меда.
Глаза открыла, поняла, не сон все,
А утренняя нежность — лета порция.

*

Снесенный дом. Нарциссы,
Раскрыта книга. Кажется, Толстой.
Оставлен стол. За ним босая
Хозяйка первая сидит и домовой.

Уже цветы клубники:
Наедут внуки, будет смех и гам.
Высотный дом напоминает тенью,
Что мне пора — дела.

Окликнул кто-то: городские птицы.
Весна в разгаре — это хорошо.
Не грустно. Грусть молчит,
Я знаю: пройдет не все.

*

Поиграю в матрешку:
Стук по стук девять штук,
Из пустого в порожнее
Убывающих туб.

Помещаю по очереди
Малую от большой
В идеально заточенный
Нарастающий строй.

Улыбаются бабоньки,
Лак платочков блестит.
Неразделенность маленькой —
Быстрой финиш игры.

Через неделю захочется
Снова взять поиграть:
Апогей одиночества —
Стук по стук в сорок пять.

*

Та и эта — моя бабушка —
стылый взгляд, мне упрек
в каждой — давнее каменное —
про любовь несказанных им слов.
Как похожи вы (как красивы!)
друг на друга и старого Набокова
я сравнениями вас закидываю —
у каждой нимб, печальные березки,
светлоокие.
Над троллейбусом, где сидите вы,
неба даль и ржавь последних проводов.
С рук расцепленных слабость слистываю
и стать бабушкой сама хочу. Готова.

*

Желание: успеть до триумфа клубники
Привести свои чувства в порядок.
Точкой отсчета июнь светлоликий,
Когда сладко, одиноко и очень жарко.

По ночам ровные вдох и выдох,
Признание за носогубными складками права.
На платье вышить солнце и голубую рыбку
И все же купить широкополую шляпу.

Лето праздником всегда уходящим:
Июнь — застолие, в июле — сытость,
Август — предпоследняя бабья жатва —
Что загадано, все должно сбыться.

Нежность на коже — это травы щекотят,
Боль — муравьиная в кровь защита.
Не заплывать далеко и осторожно
Думать о лете как о маленькой жизни.

*

Подписала дочке тетрадь
своим именем —
это инерция детства.
Прости меня!
Плачет: в тетради уже классная
и домашняя.
Зачеркнула, исправила:
«Анина».
И как хорошо под уютом
родного имени.
«Я — есть», «здесь и сейчас»
ошутимее.

*

и будет старость
с поломанным крылом

искоренно полет на юг,
искоренно полет на запад

я буду Серой Шейкой
одинаково встречать
мороз и солнце

мою ладонь,
бессонницу не пересиливая,
погладит ночью Бог

*

оторвался от груди
сказка сказок, погоди
горевать о невозвратном,
мудрость точно впереди

впереди за горизонт
будущего хвост и лапы,
а привилегия судьбы —
то, что невозвратно

СТРОФЫ

капля молока в просвет —
любящего поцелуи —
оторвался от груди,
чтобы целовать другую

чтобы целовать всерьез
смело — нежно — млечно
сказка сказок, погоди
обрываться в вечность

*

последней тетради твердь —
дружественность и белизна
шершавой моей руки —
сухость письма

ритм снега — листов —
редкий войлочный шаг
под торшером скрипит
в последних словах

седая прядь серебром
облагородит пустое
в каждой строчке пишу.
Не допишу (спойлер)

*

Нарядилась, что обязывает
Дольше жить и быть красивой.
Крашу губы и заманиваю
Погулять со мной любимого.

Нам двоим прогулка на руку:
Я — сильнее, он — спокойнее.
Целоваться — впрок и загодя —
Каждый раз как расстаемся.

Тропки узкие, под соцветием
Колокольчиков планета
Замерла, чтобы последними
Нас запомнить и все это:

Травы сорные, черемуху,
Меланхолии знамение,
Перерождение материи
В только время.

*

Мягкий снег. Выходной у обоих:
Я возьмусь за шитье, ты допишешь статью.
Рассветает нехотя с нежностью вровень,
Босиком открываемся белому-белому дню.

Незнакомые завтра, вчера и сегодня,
Узнавание друг друга оставляем на смерть:
Новейшая карта любви уже непригодна —
Наносим шестой океан и вновь открытую твердь.

И не успеем понять, мир — условный экватор
Между Богом и неточной идеей о Нем.
Когда прокомментирует нас иллюстратор,
Нарисует смятый лист с незавершенным шитьем.

*

Сердце (не разум) главное.
Задыхаюсь от такого пути.
Выстукивает непрестанное:
«Господи, помилуй, прости».

Вальсом — все ему мало,
Но тут...тук...белый шум.
Не первая часть, аккорд финала.
«Господи, прости» — в тишину.

Комом прошлое и настоящее...
Отпустило. Клянусь: всех прошу.
Пошло своим ходом, гулящее,
Господи, помилуй. Дышу.

Солнце, цветы, воздухом август,
Тихий, яркий — медленный вальс —
Кружит, снова влюбленный, без пауз.
Раз два-три, раз два-три, раз...

Людмила БЕЛОЗЕРОВА

«Родилась в 1962 году, живу в Волгограде. Пишу стихи для детей. Публикация в электронном журнале «Музыкальный Оливье». Номинант на соискание национальной литературной премии «Поэт года 2015», «Поэт года 2016» (портал стихи.ру). Приняла участие в Международном творческом проекте «Популяризация интеллектуального творчества в России» с изданием творческих работ «Прабабушка Татьяна» и др. в сборнике «Говорит и показывает... Душа».

ЕСЛИ В ШКАФЧИКЕ СКЕЛЕТ

СЕКРЕТЫ

Плюшевого зайку ласково прижму —
Все свои секреты расскажу ему.
И про то, что Димка закопал в песок
Новую матрешку, лейку, колесо.

Лепестки ромашек это он срывал.
«Любит, иль не любит», — за углом шептал.
А вчера щенка он посадил в пакет
И просил, чтоб срочно обнаружил след.

Отыскал пес деда, тот свалился с ног,
Сел в большую дужу, рядом сел щенок.
Щенок виновато лизнул языком,
В след ему дед строго грозил кулаком.

Оторвал у зайца серый хвост — клубок
И запрятал Димка его в коробок.
Обнимаю зайку: «Это — не беда!
Куцый хвостик серый, я пришью сама».

ОСОБЕННЫЙ РЕБЕНОК

Сжимает сердце жалость.
В глазах ребенка радость —
Полина на коляске.
Бывает только в сказке
Что лечит даже слово,
Но жизнь порой сурова.

Не тот, поверьте, случай.
Все навалилось кучей:
Проблемы и болезнь.
Ей легче лишь от песен —
Поет их ей бабуля,
Да серый кот — кисуля.

Полина улыбнется,
Ладошкой прикоснется
К коту неторопливо
И кажется счастливой.
А бабушка тихонько

Особого ребенка
Погладит по макушке
«Пора гулять, подружка!»

Косые взгляды, шутки,
Поддержка в промежутках.
Тут мира многоцветье...
О, боже, счастье детям
Пошли, будь милосердным
К больным, убогим, бедным.

СТАРЫЙ ЧАЙНИК

Чайник старый позабыт:
Украшал когда-то быт.
Новый — только что — вчера,
В старом на боку дыра,
Мы купили и теперь
С крипом нежным наша дверь
Приглашает в дом гостей.
Сплетни, кучу новостей
Слушаем, открыв все рты.
В чайник дополна воды
Наливаем, кипятим —
Час, другой, он невредим:
Веселит честной народ.
Кажется, что рад и кот:
То и дело под столом
Крошки лижет языком.

Что — то щелкнуло внутри
Провод вот уже искрит...
Бабушка сказала: «Ой!
Вот и кончился покой».
Гости покидают дом —
Стало пусто за столом.
Дед с паяльником: «Держись!»
Чайнику вторую жизнь
Подарил, натер бока —
Виден блеск издалека.
Долгожданный час настал,
Чайник встал на пьедестал —
В центр нашего стола.
Бабушка была права:
«Старый и надежный друг,
Всем известно, лучше двух!»

ПОКЛОННИК — КОЛОКОЛЬЧИК

Хорошее соседство:
Цветок с сосною рядом.
Немножечко кокетства —
Она пушистой лапой

От перемен погоды,
Жары, ветров и ливней,
Скрывала уж полгода.
Но сине — белый иней
Врасплох застал однажды.
Сосна, как ни старалась
Сберечь цветок отважный,
Бессильной оказалась.
Весною как обычно
Свой, распустив бутончик,
Споет ей мелодично
Поклонник — колокольчик.

МОЙ МОТЫЛЕК

У бабочки намокли крылья —
Порхать не может, тяжело.
В углу притихла от бессилия
Тут так уютно и тепло.

Но дождь прошел, и тучи важно
Вступили в ветреный поток.
А к бабочке пижон бумажный —
Мой мотылек сел на цветок.

БАЛЕРИНА

Заскользила балерина:
Словно парус пелерина,
В бантах тоненькое платье,
Плыть по сцене это — счастье.

В волосах из кружев ленты...
И звучат аплодисменты.
«Внешность — кукла на пуантах.
Наделил Господь талантом!»

Арлекин стоит в сторонке,
Не завидует девчонке.
Карамелька за спиной —
Провожать пойдет домой.

ДЕВОЧКА ХОРОШАЯ

Девочка хорошая
В платьице с горошками.
Бархатные ленточки
В локонах у девочки.
Легкая, воздушная —
В этот вечер грустная.
За год стала, повзрослей,
Не вернуться в детство ей.

Не пугают трудности,
Наберется мудрости.
Все лишь начинается,
Стрелочки вращаются
На блестящих часах,
Встреча одноклассников,
Школьные задания,
И любви признания...

Раз, два, три — ступенечка —
Скачет бойко девочка.
Порой спотыкается,
Все же улыбается.
Для девчонки сделал сам
Самолетик мальчуган.
На листочке в клеточку
Смайлик смешит девочку.

ГОЛЬШ

В коробке куколка-голыш,
Когда -то мама с ним играла.
«Не плач, мой маленький малыш!», —
Она негромко напевала
О теплых сказочных мирах,
Где счастье есть и теплый ветер
Дитя качает на крылах,
Любимей нет его на свете.

Меня принес ей ангел днем.
Над колыбелькою склонилась
«Ну, здравствуй, счастье ты Мое!», —
И тихо Богу помолилась.
Теперь и я играю с ним,
Стираю пупсу распашонки.
Мальш ухожен и любим,
Он самый лучший для девчонки.

НЕ ИСПОРТИТЬ МНЕ ФИГУРУ

С холодильника варенье,
Чтоб улучшить настроение,
Я возьму и чайной ложкой,
Поделюсь, конечно, с кошкой,
Мазать стану на горбушку,
Молоко, попив из кружки.
Мама села на диету.
Мне садиться — смысла нету.

Не испортить мне фигуру.
И, взъерошив шевелору,
Платье новое надела.
В нем я просто королева.

Ну, а если все же честно —
Шов на платье лопнул с треском.

Даже кошка испугалась —
К холодильнику прижалась.

ЗОНТИК СТИЛЬНЫЙ И МОДНЫЙ

Зонттик стильный и модный
В пасмурный день, не холодный
Укроет от капель дождя
Собаку мою и меня.
Кап — кап — кап, — капельки звенят,
Голубые лужи на тропе блестят.

Солнце сияет над нами,
В луже играю с волнами,
Там тоже плывут облака,
Пес греет на солнце бока...
Не спеша положу я зонт,
Новенькие туфли, сушить на газон.

ЕСЛИ В ШКАФЧИКЕ СКЕЛЕТ

Дед сказал: «Скелет в шкафу»
Целый час его ищу:
Тут и там — скелета нет.
Впрочем, чей — то силуэт
Вижу наверху в углу.
Замер я на пять минут.

Он стоит на голове —
Может, кажется во мгле,
Ведь от страха что угодно
Мне привидеться свободно.
Даже в ступе Баба — Яга
Иль другая ерунда...

Объяснил дед: «Ты не трусь.
Намотай себе на ус:
Зарычи и впопыхах
Раствориться сразу страх.
У кого — то есть секрет,
Если в шкафчике скелет».

ВОТ ОНО, КАКОЕ СЧАСТЬЕ

Перед утренней зарею
Осторожно дверь открою.
Любопытно кто же там?
Может счастье стучит к нам.

Дрожит маленький комочек —
Рыжий в пятнышках щеночек.

Шаг, другой он без заминок
Сел на дедушкин ботинок.
Под щенком блестит вода,
А в глазах тоска, вина.
Робкий лай. «Вам тоже здарсьте!
Вот оно, какое счастье!»

БЫТЬ СНЕГУРОЧКОЙ ХОЧУ

Новогоднее желание —
быть Снегурочкой хочу —
Самой лучшею девчонкой,
Это - правда, не шучу.
Крем такой: мука, сметана —
Я придумала сама.
Мама в ужасе, в отчаянии:
«Наша дочь сошла с ума!»
«Никуда я не сходила,
нанесла лишь только крем,
Ну, еще чуть — чуть помады
И не вижу здесь проблем».
Маме точно не по нраву
Эта выдумка моя.
Отмывала долго мылом
Макияж — почти поддня.

СКУЧАЮ ПО ПАПЕ

Я по папе так сильно скучаю,
Что не рада уже ничему.
Он придет ко мне, точно знаю.
Не отдам его не кому.

Слышу в дверь я знакомый стук.
Это он пришел, без сомнения.
— Я ждала тебя лучший друг!
— Доченька, с днем рождения!

БРАТИК МИШКА

Это Мишка — братик мой.
Лишь вчера его домой
В синем, кружевном конверте
Аист, верьте иль не верьте,
В колыбельку положил
И меня растормошил.

Я, едва открыв глаза,
Прокричал: «Вот это да!»
Рыжий словно солнца лучик —
Не видал подарка лучше.
Настоящий и смешной.
«Здравствуй, Мишка — братик мой»!

Вероника ВОРОНИНА

Родилась в г. Саров Нижегородской области, живет в Люберцах. Окончила журфак МГУ имени М.В.Ломоносова, получила дополнительное психологическое образование. Выступала с докладами на конференциях и семинарах Института Этнографии и Антропологии РАН. Научно-исследовательские статьи публиковались в альманахе «Архетипические исследования», журнале РАН «Медицинская антропология и биоэтика». Проза – в альманахах «Ни два ни полтора», «Марьиинская муза», «Земляки», журналах «Литерра Нова», «Нижний Новгород» и др. Публицистика – в журналах «Формаслов», «Великоросс», «Мир Севера», газете «Литературная Россия» и др.

ПОМОРСКИЙ ГОМЕР И ПОМОРСКИЙ ХАРОН

Борис Шергин (1893–1973) – один из старейших советских писателей-фольклористов. Он известен в первую очередь историями из жизни поморов, Русского Севера. Его, самобытного сказочника и уникального рассказчика, называли Поморским Гомером.

Борис Викторович Шергин родился в Архангельске в семье коренных поморов. От родителей ему достался дар рассказчика и знание народной поэзии Русского Севера.

Со школьных лет Шергин собирал северные народные сказки, былины, песни; срисовывал орнаменты и заставки старинных книг, учился писать иконы в поморском стиле, расписывал утварь.

«От юности моей, – говорил он, – увлекался я «святою стариной» родимого Севера. Любовь к родной старине, к быту, к стилю, к древнему искусству, к древней культуре Руси и родного края, сказочная красота и высокая поэтичность этой культуры – вот что меня захватывало всего и всецело увлекало... Сказывать и писать о Русском Севере, о его древней культуре я считаю моей миссией».

Шергин-сказитель и сказочник сформировался и стал известен раньше, чем Шергин-писатель. Он часто выступал с устным исполнением народных сказок, былин, баллад и собственных произведений, с рассказами о народной культуре Севера.

Известность Шергина началась с первой же книги, вышедшей в 1924 году – «У Архангельского города, у корабельного пристанища». В ней автор рассказал шесть архангельских старин, услышанных от матери. Всего было опубликовано девять его книг.

Немало произведений Бориса Шергина экранизировали после его смерти. Многим известны мультфильмы «Волшебное кольцо», «Смех и горе у Бела моря», «Про Ерша Ершовича», «Поморская быль», «Mister Пронька».

Для Шергина ни народная диалектная речь, ни церковнославянский язык не являются «музеем». Это живой язык, который творится здесь и сейчас.

Как отмечает один из исследователей творчества писателя А.В. Петров, «Книги Б.В. Шергина – прежде всего хранители подлинного русского северного слова, они обладают почти фантастическим свойством

Борис Викторович Шергин

– звучать, будто это не листы бумаги с нанесенными на них типографскими знаками, а звуковые дорожки, доносящие до слушателей тончайшие нюансы «северной речи».

Привычный русский поморский быт, который живописует Борис Шергин, основан на православной вере. Сам Шергин был глубоко верующим человеком. Он воспринимал святых не просто как героев житий, а как реально участвующих в жизни мира здесь и сейчас, для него они – «вечные современники»: «Мы живём в иные времена. Но это не значит, что иное время – иные песни. Нет! Правда, святость, красота вечны, неизменны. Мы проходим, а великие носители святости и красоты живы, как живы звёзды».

Не случайно среди интереснейших фольклорных текстов, записанных Борисом Шергиным, есть сказание, посвященное одному из самых почитаемых святых на Карельском берегу Белого моря и Кольском полуострове. Поморская былина «Старина о Варлааме Керетском» была опубликована в сборнике «Древние памяти: поморские были и сказания» (1957 г.).

Варлаам Керетский занимает особое место среди поморских святых. В народных представлениях, он покровительствует северным мореплавателям как в жизненном житейском море, так и в загробном мире.

Преподобный Варлаам – весьма необычный персонаж. И его житие было вопиюще «не соответ-

ствующим» требованиям, предъявляемым к «идеальному святому».

Согласно церковно-народному преданию, Варлаам жил в XVI веке и был православным священником в Коле. Известно, что он убил свою жену. По одной версии, в припадке ревности, по другой – при попытке изгнать беса, когда женщина начала бесноваться.

Варлаам Керетский принял на себя необычную и неимоверно тяжёлую епитимию – возить гроб с мёртвой женой в карбасе (большой гребной и парусной лодке), проходя путь от Керети до Колы и обратно. Несколько лет он плавал по бурному морю, «псалмы Давидовы пояше» и моля Бога об отпущении греха.

Хотя житие преподобного говорит о трех годах его морских скитаний, Борис Шергин отмечает, что в поморских преданиях Варлааму Керетскому определено вечно плавать с гробом во искупление греха. Так появляется мотив бесконечного странствия погребальной ладьи.

Как повествует предание, записанное Шергиным, преподобному была дана власть над воздушной стихией. И северные мореходы молились ему, прося попутного ветра. Старики напутствовали молодых поморов перед выходом в море: «Смотри – неладное что выйдет тебе: поветерья что ли долго не будет, в бурю ли страх обуяет тебя, в великое ли сомнение впадешь и соскучишься крепко, – молитву свою Варлааму Керетскому посылай».

В поверьях северных мореплавателей, сохраненных Борисом Шергиным, святому подчиняются не только ветра. С его призрачным карбасом, блуждающим между небом и землей, стал ассоциироваться туман: «Когда весною к тому или другому берегу Белого моря наносило марево, старики говорили: «Варлаамева лодья подошла». Известна сходная пословица норвежских рыбаков. Когда с Мурманского берега подходит туман и погода начинает портиться, они говорят: «Русский поп жену привез».

Символически туман означает неизвестную «серую зону» между реальностью и нереальностью. Это «пороговое» состояние; в густом тумане два мира сближаются и переплетаются один с другим, поэтому в сказочных историях иногда волшебные существа появляются из него или таинственной дымки.

Со временем святой сделался почти мифологическим персонажем. В народном предании о Варлааме Керетском отчетливо проступает весьма глубокий архаический пласт, соотносимый со славянскими и, шире, индоевропейскими мифопоэтическими древностями.

В другом своем тексте – очерке «Двинская земля» – Борис Шергин писал: «А в нашей стране – вода начало и вода конец. Воды рождают и воды погребают». Студеные северные моря становятся и последним пристанищем поморов, местом их погребения.

Церковь Варлаама Керетского

Смерть в море подстерегает каждого из живущих на его берегах. И морское дно, и побережье – место упокоения «взятых морем» рыбаков и зверопромышленников.

Преподобный Варлаам Керетский, указывающий поморам пути спасения, воспринимается народным сознанием как проводник душ в пограничном морском пространстве между жизнью и смертью. Его образ в скорбной погребальной ладье *сближается и с образом Харона*.

Многим культурам известны архетипы водного пространства, отделяющего мир живых от мира мертвых (например, Стикс древних греков) и «корабля мертвецов», перевозящего души на «ту сторону». В сюжете переплыwania пограничных вод перевозчик (например, древнегреческий Харон) на ладье переправляет душу умершего в преисподнюю. С этим же образом связана роль «лодки смерти» в погребальных ритуалах: в ней сжигали, погребали, отправляли тело в море или по реке, судно изображали на погребальной утвари и могильных камнях. Иногда «корабль мертвецов» фигурирует в эсхато-

логических мифах (например, Нагльфар скандинавской мифологии).

Варлаам Керетский не только покровительствует поморским мореходам в целом. Считается, что под его защитой находится морское пространство, по которому проходило его бесконечное скитание – от Керети до Колы и особенно мыс Святой нос.

Известно, что в дореволюционной России как житие Варлаама Керетского, так и разнообразные устные предания о нем широко распространялись на Русском Севере. Между тем в советский период и официальная традиция поминаения святого, и устная фольклорная традиция были практически утеряны.

Возрождение памяти о преподобном началось в XXI столетии. Как показывают данные фольклорной экспедиции, устные рассказы о святом возобновили свою жизнь среди поморов после десятилетий забвения. В этом определенно есть и заслуга замечательного русского писателя, фольклориста и художника Бориса Шергина.

Поморский Гомер воспел Поморского Харона.

Татьяна КРАСНОВА

Прозаик, журналист, редактор. Живёт в Подмоскowie, городе Истра. Родилась в Тольятти. Окончила Литературный институт и Финансовую академию. Член Союза журналистов России. Работала в газетах, журналах (побывав на всех ступеньках, от корректора до главного редактора) и в книжных издательствах.

Как автор, редактор и критик сотрудничала с международным альманахом «Белый ворон», литературным журналом для подростков «МЫ», семейной серией «Дорога домой» издательства «Амадеус».

Автор серии женских романов «Знакомые лица». Восемь книг цикла вышли в издательстве «Центрполиграф» (2013-2020); три из них стали победителями литературных конкурсов: Германский международный литературный конкурс «Лучшая книга года» (номинации «Детская и юношеская литература», 2013 и «Крупная проза», 2017), Международная литературная премия им. Владислава Крапивина (2017).

ЕЖИМИЛА ИЗ ЛИСТВЯНКИ

*Рецензия на новую книгу детской писательницы Елены Шиловой
«Ежимила – принцесса Листвянки»*

Детские книги необходимы не только детям, они важны для нас на протяжении всей жизни. Когда я хочу перезагрузиться, то возвращаюсь к любимым книгам детства, и каждый раз это становится обретением новых смыслов, очищением, обновлением. Восстанавливается связь со своим внутренним ребенком, душа наполняется светлой энергией. Если попадаете хорошая книга, пропущенная в детстве, это становится настоящим подарком и открытием. А когда встречается хорошая детская книга современного автора, то это двойная радость.

Во-первых, оттого что не прерывается традиция, и писатели, несмотря на мрачные пророчества об упадке книжной индустрии и маргинализации читателя, продолжают создавать качественную литературу. Во-вторых, маленькие читатели получают книгу, герои которой обращаются к ним на совре-

менном языке, и решать им приходится знакомые многим проблемы.

Казалось бы, дело житейское: обитатели сказочного леса, семейство ежей, перебрались в новый дом, и взрослым нужно найти работу, а детям — завести новых друзей. Но здесь в единый узел завязалось много серьезных вопросов: это и способность принимать изменения и адаптироваться к новым условиям, и необходимость выстраивать отношения с соседями, очень разными и своеобразными, и даже проблемы социального неравенства. Одни только говорящие имена будущих друзей — Ежимила и Волкашка — указывают на их характеры. У волков клыки, у ежей колючки — сразу невозможно было предугадать, как развернутся события.

Однако персонажам Елены Шиловой удастся найти общий язык — сначала детям, а вслед за

ними их родителям, когда они перестают смотреть на свои различия как на то, что их разъединяет, и начинают видеть в этом безобидное чудачество, не мешающее дружить. А живые диалоги и сценки, от трогательных до смешных, помогают доносить до читателя важные темы легко и без прямолинейного морализаторства.

Помимо того, что это просто интересная история, мне кажется, она будет полезна детям, вхо-

дящим в новый коллектив (детский сад, школа, детский лагерь), ненавязчиво показывая разные ролевые модели: как выйти из ситуации, если кто-то кого-то дразнит или дело дошло до драки, или какие слова можно сказать, протягивая руку дружбы.

Ну и, конечно, хочется отметить оформление «Ежимила» — какая же детская книга без цветных иллюстраций, и пожелать сказке успеха у читателей всех возрастов.

Тамара СЕЛЕМЕНЕВА

Родилась в 1942 году. В ст. Брюховецкая (Краснодарский край). Сейчас живет в Московской области. Член Союза Писателей России, Магистр Фонда ВСМ. Серебряный призер II Всероссийского конкурса о животных «Рядом» (2019). Бронзовый призер Международного конкурса «Гомер-2019» и открытого областного литературного конкурса «ЗВЕЗДНОЕ ПЕРО» имени Георгия Кольцова, финалист конкурса «Русь моя» премии имени Сергея Есенина. Авторские сборники «Природы дыхание слышу», «Из детства я храню любовь к земле», «Ах, эти домашние питомцы».

КУБАНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

КУБАНЬ

Кубань. Волшебство южной ночи,
Цветущий черешневый сад.
Тихонько кузнечик стрекочет,
Сменив звуков дня громкий гвалт.

Зарделась заря. За рекою
Запели лягушки с утра.
Коровы мычат. К водопою
Их гонит пастух со двора.

Ватага мальчишек спросонку
К реке на рыбалку спешит.
У мостика там плоскодонку
Укрыли от глаз камыши.

На мостике кот ожидает
Улов. Может быть повезет.
Под солнцем разлеся, мечтает.
Ведь время к обеду идет.

ЗВЕЗДЫ НАД КУБАНЬЮ

Над станицей сгущается тьма.
Пряность трав поплыла на порог.
Небосвод накрывает дома.
Светлячков хоровод у дорог.

Опрокинута бездна неба,
Словно в омуте черном вода.
Если ты на Кубани не был,
Звезд таких не видал никогда.

Там Медведица ковш раскрыла.
И Большая, и Малая есть.
В них таится такая сила!
Ведь из дальних миров они весть.

Правят миром, судьбы пророчат.
Никогда не понять их идей.
И, тревожась о смертных, хлопочут,
Шлют привет от Галактики всей!

СВИДАНИЕ С МАМОЙ

Я возвращаюсь вновь и вновь
В края Кубанские, степные.
Я с детских лет храню любовь:
К земле, лугам. Они родные.

Вдыхаю воздух полевой,
Полетом ласточек люблюсь,
Табун спешит на водопой...
Иду, и все сильнее волнуясь.

Вот хатка мамина, и двор
Над речкой. Бейсужком зовется.
Объятья. Долгий разговор.
Возможно, до восхода солнца.

ПТИЧЬЯ ЯГОДА

Черешен цветенье, весны колориты...
Зеленой листвой шелестит ветерок.
Мы молоды были, горели софиты —
Звезд россыпь на небе, огни вдоль дорог...

Краснеются кисти и ягода зреет.
Скворцы целой стаей готовят набег.
Дербанят черешню, лишь ядра белеют.
Объели все ветки и каждый побег.

Черешня не зря называется птичьей.
В народе иначе ее не зовут.
Скляют, без остатка, без всяких приличий.
Оставят лишь косточки — «ценный» продукт!

Но люди упрямо черешню сажают.
То сеткой накроют, то громко шумнут.
За птицами, правда, едва успевают.
Но ягоду сладкую все же сорвут!

РАДУГА

Молний зарницы окрест озаряют,
Грома литавры все ближе.
Ветра порывы листву обрывают.
Тучи набухшие ниже.

Струи дождя длинноного шагают,
Степ выбивают на крышах.
Дробь то громче, то вдруг затихают.
Ритм их округа вся слышит.

Окон глазницы сияют умыты,
Пар над землею клубится.
Радуги краски в небе разлиты.
Солнца лучи над станицей.

МАЛОЙ РОДИНЫ УГОЛОК

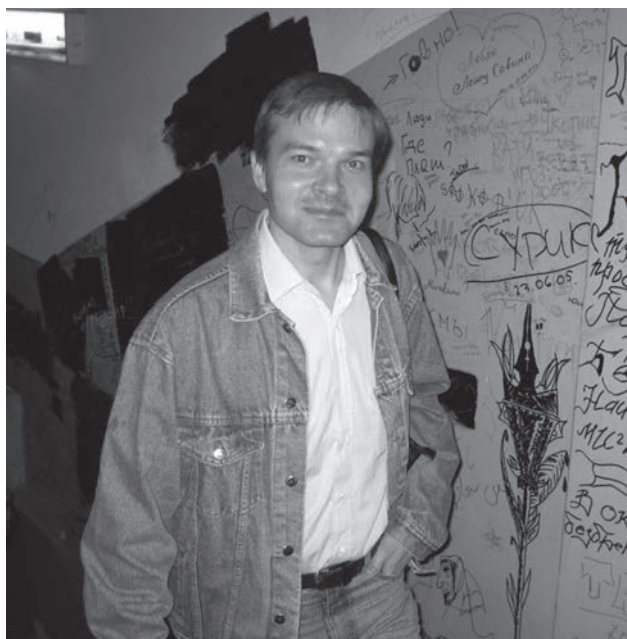
Я давно не живу на Кубани.
Так сложилось. В столице мой дом.
Не ушла память сердца с годами,
Снится хата и двор с петухом.

Так мечтаю вернуться я к речке,
Грудью воздух вдохнуть бы степной!
Им насытившись, сесть на крылечке,
Слушать говор, особый, родной.

В Подмосковье Кубанский мой дворик.
В нем акации рясно цветут.
Тамариска здесь росные зори,
И магнолиям южным приют.

Полевая сирень, Марьин корень,
И бабулин любимый цветок,
Что звала она царской короной...
Здесь станицы моей уголок.

Чудный сад удивляет прохожих,
Малой Родины красок кумир.
Так на двор мой Кубанский похожий
Сад черешен, жерделевый мир.

Владимир БУЕВ

Родился в Красноярске в 1966 году, живёт в Москве. Имеет три высших образования: журналистское (МГУ), социологическое (РГСУ) и финансово-экономическое (РАГС при президенте РФ). Много лет является президентом Национального института системных исследований проблем предпринимательства и группы компаний НИСИПП. Руководил многочисленными научно-исследовательскими и консалтинговыми проектами в сфере экономики и предпринимательства. В роли пародиста и под своим именем выступает впервые. Ранее под псевдонимом писал ироническую и сатирическую прозу на темы Древнего Рима.

БЕЛЬГИЙСКИЕ ЗАРИСОВКИ

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Кто ещё помнит относительно недавние события во Франции, связанные с массовыми протестами так называемых «жёлтых жилетов»?

Самих «жёлтых жилетов» народ (российские зрители), может, ещё и помнит (тем паче, что периодически даже сейчас, по прошествии времени, они дают о себе знать картинками на нашем телевидении), а вот с чем были связаны их протесты, уже не всякий в памяти и воспроизведёт. Я в числе последних: то бишь «жилетов» и протесты помню, причины их бузы – весьма смутно. Настолько смутно, что можно сказать: не помню.

И, казалось бы, при чём тут Бельгия?

БРЮССЕЛЬ

В Бельгию мы прилетели в самый разгар протестных событий в Париже – в декабре 2018 года. Вроде где Париж, а где Брюссель. Дескать, зачем смешивать тёплое с мягким?

Однако...

Когда мы на такси из брюссельского аэропорта добирались до центра столицы европейской бюрократии, повсюду видели колючую проволоку и то, что очень напоминало противотанковые ежи из кинохроники времён Второй мировой (особенно когда въехали в город).

Заранее (ещё из Москвы) заказанный водитель (кстати, русскоязычная женщина, эмигрантка, ка-

жется, украинка) пояснила, что, поскольку бельгийские границы с французскими, как сообщающиеся сосуды, весьма условны, то тут, в Брюсселе, полиция к потенциальным событиям и неожиданностям уже подготовилась. Как, впрочем, подготовились и местные «жёлтые жилеты», ждущие морального воодушевления и физического подкрепления из Парижа.

Спойлер: во время нашего пребывания в Бельгии мы с женой по телеку неоднократно видели, как «бузят» эти жилеты в Брюсселе: «ящик» в отеле показывал и наши каналы, и местные, и Евроньюс, и разные европейские. Картинка везде была такой, что создавалось впечатление самого разгара «Великой Бельгийской революции».

Во время одной из ежедневных прогулок по центру Брюсселя я, как мне показалось, сумел даже идентифицировать пятачок у торгового центра, откуда велись репортажи с усевшимися на землю людьми, обхватившими друг друга руками – полиция их хватала и куда-то утаскивала. Плюс они что-то кричали-громили (в телеке, разумеется). Вживую этот «пятачок» был заполнен гуляющими людьми и туристами.

Своими глазами, однако, за всю неделю пребывания в Бельгии (Брюссель, Антверпен, Динан, Гент, Брюгге) наяву этих «жёлтых протестантов» мы так ни разу и не увидели. Вру, увидели пару-тройку человек в жилетах цвета, аналогичного цвету одеяний бунтарей, но мужчины оказались работниками каких-то коммунальных служб.

Брюссель ни супруге, ни мне не понравился. Причём, я ещё туда-сюда (или, если употребить крылатое выражение из пьесы «Павлинка» от Янки Купалы, то я ещё «тудэма-сюдэма»), а вот жене город совсем не понравился. Совсем-совсем. То есть: чисто конкретно, категорически и абсолютно, о чём она меня за время нашего пребывания в Бельгии не преминула уведомить, причём, неоднократно. Я был сдержанней в эмоциях, но не в мыслях.

Но вот эта центральная площадь Брюсселя Гран-Плас-Гроте-маркт с домами XVII века, согласитесь, даже на снимках выглядит роскошной (великолепной, шикарной). Какие там ещё в русском языке есть эпитеты из прилагательных превосходной степени сравнения?

Триста-четырееста, а может, и сто-двести лет назад каждый дом на этой площади принадлежал какой-то... нет-нет, вовсе не то, о чём большинство читателей сейчас подумало. Не отдельно взятой богатой семье! Хотя в каком-то смысле и семье тоже – отраслевой гильдии. Чем не «профессиональная семья»?

Каждый дом и поныне имеет своё историческое название: «Тележка», «Волчица», «Лисёнок», «Дуб». Эти хорошо запоминающиеся факты есть в каждом путеводителе, в каждом описании города и его центральной площади Гран-Плас.

Особенно архитектурно изысканны готическая Брюссельская ратуша (ныне мэрия) с 90-метровой башней и статуей архангела Михаила и «Дом короля», где никакой король (в том числе, испанский во времена оны, когда Бельгия была частью Испании, а затем входила в состав Священной Римской империи), отродясь не жил. В «Доме короля» сейчас музей, а раньше вообще были (попеременно, а не одновременно) то трибунал с тюрьмой, то пекарский склад, то понос, то золотуха.

Запоминается и название здания, и парадоксы, которыми оно «овеяно». Повторить главный парадокс? Дом короля без короля, а других я и сам не вспомню, но они есть. Так и хочется сказать: их есть у меня! Однако не у меня, хотя, повторюсь, есть.

На одном из снимков, которые я разместил выше, на Большой площади «выстелен» ковёр из живых цветов. Снимок летний, не мой. Мы с женой были в Бельгии зимой, в декабре, накануне католического Рождества. И тогда на площади, что вполне логично, красовалась огромная ёлка. Из-за зелёной красавицы, кстати, было тяжело делать панорамные снимки – куда ни кинь свой взор и куда ни встань, ни приткнись с объективом айфона в руках, всюду был клин. Ёлка загораживала обзор, если по-простому, но была ко времени и к месту (не на окраине же её устанавливать).

Хоть стоял декабрь, снега в Брюсселе (да и по всей Бельгии) не было от слова «совсем». Для нас непривычно, для супостатов – обычно. Более того,

во время нашего пребывания через день накрапывал дождь, и я, злясь на погоду, даже недовольные посты в своём фейсбук-профиле писал по аналогии с одним из старых шуточных монологов Геннадия Хазанова: «в деревне Гадюкино – дожди».

Притом, что в целом Брюссель нам с женой не понравился, чего ж недоговаривать, были и приятные минуты (и даже часы). Не в целом, но были! Это помимо исхоженной вдоль и поперёк площади Гран-Плас-Гроте-Маркт, о которой я уже писал.

Из приятного – атмосфера праздника. Плюс многолюдство, прежде всего вечернее – в такие периоды оно привлекает.

Глентвейн на улицах (рождественские дни) – этот момент нам особо нравился во всех без исключения европейских странах, городах и весях, где мы в разные годá (или годы) побывали. Часто – как раз перед Новым годом. Вот взял кружку горячего дымящегося напитка, глотнул несколько раз – и настроение сразу улетело, воспарило куда-то в небеса (или в поднебесье). После этого не только дышалось, но и ходилось резвее и вдохновеннее. Боже упаси читателей подумывать, что мы с супругой горькие пьяницы!

С утра до вечера мы только и делали, что пешком шастали по «разным углам» Брюсселя. Добрались и до площади Пуларт (названа в честь главного архитектора), где стоит громоздкое здание Дворца правосудия – штаб-квартира Высшего суда Бельгии.

Брюссельская ратуша, ныне мэрия

Местные кличут эту громадину «мамонтом»: монументальное, холодное и непривлекательное здание.

Хотя, стоп! Внимание громадина» как раз привлекает. Пусть даже тем, что кажется каким-то разрушенным, что ли. А всему виной ещё Вторая мировая. Спешно покидая Брюссель, немцы подожгли дворец. При пожаре рухнул купол. Его восстановили «ростом ещё выше», чем был. Но двадцать лет назад потребовалась реконструкция. Вот с тех пор и реконструируют. Своего рода долгострой. Видимо, как-то не очень удачно в своё время «восстановили».

Зато с площади перед дворцом Высшего суда хорошо просматривалась нижняя часть Брюсселя, в том числе и Гран-Плас-Гротте-Маркт, откуда мы добирались до этого «долгосроя».

В один из дней пошли осмотреть Мини-Европу в Брупарке (перед самым носом Атомиума).

Поглазеть на 80 городов и 350 зданий в «миниатюре» приятно, забавно, но уже без того «ух ты!» и «ах!», которые у меня были, к примеру, в первый раз (кажется, в году 1996), когда «Маленькую Европу» увидел в Амстердаме. Подобных «мини-чего-нибудь» теперь полно везде, в любом крупном европейском городе. Да и не только в крупном, и не только в европейском, но и в евразийском, в том числе и у нас (мы же теперь азиаты? «да, скифы мы!»).

Атомиум – теперь вроде как именно он, а не Большая площадь, – символ Брюсселя (подобно тому, как в своё время символом Парижа стала Эйфелева башня). Это конструкция, состоящая из девяти сфер/«атомов». «Атомы» соединены меж собой трубами. Чтобы попасть внутрь конструкции, надо отстоять небольшую очередь и купить билеты – бизнес есть бизнес.

По этим «атомам» и трубам, то есть по всяким выставкам со свето-шумовыми аттракционами мы и «побродили» (преимущественно на эскалаторах, но иногда и ногами шевелили).

На лифте поднялись к ресторану и к обзорной площадке. Сверху великолепный вид на город; оттуда земных недостатков столицы европейской бюрократии не видно! Сплошные красоты и достоинства!

Мельком и в другом контексте упомянул, что по атмосфере особо приятен брюссельский вечер. Повторюсь теперь в контексте этом. Повторенье – мать ученья.

Когда темнеет, всё начинает преображаться, сиять-сверкать и народ вываливает на улицы. Вся тусня концентрируется ближе к центру: на Большой площади и в прилетающих районах старого города, на улочках-переулочках-закоулочках. Улица Мясников – для гурманов (в смысле – хорошо поесть и выпить, хотя наполнить желудок и тем, и другим можно везде).

Встретили «собаку-попрошайку» в красной шапке и в чёрном комбинезоне. У собаки в руках – корзинка, куда следует складывать деньги. Рядом был хозяин. Понятно, что «аттракцион» этот – для заработка: мелкий бизнес – тоже бизнес. Но какая милота! У всех туристов собака вызывала улыбку умиления. Моя супруга, тоже туристка и большая собачница, не удержалась, подошла и погладила животное (а руки-то помыть и негде, но ничего, мы не баре) и пожалела: «Пёс дрожит, бедный, холодно ему».

На улицах полно и реальных клошаров, и «попрошаек» в кавычках (тоже мелкий бизнес или же просто способ жизни; впрочем, одно не исключает другого). Особенно их много вечерами, именно тогда, когда, как я уже сказал, в город вываливают толпы туристов. Хотя клошаров и не настолько много, как, к примеру, в Париже или в Эдинбурге в годы нашего там пребывания.

В один из дней декабря 2018 года (кажется, это был последний день нашего пребывания в Бельгии) мы с женой попали на необычную выставку работ всемирно известного художника-постимпрессиониста Винсента ван Гога (Vincent Willem van Gogh).

Выставка проходила в здании брюссельской биржи на площади Ла Бурс (неподалёку от Гран-Плас). Сейчас тут вовсю «рулили» современные технологии: раньше их терминологически называли бы электронными, но нынче – цифровыми. Выставлялись не подлинные картины художника, а их виртуальные проекции, которые при этом в буквальном смысле оживали (пусть и тоже виртуально): изображения были не статичными, а всё время менялись, плавали, как русские лебёдушки, по главному экрану, стенам, по полу и потолку, даже (иногда) по телам и лицам зрителей.

Полутьма и разные музыкальные и световые эффекты.

Картины – в поясняющем контексте, как и когда они ван Гогом писались (то есть в той или иной форме наглядно представлялась вся предыстория и история их создания).

Сказка!

Народ приходил, уходил. Стоял, сидел на корточках, стульчиках и креслах, лежал на полу (не на голом, конечно, а на спецматрацах) – кому как больше нравилось. Мы тоже то сидели, то полулежали. И даже постояли для полного разнообразия и набора счастья.

Отдельный зал в экспозиции – с картинками-«раскрасками». Помните, как было в нашем далёком трудном советском детстве «с чугунными игрушками»: книжки с контурами людей, зверей, прочей живой и неживой природы, которые мы с увлечением раскрашивали?

Ходили мы с Володей на выставку ван Гога

Супруга позабавлялась: последовательно проделала все «операции»: раскрасила, сфотографировала, вставила в объектив «считывающего аппарата»... но на стене «свои» творения, кажется, не увидела – там стационарно продолжали «экспонироваться» другие «художники». Я тоже, как ни тщился, не обнаружил. Что ж, такова всех гениев – увидят и оценят потомки (в крайнем случае, наши же современники, пришедшие в экспозиционный зал этой выставки вслед за нами)...

...Неоклассическое здание биржи, кстати, само по себе роскошно – как княжеский дворец: и днём (со всякими скульптурами-барельефами), и ночью, когда оно горит переливающейся рождественской подсветкой. Вот и треугольный фронтон с аллегорической сценой на барельефе опять же...

ГЕНТ

Гент – столица Восточной Фландрии. Очень древний бельгийский город. Раскопки свидетельствуют, что первые поселения возникли в этих местах ещё до каменного века. При римлянах здесь тоже жили.

В середине VII века где-то тут были основаны два аббатства. И между 1000 и 1550 годами, как пишут в справочниках, «Гент был вторым по величине городом в Европе к северу от Альп, уступая только Парижу».

Город не только древний, но и очень красивый. Хотя Брюгге нам с женой понравился больше. Впрочем, тут есть другое «хотя»: «до» и «после», точнее, в обратном порядке – «после» и «до».

Гент мы обозревали *после* Брюсселя, который нам вовсе не приглянулся, но при этом *до* Брюгге, который нам понравился больше всех остальных бельгийских городов, которые мы успели осмотреть в Бельгии. Не просто понравился, а восхитил.

Хорошо, что с Брюгге знакомились после Гента, иначе впечатления от столицы Восточной Фландрии смазались бы.

В Гент добрались на электричке, а потом от ж/д вокзала шли наобум (но ноги и чутьё в нерушимой дружбе друг с другом сами, как по наитию, несли и в итоге привели нас в центр города) – в общем, шли наобум и восхищались.

Хотя... хотя если память по прошествии не столь уж многих лет мне не изменяет, то всё было намного проще: мы шли по трамвайным путям – нить Ариадны. Кто-то подсказал (язык до Киева доведёт): мол, идите, никуда в сторону от «нити» не сворачивая, да обрящете. Или никто нам не подсказывал, а сами догадались, что все дороги в Генте ведут в центр (как некогда в Риме как империи – в Рим как город).

«Мы строили, строили и наконец построили», как сказал в своей речи небезызвестный советским детям мультяшный Чебурашка.

А мы хоть и не построили, но дошли.

* * *

Первое, что вызвало восторг – Собор Святого Бавона. Расположен он в двух шагах от вокзала (хотя, конечно, не совсем так – надо хорошо поработать ногами, чтобы добраться). Внутри Храма мы зашли не сразу, а только на обратном пути. Здесь много света и воздуха: и то, и другое можно почти буквально пить большими глотками или хлебать великанскими ложками. Атмосферно, как прежде говаривали снобы!

Самая большая ценность в Соборе – алтарь первой половины XV века из 24 панелей. Главная панелька – Агнец Божий (видимо, аллегория самого Христа в таком вот виде, ибо вокруг Ангца куча народа стоит на коленях: святые, пророки, апостолы, кто-то ещё, но все вряд ли люди случайные; хотя кто ж знает – может, и просто любопытные и любознательные подошли во время создания панельки «с натур» и попали «в кадр»).

Напротив Собора среди прочих старинных построек – Чёртовое колесо (колесо обозрения). И как его сюда умудрились втиснуть? Мы с супругой на

Кафедральный собор Святого Бавона снаружи и внутри

него не полезли, хотя, может, и зря. Можно было осмотреть город с высоты птичьего полёта. Но хотелось нижними конечностями подвигать – в электричке уже насиделись.

Второе (про восторг) – башня Беффруа (Сторожевая башня). Понятно, что она уже давно ничего, никого и ни от кого не сторожит, а стоит тут сугубо для привлечения туристов¹ и их денег. Основа башни Беффруа заложена в XIV веке. С пристроенными в XV веке «суконными рядами» (достроены немногим больше ста лет назад). Средневековый «долгострой», плавно перешедший в эпоху бурного развития капитализма.

Всё опять же рядом. До всего рукой и «пешей» ногой подать.

Красавица Ратуша, церковь святого Николая – всё по пути следования.

Замок Дьявола (XIII век) привлекает не только названием, но и настоящим средневековым. Про «Дьявола» можно догадаться, вернее, предположить, что его хозяин благородных кровей мог быть плохим парнем. По легенде, он убил пять своих жён.

Хотя есть и иная версия: рыцарь был благочестив, но тёмной кожей (в наш век в толерантной Европе за такие аллюзии по головке бы не погладили, по меньшей мере, сказали бы «фу!»).

Мы шли, шли, шли. И шли.

И дошли до самой старой площади Гента. Название проще написать, чем выговорить – Врийдга-маркт. Но после нескольких попыток у меня и произнести получалось. Даже скороговоркой. Не хуже, чем... Карл у Клары украл коралл, а Клара у Карла украла кларнет.

Площадь большая и красивая. Дома вокруг старинные и разноцветные, похожие на многие дома в разных городах Бельгии и вообще старой Европы. В центре площади памятник Якобу ван Артевельде, суконщику, предводителю восстания против графа Фландрии (союзника Франции). Суконщику, ставшему потом главой Гента (из грязи в князи) и через какое-то время убитому толпой (из князи в грязь). Возможно, толпой тех же восставших, коими он прежде и предводительствовал. Бумеранг. Земля круглая. Всё возвращается на круги своя. Любая революция часто пожирает своих детей и всегда заканчивается контрреволюцией.

Площадь была почти пуста, редкие люди, явно не туристы. Покрутились мы с женой на ней туда-сюда («тудэма-сюдэма» – вспомнили Янку Купалу?), поснимали на телефоны и двинулись обратно к вокзалу.

Показалось, что в Генте много каналов, хотя память может взбрыкивать и ошибаться. Воды много, хотя, конечно, тут не Венеция.

¹ Туристов, которые хотят просто посмотреть на город сверху, ведь «сверху видно всё», и вернуться на ж/д вокзал..

Вода в любом красивом городе, обрамлённая камнем всегда вызывает всплеск положительных эмоций.

Однако всё равно не Венеция.

P.S. А вот средневековый замок графов Фландрии Гравенстен, «жемчужину Гента» (основан в 1180 году и сохранён до настоящего времени практически в неизменном виде) мы так и не увидели. По прошествии времени не всё вспомнишь, но, похоже, во время нашего «барражирования» по городу о существовании этого замка даже не знали. Плохо изучили путеводители (тут я сугубо о себе, а не о супруге). Или о существовании знали, но не ведали... Не о замке не ведали, а не ведали, куда идти. Стоит он где-то на острове. Раньше думал, что придётся в Гент возвратиться, чтобы увидеть не увиденное. В нынешних условиях понимаю: уже вряд ли. Хотя «гоп» говорить не буду.

БРЮГГЕ

Фейсбук-лента (до 24 февраля я чаще пребывал в «супостатской» сети) продолжала радовать и манить видами городов, где я когда-то побывал. Первый фотоснимок Брюгге не мой и, конечно, не самый лучший из того, что есть «не моего» в интернете. Даже у меня, непрофессионала, в своё время некоторые снимки города получились лучше (особенно по части запечатления каналов: казалось, вода повсюду, хотя Брюгге, как и Гент, далеко не Венеция).

«Вода, вода, кругом вода» (с).

Так и щёлкает в памяти мем (или «почти мем») «Залечь на дно в Брюгге», хотя и не помню, чтобы я смотрел этот кинофильм. А вот место, что на снимке выше, помню очень даже хорошо, потому и взгляд за него зацепился.

Лебедей, правда, совсем не помню, хоть убей. Закрываю глаза, тужусь – и.. и... не припоминаю! Рядом со своим домом в Москве лебедей на озере помню, их летом много, а вот в Брюгге – нет. Ну, дела!

Самый известный и, кажется, самый старинный мост в Брюгге – Bonifacius Bridge, но на снимке выше не он. А как называется этот, на который ступала наша с женой нога (и не одна нога на двоих, а целых четыре ноги: каждой твари – по паре) память не хочет подсказать (может, и не знал). Коль подвела память, попытался найти в недрах интернета, но – увы! – тоже безрезультатно. Столько обломов на одной квадратном километре!

Поскольку времени у нас с супругой на всю Бельгию было не так много, хотелось посмотреть всего как можно больше, поэтому по стране скакали галопом.

Тем не менее, впечатления сложились и остались конкретные: Брюгге – самый красивый с архитектурной точки зрения город в Бельгии, где мы с женой побывали (тут наши с супругой мнения, часто кардинально расходящиеся, совпали, мы на радостях даже расцеловались по этому поводу).

Совершенно однозначно: на этот город надо было тратить, по меньшей мере, два или даже три дня, чтобы просто его обойти. У нас получилось всего несколько часов – уехали оттуда, когда уже смеркалось.

Местечко нас по-настоящему покорило. Здесь нет архитектурной эклектики, как в Брюсселе или даже в Генте. Городок как будто «заморозился»: ни временем, ни последней (Второй) мировой войной не тронут. Вечерний Брюгге казался городом из сказки, пусть и не из «Тысячи и одной ночи». Но ещё раз – из сказки! Из европейской.

Есть такое устойчивое выражение/ – «пряничные домики».

Вот как раз сюда это выражение и применимо. Городок – словно весь «пряничный».

Что ещё запомнилось? Когда в Брюгге покупали сувениры и сказали продавщице, что стационарно (в гостинице) мы остановились в Брюсселе и уже оттуда делаем свои «вылазки» и «марш-броски» по всей Бельгии, она поморщилась и всем своим видом продемонстрировала, что столица её страны ей явно не по нраву. Не почувствовать это было невозможно.

Ещё помнится, искали в Брюгге место, которое нам бы понравилось с точки зрения «хорошо посидеть» и при этом «выпить местного пива». Нашли. Действительно, понравилось. Но там яблоку негде было упасть. В итоге вообще не вспоминается, пили мы там пиво или просто гуляли. В смысле гуляли по улицам, а не в смысле гульнули.

А, вспомнил! Глинтвейн на какой-то из площадей точно был! Совсем близко было католическое Рождество (впрочем, глинтвейн в это время года есть во всех европейских городах, на любом перекрестке в любом центре любого европейского города – традиция).

«Это было недавно, это было давно», но видел живую, не в кино.

Ещё четырёх лет не прошло, а уже как в прошлой жизни.

Коль уж заговорил о Рождестве, то...

В Брюгге находится Епархия Римо-католической церкви. Рождество празднуют супостаты, но всё у них по датам не так, как у людей. У людей-то 7 января, а не 25 декабря!

Впрочем, хотя тут вроде полно и протестантов, но, вероятней всего, больше... банальных атеистов

или тех, кто с религией себя никак не связывает (типа агностиков).

...Сравнительная параллель или аллюзия: в Бельгии и в Голландии в свое время бушевали религиозные войны. Испания в этом регионе покуролесила ой-ой-ой как! Плюс Гражданская война на религиозной почве! Мои друзья (Миша Гундарин и Серёжа Мулин), надеюсь, поймут.

ДИНАН

На поезде от Брюсселя до Динана (бельгийская франкофонская провинция Намюр) – часа полтора езды. Не надо путать с французским Динаном, который среди путешественников, возможно, более известен, нежели бельгийский. Впрочем, до поездки в Бельгию я не знал о существовании ни первого, ни второго, ни третьего (если таковой имеется), ни тем паче четвёртого-пятого-десятого.

Понятно, что тут буду писать о бельгийском.

Почему туда поехали? О нём мельком прочитали, уже пребывая в Бельгии: понравилось описание города плюс находится он в непосредственной близости от Брюсселя. Ближе, чем, к примеру, от подъезда дома в Москве, где я живу, до семейной дачи.

Дух захватывало, когда вдоль реки Маас по «железке» подъезжали с супругой к Динану и смотрели, как по другую сторону течения, сменяя один другого, словно игрушечные, бегут домики, домики, домики. Бегут, бегут, бегут.

Кстати, Маас... Ничего в голове не щёлкает? У меня, когда слышу (читаю) «это сладкое слово»¹ Маас, в памяти всегда щёлкает топоним Маастрихт – название города в Голландии, как раз и происходящего от названия реки (суша как производное от воды). Нидерланды, как известно, сосед Бельгии.

Про реку Маас при этом почему-то забываю, а город (административный центр нидерландской провинции Лимбург помнится). Во-первых, наверное, потому, что первой моей поездкой за рубеж уже во «взрослом» постстуденческом возрасте была поездка в Голландию, и Лимбург с его весёлыми по своему нраву жителями особо запал в душу. Во-вторых, когда изучал валютную систему Европейского союза, запомнилось (можно сказать, впечаталось в извилины мозга), что соглашение о создании валютного союза стран ЕС было подписано именно в Маастрихте. ...Впрочем, я отвлекся. Маастрихт тут не пришей кобыле хвост.

Будем считать это авторским лирическим отступлением.

Весь Динан из окон бельгийской электрички казался игрушечным, как из детства. Да, многое в Бельгии таким казалось, если выехать за пределы столицы.

Динан был конечной станцией не только нашего, но и *этого* ж/д маршрута (какой-то боковой тупиковой веткой), к финалу пассажиров в поезде почти не оставалось. Приехали на Динанский вокзал, который к моменту нашего появления уже больше двадцати лет как числился в местных памятниках местной же истории.

По эту сторону реки первое, что бросается в глаза, – памятник Шарлю де Голлю. Пара условных шагов от вокзала. Памятник стоит прямо перед мостом, ведущим не только через реку, но и в центр города. Вот так неожиданная встреча! Казалось бы, где Франция с Голлем, а где Бельгия с Динаном.

Что называется, казалось – и оказалось.

А оказалось, что в первую мировую войну де Голль молодым офицером был впервые во время боя с германцами в Динане ранен. Мост через реку тоже, кстати, носит его имя. Любят валлоны Францию и французов. Можно сказать, что валлоны и сами есть французы. Или нельзя?

Ну, и пиар для туристов одновременно (особенно французских). У каждого человека всё когда-то было в первый раз. А тут – ранен впервые (в ту войну ранения де Голль получал трижды), можно пиарить именно эту «первость»: турист – что рыбка; наживку заглотнёт и на крючок попадётся.

Пошли искать местную достопримечательность – памятник саксофону (в Динане родился изобретатель этого музыкального инструмента Адольф Сакс). Почему-то его (памятник) очень хотела увидеть жена – видимо, в путеводителе прочитала.

Нашли «его» прямо на мосту. Впрочем, на мосту этих памятников было... ну, десяток, не меньше, или даже два десятка или три: хороших и разных (расцветок). Память – штука непредсказуемая и парадоксальная: может запечатлеть десять, но тут же исправиться и зафиксироваться на тридцати.

Вообще в городе «памятников-саксофонов» оказалось если и не в избытке, то... в переизбытке (а как хотелось написать, что их тут немеряно, но грех грешить против истины).

Кстати, и рядом с ж/д вокзалом точно такой «памятник» стоит – нашли его раньше, чем найти захотели! И чего потом искали? А чтобы случилась неслучайность!

¹ В оригинале: «Это сладкое слово – свобода». Политический кинодетектив с таким названием был в советское время поставлен режиссёром Витаутасом Жалакявичусом. И даже премировался премиями не только московского кинофестиваля, но и международных кинофестивалей в Антверпене и Роттердаме.

Церковь Богородицы у подножия утёса

Ну, и у ж/д вокзала на него не обратили внимания потому, что супруга о том, что надо найти и обозреть, вспомнила чуть позже вокзала.

Перешли мост и вышли на ту сторону Мааса, которую только что наблюдали из окна поезда. Площадь, носящая название Рен Астрид (Place Reine Astrid) – я бы скорей назвал её небольшой площадью у самого утёса, на котором стоит крепость. Сразу вспомнилось лермонтовское: «Ночевала тучка золотая на груди утёса-великана».

Здесьний утёс – точно великан.

Видимо, это и есть самый центр.

Готическая церковь Богородицы (Collégiale Notre Dame) XIII-XIV веков у подножия утёса. Несмотря на внушительный возраст, с виду церковь юна и крепка.

На верхотуре утёса стоит крепость. Наверх протянута канатная дорога. Но – увы! – не работающая: то ли мало людей на утёс-великан ездит и гонять кабинки «туда-сюда» убыточно, то ли сломана (загубленные, зарытые в землю, точнее, пущенные на воздух валютные в евро инвестиции).

Решили с женой подниматься своим ходом. Где наша не пропадала! Подъём крутой, дорога не близкая, но я хорохорился, забегал далеко вперёд и делал фотокадры с отстающей супругой. Подбадривал: дескать, что ты там едва плетёшься; не спи – замёрзнешь; в общем, поторопись!

Виды сверху – потрясающие! Даже не сравнить с видами из окна электропоезда. Всё выше, и выше, и выше. На каком-то этапе перешли по одному или двум хлипким мосткам (сейчас так и хочется написать: шатающимся), перекинутым через «пропасть». Запыхались, еле дышим. Сердца бьются быстро-быстро, в унисон, – это, конечно, от любви друг к другу. Ну, и чуть-чуть от занятия физкультурой.

Добрались до какого-то чем попало испанского «аппендикса». Тупик. Входная дверь в крепость наглухо закрыта. На кнопку звонка внимания мы не обратили. Просто не увидели (видимо, там же, рядом со звонком, была ещё какая-то надпись на французском, что, дескать, надо звонить, которую мы среди разных «каляк-маляк» тоже не разглядели.

Когда спустились вниз, на всякий случай подошли к «будке», где по идее должно было находиться управление «канаткой». Будка была пустой. Без «рулевого».

Из ресторана рядом вышла, обратив внимание на «страдальцев», какая-то женщина (создалось впечатление, что ресторан и «канатка» как-то меж собой связаны; или женщина оказалась, что называется, «добрая душа»). Поначалу изъясняться с ней не получалось. Французского языка мы совсем не знали, а она не знала никакого другого, кроме французского.

Потом нашли способ. Писали вопрос на русском в приложении, закачанном в мобильник, с переводом на французский. Показывали женщине экран с текстом. Наконец она нас поняла и куда-то позвонила. Выяснилось (тоже через приложение-переводчик), что в том самом «тупике-аппендиксе», до которого мы добрались, надо было жать на кнопку придверного звонка и тогда нам открыли бы вход в цитадель. Во как! Как же это знакомо!

Ручное управление, чёрт его побери!

«Канатка» же, и правда, не работала. Причин мы не поняли.

«Снова пойдём-не пойдём наверх?» – переспросили мы с женой друг у друга. Сначала глазами, потом голосовыми связками. Решили, что сейчас точно не пойдём, но, может быть, сделаем это ближе к вечеру после прогулки по городу

Спойлер: но и потом наверх взбираться мы не стали, ибо ближе к вечеру стало совсем темно, да и неохота, невозможу.

Пошли направо («идёт направо – песнь заводит...»). Обнаружили тут Ратушу с государственными бельгийскими и ещё какими-то (видимо, городскими) флагами и какой-то скульптурной композицией. Но на этом, конечно, не остановились, двинулись вперёд, но не куда глаза глядят. Слева по ходу движения – гора и жмущиеся к горе постройками, справа – собственно город. Дошли, кажется, до конца (или почти до конца) Динана. Потом – в другую сторону, обратно, но уже по набережной («налево – сказку говорит...»).

Чудесная набережная! И главное – минимум миниморум народу. Можно идти и рефлексировать обо всём на свете, включая себя. По другую сторону реки (теперь это та сторона, на которую нас доставила электричка) виднелись старые строения бывшего монастыря капуцинов (теперь это гражданский хоспис). У Собора Богоматери свернули на улицу Адольфа Сакса. Искали теперь другой памятник. Не саксофону-инструменту, а музыканту-изобретателю Саксу собственной персоной в бронзе.

Нашли.

Сидит Адольф с созданным им саксофоном в руках на лавочке перед своим домом, где ныне музей музыкальных инструментов. Бронзовая коленка Сакса натёрта до блеска (для чего люди трут? чтобы «ещё не раз вернуться к этим берегам»? или в мечтах об исполнении желаний?)

Жена села рядом с Саксом, прижалась к создателю саксофона – так и осталась запечатлённой на нескольких фотокадрах для истории.

А вот музей за её спиной был, кажется, закрыт. Впрочем, может, это и я не захотел заходить внутрь, а жене уговорить меня не удалось. Ещё какое-то эзное количество лет назад я не любил музеи, сейчас ситуация резко изменилась – люблю. И не странною любовью, а обычной.

Знаменитых доисторических пещер Мон-Шаф (и Ла-Нолет) мы в Динане точно не осматривали. В музее пива не побывали. Аббатство Леф, может, и видели где-то по ходу движения, но не поняли, оно это или не оно. Серьёзное упущение.

Хотя путеводители сообщают, что Динан – туристический центр, большого числа туристов мы не обнаружили. Городок крохотный, неспешно обойти всё «хозяйство» можно за часа три-четыре, бегло осмотрев при этом всё, что можно – проще простого, в том числе проще пареной репы.

Днём даже в паре-тройке шагов от центра Динан вообще кажется пустынным. Гулять тут – одно удо-

вольствие, что я прямо по ходу дела и не преминул когда-то отметить в своей фейсбук-ленте.

В очередной раз с женой убедились, что ни по-английски, ни по-немецки тут не говорят даже на минимальном уровне. Посему, как говорится, в стране слепых кривой – король. Впрочем, как мы с женой увидели (и я уже это отметил), туристов здесь почти нет, включая иноязычных, поэтому, возможно, и город совсем не загажен (в отличие, к примеру, от того же Брюсселя).

Ближе к вечеру вернулись к Собору и к площади Рен Астрид. Приткнули наши уставшие тела за столик в Café Leffe. Место приятное, кормят и поят вкусно. Однако тут тоже не говорят ни по-английски, ни по-немецки. Даже на минимальном уровне. И, что удивительно, даже русского никто не знает...

Стоп! В кафе неожиданно обнаружился русского-ворящий парень – работник бара. По-русски говорил настолько чисто, без намёка на акцент, что, скорей всего, наш бывший соотечественник, но, может, из Украины или из Белоруссии; мы не стали выспрашивать, откуда он родом.

Обладатель русского языка нас и обслуживал. Он и посоветовал «откушать» сорт пшеничного нефильтрованного пива, который мне, любителю этого хмельного напитка, очень понравился. Я потом и в других бельгийских местах пытался это же пиво заказывать. И в магазинах бутылочное пиво этого сорта брал.

...Вечером на набережной народу было уже гораздо больше, чем днём (правда, тусовались люди только на одном небольшом пятачке – у моста, где, словно по мановению волшебной палочки, появились какие-то нестационарные перемещаемые «ларьки-палатки», очевидно, с перекусом и алкоголем).

Судя по всему, отдыхающий народ был местный. Пили-гуляли-радовались чему-то. Может, праздник какой был. А может, тут всегда по вечерам так (мол, расслабляются люди после трудового/трудного рабочего дня).

Когда по мосту де Голля возвращались к вокзалу, чтобы отчалить в Брюссель на ночлег, и оборачивались назад, то Собор в темноте на фоне подсвеченного утёса с цитаделью смотрелся прямо-таки фантастически. И мистически.

Так и закончился наш день.

И кстати, мы с женой нисколько не пожалели, что, прочитав о Динане случайно и мельком, скатались сюда и «потратили» на город весь день.

Гораздо приятнее Брюсселя.

На 1 стр. обложки – Атомиум в Брупарке, символ Брюсселя

**Большая площадь
Брюсселя. Ковёр
из цветов**

**Брюссель.
Фонтан де Брюкера**

Брюссельские улочки

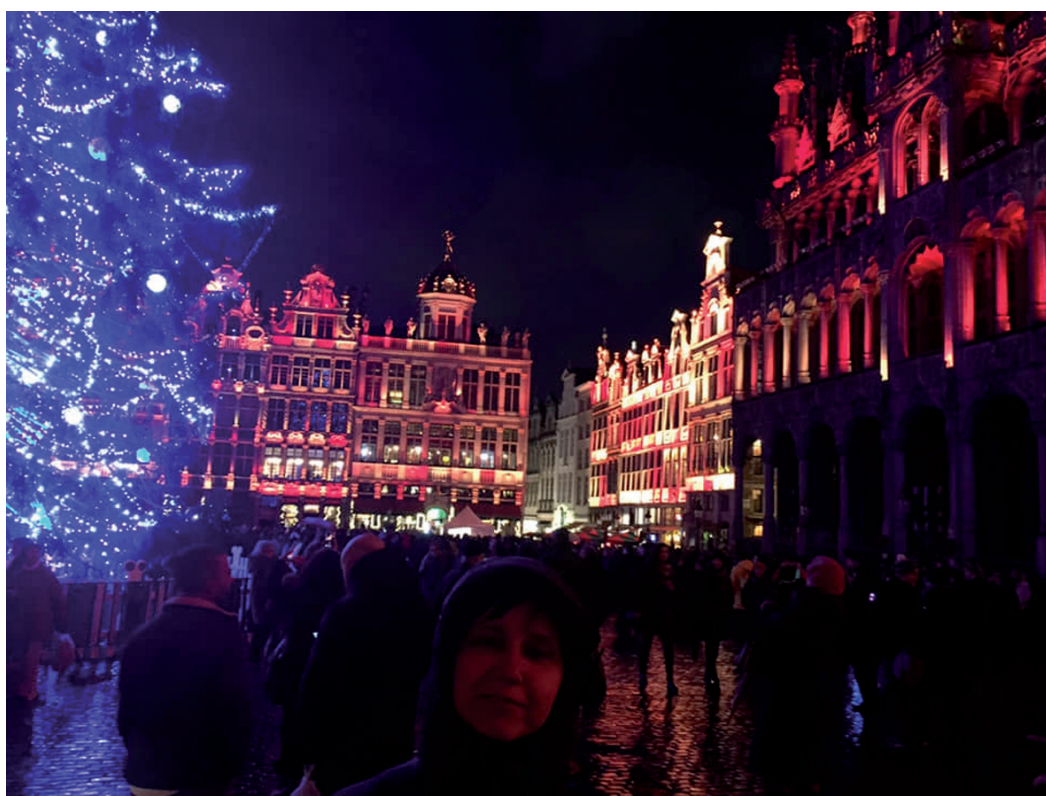
**Брюссель.
Дворец
Правосудия**

Жил-был брюссельский пёс

**Брюссель. Военный мемориал солдатам
на площади Пулларт**

**Вечером
Брюссель
преображается**

Гент. Вид с моста Святого Михаила

Гент. Дом Корпорации кожевников

Гент. Колокольня и новая ратуша

Гент. Замок Дьявола

**Гент. Собор
Святого Иакова**

**Гент. Площадь
с труднопроизносимым
названием**

**Гент. Собор
Святого Николая**

Брюгге. Канал Diver с историческими зданиями

В Брюгге кругом вода

*Вечерний Брюгге –
город сказки*

Луна над Брюгге

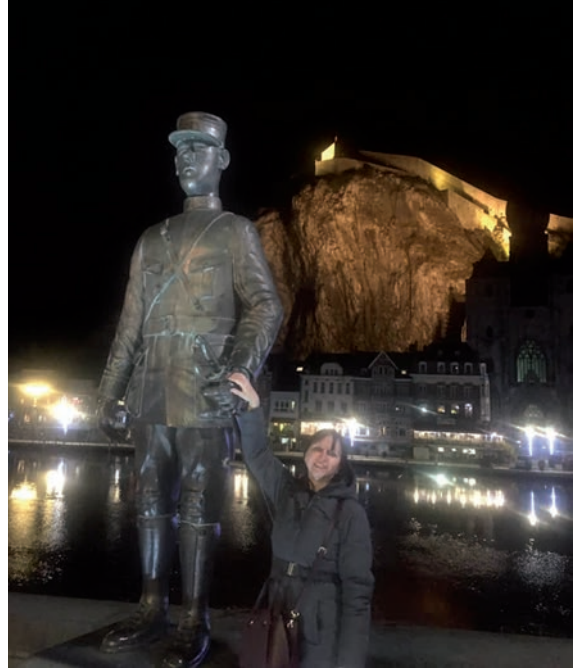

Брюгге. Мост с неизвестным названием

Динан. Дворец правосудия

*Динан. Памятник
де Голлю*

Сверху Динан как игрушечный

Динан. Саксофоны тут повсюду

А вот и сам Адольф Сакс

*Динан. Близок локоть,
да не укусишь: не позволили –
не попали в цитадель*

«Спелые яблоки катились по дороге, рыжая пыль оседала на их крепких боках, в воздухе дрожал, переливаясь, горьковатый аромат ромашки. Дорога вела лугом, и крутобокие яблоки, то зоревые, алые, то медово-прозрачные, как из рая, катились к берегу реки, и их обязательно надо было догнать, остановить, собрать в подол, потому что не яблоки то были, а человеческие жизни.

– Ты не должна, – слышался шёпот, похожий на гром. – Ты не должна их останавливать. Ты – Хозяйка яблони. Отпусти их на волю.

Она бежала, не слыша страшного шёпота, томимая одной великой мукой – догнать. На яблоках смутно проступали буквы, и отчего-то Ритка знала – то были имена, имена обречённых. С прощальным колокольным звоном яблоки попадали в чёрно-сине-серебряную воду реки, а Ритка остановилась, и, плача, закрыла лицо руками. Выныривая из прохладных объятий сна, она очнулась на мокрой от слёз подушке, очнулась и вспомнила давно прочитанное, щемящее: «Покатилось яблоко холодом, да на берег, да в чёрный пруд, если жизнь кончается смолоду – ошибается Божий суд».

**ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА НОВЫЙ
РАССКАЗ НАТАЛЬИ РУЗАНКИНОЙ «ХОЗЯЙКА ЯБЛОНИ»**

Вышло в свет Полное собрание стихов, поэм и песен замечательного саранского поэта Виктора Мишкина. Данное издание – первая публикация посмертного максимально полного на сегодня собрания поэтического наследия писателя. Издание выполнено при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

Составитель данного издания – поэт из Рузаевки Петр Громов. Издателем выступил Константин Шапкарин.

Большую помощь в издании книги оказала МБУК «Централизованная библиотечная система» Рузаевского муниципального района РМ.

